

ISSN 2413-6182

**КОММУНИКАТИВНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

**Communication
Studies**

2018 № 2 (16)

 ULRICHSWEB™
GLOBAL SERIALS DIRECTORY

ERIH PLUS
EUROPEAN REFERENCE INDEX FOR THE
HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES

КОММУНИКАТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 2018 № 2 (16)

КОММУНИКАТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ * 2018 * № 2 (16)

Редакционная коллегия

Главный редактор

д-р филол. наук, проф.
О.С. Иссерс (Омск, Россия)

д-р философии, проф.
Р. Андерсон (Лос-Анджелес, США)

д-р филол. наук, проф.
А.Н. Баранов (Москва, Россия)

д-р филол. наук, проф.
Н.В. Богданова-Бегларян
(Санкт-Петербург, Россия)

д-р философии, проф.
Д. Вайс (Цюрих, Швейцария)

д-р филол. наук, проф.
М.А. Кронгауз (Москва, Россия)

д-р филол. наук, проф.
Л.П. Крысин (Москва, Россия)

д-р филол. наук, проф.
Л.А. Кудрявцева (Киев, Украина)

д-р филол. наук, проф.
Э. Лассан (Вильнюс, Литва)

д-р филол. наук, проф.
Б.Ю. Норман (Минск, Беларусь)

д-р филологии, проф.
Р. Ратмайр (Австрия)

д-р филологии, проф.
Л. Рязанова (Эдинбург, Великобритания)

д-р филол. наук, проф.
И.А. Стернин (Воронеж, Россия)

д-р филол. наук, проф.
В.Е. Чернявская (Санкт-Петербург, Россия)

д-р филол. наук, проф.
А.П. Чудинов (Екатеринбург, Россия)

д-р филол. наук, проф.
А.Д. Шмелев (Москва, Россия)

Ответственный секретарь

канд. филол. наук, доц.
М.В. Терских (Омск, Россия)

Editorial Staff

Editor-in-Chief

Prof. O.S. Issers
(Omsk, Russia)

Ph.D. R. Anderson
(Los Angeles, USA)

Prof. A.N. Baranov
(Moscow, Russia),

Prof. N.V. Bogdanova-Beglaryan
(St. Petersburg, Russia)

Prof. V.E. Chernyavskaya
(St. Petersburg, Russia)

Prof. A.P. Chudinov
(Yekaterinburg, Russia)

Prof. M.A. Kronhaus
(Moscow, Russia)

Prof. L.P. Krysin
(Moscow, Russia)

Prof. L.A. Kudryavtseva
(Kyiv, Ukraine)

Prof. E. Lassan
(Vilnius, Lithuania)

Prof. B.Yu. Norman
(Minsk, Belarus)

Ph.D. R. Rathmayr
(Austria)

Ph.D. L. Ryazanova
(Edinburgh, UK)

Prof. I.A. Sternin
(Voronezh, Russia)

Prof. A.D. Shmelev
(Moscow, Russia)

Ph.D. D. Weiss
(Zurich, Switzerland)

Executive secretary of the journal

Dr. M.V. Terskikh
(Omsk, Russia)

КОММУНИКАТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ * 2018 * № 2 (16)

Основан в 2014 г.

Выходит 4 раза в год

Учредитель – Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Издается в рамках научного сотрудничества с Институтом русского языка им. В.В. Виноградова РАН.

Редактор Д.С. Нерозник
Технический редактор Н.В. Москвичёва
Дизайн обложки З.Н. Образова
Переводчики
В.А. Харюшина, А.Ю. Енарьева

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-72190 от 15 января 2018 г.
Выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных техноло-
гий и массовых коммуникаций

ISSN 2413-6182

«Коммуникативные исследования» –
рецензируемый научный журнал,
в котором представлены исследования
в области коммуникативистики.

К публикации принимаются статьи
на русском и английском языках

Включен в перечень ВАК.

Включен в Международную базу журна-
лов ERIH PLUS.

Включен в Международную базу журна-
лов ULRICH WEB.

Включен в Российский индекс научного
цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции
644077, Россия, Омская обл., г. Омск,
пр-т Мира, д. 55а, 2 корпус ОмГУ, каб. 221
Тел.: +7(3812)22-98-15
Сайт журнала: <http://com-studies.org/ru>

Дата выхода: 23.05.2018.
Ризографическая печать.
Формат 60×84 1/8.
Заказ 144. Тираж 60 экз.
Объединенный подписной каталог
«Пресса России». Индекс 94243.
Свободная цена

Отпечатано в типографии Омского
государственного университета
им. Ф.М. Достоевского

Адрес издателя и типографии
644077, Россия, Омская обл., г. Омск,
пр-т Мира, д. 55а

Founded in 2014

Published four times a year

Founded by Dostoevsky Omsk State
University

The journal is published within the frame-
work of scientific cooperation with Vinogradov
Institute of Russian Language of Russian
Academy of Science (RAS).

Editor D.S. Neroznik
Technical editor N.V. Moskvicheva
Design of cover Z.N. Obrazova
Interpreters
V.A. Kharyushina, A.Yu. Enareva

Journal Registration Certificate
ПИ No. ФС77-72190 of January 15, 2018.
Given by The Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology,
and Mass Media

ISSN 2413-6182

"Communication Studies" is a peer-reviewed
academic journal focusing on the study of
communication science.

The Journal publishes articles in Russian
and English

Included in VAC list.

Included in ERIH PLUS.

Included in ULRICH WEB.

Included in Russian Science Citation Index.

Address of editorial office
office 221, 2nd OmSU corpus, 55a, Mira pr.,
Omsk, Omsk Oblast, 644077, Russia
Phone: +7(3812)22-98-15
Site of Journal: <http://com-studies.org/ru>

Date of publication: May 23, 2018.
Risograph printing.
Format 60×84 1/8.
Order 144. Circulation of 60 copies
United subscription catalog "The Russian
Press". Index 94243.
Free price

Published by Dostoevsky Omsk State
University

Address of publisher and printing house
55a, Mira pr., Omsk, Omsk Oblast, 644077,
Russia

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Раздел I. ТЕОРИЯ КОММУНИКАЦИИ

Part I. THEORY OF COMMUNICATION

<i>Копнина Г.А.</i> Контрманипуляция в речевой коммуникации: некоторые перспективы изучения.....7	<i>Kopnina G.A.</i> Counter-manipulation in speech communication: some research perspectives..... 7
<i>Стернин И.А., Камбаралиева У.Д.</i> Теоретические проблемы описания коммуникативного поведения.....20	<i>Sternin I.A., Kambaralievа U.D.</i> Theoretical problems of the description of communicative behaviour 20

Раздел II. СОВРЕМЕННЫЕ ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ

Part II. MODERN DISCOURSE PRACTICES

<i>Завадская Ю.О.</i> Оговорки как явление устной спонтанной речи: основные аспекты анализа.....37	<i>Zavadskaya Yu.O.</i> Bloopers as a phenomenon of oral spontaneous speech: basic aspects of the research..... 37
<i>Капустина Т.Д.</i> Функциональные возможности формы <i>по идее</i> в устной спонтанной речи52	<i>Capustina T.D.</i> Functions of the word form <i>po idee (in theory)</i> in Russian spontaneous speech..... 52
<i>Кудлаева А.И.</i> Пятый и десятый: на пути к прагматеме65	<i>Kudlaeva A.I.</i> <i>Pyaty (the fifth) and desyatyi (the tenth)</i> : on the way to pragmatemes..... 65
<i>Мельник Ю.А., Кирова А.В.</i> Новое слово: социально-языковой креатив современности (по материалам социолингвистических проектов).....79	<i>Melnik Yu.A., Kirova A.V.</i> New word: socio-linguistic creative of modernity (based on the material of socio-linguistic projects)..... 79
<i>Стексова Т.И.</i> Интерпретационный потенциал изъяснительной конструкции (на примере: <i>я говорю, что...</i>)88	<i>Steksova T.I.</i> Interpretation potential of an explanatory construction (based on the example: <i>ya govoryu, chto... (i say that...)</i>) 88
<i>Шклярук Е.Я.</i> Местоименное слово <i>такой</i> в номинативных сочетаниях: попытка функциональной классификации 101	<i>Shklyaruk E.Ya.</i> A pronominal word <i>takoi (such)</i> in the nominative collocations: an attempt of functional classification.....101

Раздел III. КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ СОВРЕМЕННЫХ MASS MEDIA

Part III. COMMUNICATIVE PRACTICES OF THE MODERN MASS MEDIA

<i>Егошкина В.А.</i> Речевые стратегии привлечения и удержания внимания адресата в развлекательном радиодискурсе 115	<i>Egoshkina V.A.</i> Speech strategies of attracting and retaining attention of addressee in the entertainment radio discourse.....115
<i>Каминская Т.Л.</i> Медийные итоги года как репрезентанты символического капитала региона..... 127	<i>Kaminskaya T.L.</i> Media year-end observations as representatives of symbolic capital of the region127
<i>Нестерова Н.Г.</i> Интернет-комментарий к радиопрограмме как коммуникативная единица радиотекста..... 138	<i>Nesterova N.G.</i> Internet comment to the radio program as a communicative unit of radio texts138
<i>Никитина Е.А.</i> Об эффективности омского промышленного PR 152	<i>Nikitina E.A.</i> About the efficiency of Omsk industrial PR.....152

Раздел IV. КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА

Part IV. COMMUNICATIVE ASPECTS OF TRANSLATION

<i>Моисеев М.В.</i> Способы передачи культурной семантики при переводе англоязычных художественных текстов165	<i>Moiseev M.V.</i> Methods of the rendering of cultural semantics in the translation of English literary texts 165
<i>Савченко А.В.</i> Тайваньская жизненная философия в «кулинарно-фразеологическом» зеркале (с параллелями в славянских языках)182	<i>Savchenko A.V.</i> Taiwanese philosophy of life in the "culinary-phraseological" mirror (with idiomatic parallels in Slavic languages) 182
<i>Селиверстова Е.И., Чжан Ди.</i> Имена собственные в аспекте культурной семантики и вербализации авторского замысла (на примере повести М. Булгакова «Собачье сердце» и ее перевода на китайский язык).....197	<i>Seliverstova E.I., Zhang Di.</i> Proper nouns in the aspect of cultural semantics and verbalization of the author's intention (on the story of M. Bulgakov's "Heart of a dog" and its translation into Chinese) 197

Раздел V. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

Part V. REVIEWS. CHRONICLE

<i>Алпатов В.М.</i> Рецензия на монографию В.В. Дементьева «Речежанровые коммуникативные ценности в новых и новейших сферах русской речи» (Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2016. 396 с.)213	<i>Alpatov V.M.</i> The review of the V.V. Dementyev's monograph "Speech genre communicative values in the new and newest spheres of Russian speech" (Saratov, Saratov State University Publ., 2016, 396 p.)..... 213
<i>Рамза Т.Р.</i> Рецензия на книгу Б.Ю. Нормана «Жизнь словоформы» (М.: Флинта: Наука, 2016. 216 с.).....218	<i>Ramza T.R.</i> Review of the B.Yu. Norman's book "The Life of Word Form" (Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2016, 216 p.) 218
<i>Картышева М.С.</i> Заседание орфографической комиссии РАН: хроника и основные решения (27 января 2018 г., Новосибирск, Россия).....224	<i>Kartysheva M.S.</i> Meeting of the spelling commission of the RAS: the chronicle and main decisions (January 27, 2018, Novosibirsk, Russia)..... 224
<i>Информация для авторов</i>228	<i>Information for authors</i> 228

Раздел I

ТЕОРИЯ КОММУНИКАЦИИ

Part I

THEORY OF COMMUNICATION

КОНТРМАНИПУЛЯЦИЯ В РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ: НЕКОТОРЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

Г.А. Копнина

Сибирский федеральный университет (Красноярск, Россия)

Аннотация: Речевая контрманипуляция определяется как стратегия речевого поведения, направленная на защиту от манипулятивного влияния и основанная на использовании речевых тактик и приемов, реализующих задачи уклонения от влияния манипулятора или открытого противодействия ему. Ставятся проблемы терминологического обозначения речевых действий, направленных на защиту от манипулятора, их типологии и системного описания. Приводятся речевые иллюстрации таких контрманипулятивных тактик, как тактика повтора, тактика подчеркнутого принятия словесного ярлыка с его оценочным переосмыслением, тактика указания на речевой манипулятивный прием, тактика проведения «отрезвляющих» аналогий. Утверждается, что лингвистические исследования позволят расширить перечень способов речевой защиты от манипулятора. Вводится понятие речевого контрманипулятива как единицы речи, используемой в функции нейтрализации манипулятивного воздействия. Отмечается, что эту функцию могут выполнять прецедентные высказывания, пословицы и поговорки. Уточняется определение стратагеми как лингвистически формализованной стратегии, т. е. такой стратегии поведения, которая находит отражение в семантике устойчивых (клишированных) конструкций. Говорится о существовании клишированных, устойчивых выражений, кратко описывающих ту или иную коммуникативную тактику (ход) нейтрализации действия манипулятора. Делается вывод о перспективности изучения речевой контрманипуляции прежде всего в аспекте коммуникативной лингвистики, лингвориторики и лингвокультурологии. Предполагается, что определенный вклад в исследование речевой контрманипуляции могут внести специалисты в области лингвистики информационно-психологической войны, поскольку манипулятивные и контрманипулятивные стратегии являются частью технологии ведения этой войны.

Ключевые слова: манипуляция, контрманипуляция, речевая стратегия, речевая тактика.

Для цитирования:

Копнина Г.А. Контрманипуляция в речевой коммуникации: некоторые перспективы изучения // Коммуникативные исследования. 2018. № 2 (16). С. 7–19. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.2.7-19.

Сведения об авторе:

Копнина Галина Анатольевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации

Контактная информация:

Почтовый адрес: 660041, Россия, Красноярск, пр. Свободный, 82а

E-mail: okornin@mail.ru

Дата поступления статьи: 24.09.2017

Введение

В начале XXI в. защищен целый ряд диссертационных работ, посвященных изучению феномена речевой манипуляции (напр.: [Полетаева 2001; Денисюк 2003; Никитина 2006; Мансурова 2009; Катенева 2010; Антонова 2011; Найдина 2013]), но гораздо меньше внимания уделяется вопросам речевой защиты от манипулятивного воздействия, или речевой контрманипуляции, что обуславливает **актуальность ее исследования**.

О необходимости овладения техникой контрманипуляции в межличностном общении в лингвистике одним из первых стал говорить К.Ф. Седов, который предложил для наименования этой техники термин «коммуникативное айкидо» (по аналогии с «психологическим айкидо» М.Е. Литвака) [Седов 2011: 229]. О проблеме защиты от манипулятора в профессиональном межкультурном общении пишет Н.В. Барышников, который характеризует некоторые «рабулистические стратегии коммуникативной самозащиты и атаки» [Барышников 2010: 197–198]. Исследование речевой контрманипуляции значимо как в плане оптимизации межличностного непрофессионального и профессионального общения, так и в аспекте национальной безопасности общества, особенно сейчас, в эпоху информационно-психологических войн, часть технологии которых составляет манипуляция общественным сознанием, осуществляемая прежде всего с помощью языка. Поэтому определенный вклад в изучение контрманипуляции могут и должны внести языковеды и дискуртологи.

Цель статьи – кратко обозначить некоторые перспективы изучения контрманипуляции в лингвистическом аспекте. При этом речевую контрманипуляцию определяем как такую стратегию речевого поведения, которая направлена на защиту от манипулятивного влияния и основана на использовании речевых тактик и приемов, реализующих задачи уклонения от влияния манипулятора (скрытого маневрирования) или открытого противодействия ему.

Поскольку статья имеет теоретический характер, то **материалом** для ее написания послужили прежде всего те немногочисленные научные публикации, в которых так или иначе уделяется внимание языковой составляющей защиты от манипуляции. На основе их теоретического

осмысления и собственных наблюдений над собранными речевыми фактами делаются выводы о возможностях дальнейшего лингвистического изучения речевой контрманипуляции.

Результаты исследования и обсуждение

В результате исследования выявлены следующие вопросы, которые могут быть интересны лингвистам.

1. О терминологическом разном в исследованиях контрманипуляции. Рассматривая вопросы контрманипуляции, исследователи оперируют различными, четко не соотнесенными друг с другом понятиями: технология контрманипуляции, техника контрманипуляции, методика контрманипуляции и стратегия / тактика контрманипуляции. Нельзя не согласиться с С.Н. Плотниковой, которая пишет: «Стратегия, тактика, технология – эти три понятия, используемые в анализе дискурса, еще не имеют непротиворечивого лингвистического обоснования» [Плотникова 2008: 138]. В результате одно и то же явление квалифицируют и терминируют по-разному. Рассмотрим это на примере повторения одной и той же фразы в ответ на реплики манипулятора:

– Хочу предложить вам, – тут женщина из-за пазухи вытащила несколько ярких и мокрых от снега журналов, – взять несколько журналов в пользу детей Германии. По полтиннику штука.

– Нет, не возьму, – кратко ответил Филипп Филиппович, покосившись на журналы.

Совершенное изумление выразилось на лицах, а женщина покрылась клюквенным налетом.

– Почему же вы отказываетесь?

– Не хочу.

– Вы не сочувствуете детям Германии?

– Сочувствую.

– Жалете по полтиннику?

– Нет.

– Так почему же?

– Не хочу (М. Булгаков. Собачье сердце).

В научно-популярной литературе по психологии повторение одной и той же фразы называют «приемом многократного повтора» [Зорин 2013: 74], методикой / приемом «заезженной пластинки» [Назар-Ага 2013: 242], «техникой испорченной пластинки» [Сидоренко 2004: 112] и приемом «попугая» [Балахонская, Сергеева 2016: 221]. Более точным было бы именовать это речевое явление тактикой повтора, тем более что (как показывает приведенный выше пример) повтор не обязательно может быть многократным.

Очень часто контрманипулятивным речевым действиям даются метафорические наименования. Например, «техника психологического

айкидо («коммуникативного айкидо») состоит в предупреждении действий манипулятора. Однако есть работы, в которых под этим термином описываются различные способы, не связанные с предупредительным характером контрманипулятивных действий (см.: [Зорин 2013: 75]), что свидетельствует о недостаточной определенности в объеме и содержании этого понятия.

Таким образом, существует проблема системности терминологического обозначения речевых действий, направленных на нейтрализацию манипулятора.

2. Об открытости перечня контрманипулятивных тактик. Лингвистическое изучение контрманипуляции в речевой коммуникации позволит дополнить и/или конкретизировать содержание выделенных в психологии «техник противостояния» манипуляции. В частности, Е.В. Сидоренко пишет о «технике внешнего согласия» (считаем, что это речевая тактика), которая основана на выражении согласия с собеседником только «на словах», т. е. без изменения своей позиции, и которая поэтому называется также «наведением тумана» [Сидоренко 2004: 111–112]. Предложенные исследователем варианты ответа не всегда основаны на неопределенности в вопросе принятия мнения манипулятора. Сравните, с одной стороны: *Какая неожиданная мысль! Надо будет ее обдумать...; Я сама об этом часто думаю, но пока не пришла к определенным выводам; Я подумую, имеет ли это отношение ко мне – и, с другой стороны: Знаешь, я вынуждена с тобой согласиться, хотя мне и трудно это сделать сразу.* В последнем случае «наведение тумана», на наш взгляд, не просматривается.

Никакого «наведения тумана» нет в тактике, которую назовем тактикой подчеркнутого принятия «ярлыка» с его оценочным переосмыслением, например:

Я – русский. Я тот самый «колорад».

Совдеповский отстой, рашист и вата.

Я тот, кто любит водку и Парад,

я – отпрыск победившего солдата.

*Я самый натуральнейший москаль,
воспитанный на «мама мыла раму».*

Я тот, кому детей донецких жаль,

кто презирает Штаты и Обаму.

Не радуйтесь. Мы – не перевелись.

Нас много – не привыкших жрать от пуза.

Нам человечность прививала жизнь

в палатах умиравшего Союза... (В. Кобец. Я – русский).

Позиция автора текста обозначена достаточно четко. Слова и словосочетания, используемые манипулятором в функции ярлыков, приобретают в контрманипулятивной тактике противоположную позитивную коннотацию. Другой пример этой тактики: *Наши недоброжелатели... про-*

звали ныне русский народ – ватниками. <...> Ватник у миллионов людей символизирует не лентяев и лодырей, не пьяниц и воришек, а как раз, наоборот – все самые героические деяния народа: период великих строек, период великой войны, период восстановления, или же самые трагические периоды в жизни страны: лагерные репрессии, ссылки, тяжёлый труд. Так что **ватник – это звучит гордо**. Ватники создали великую русскую литературу XX века, честь им за это и хвала (Завтра. 2015. № 21).

Анализ речевых фактов позволяет утверждать, что могут быть де-факто реализованы те способы защиты от манипулятора, которые отражены в психологической литературе. Так, в приведенном ниже фрагменте диалога используется тактика указания на приписывание манипулятором адресату того, что он не говорил.

Телеведущая Ксения Собчак: <...> Вы говорите: «Докажите, что патриарх звонил...»

Настоятель храма Великомученицы Татианы МГУ протоиерей Максим Козлов: **Нет, я так не говорил. Это Вы сказали** (Первый канал. В контексте. 15.03.2012).

Используемая протоиереем тактика является, на наш взгляд, разновидностью «демонстрации манипулятору сути производимых им действий» [Азарнова 2016: 286]. Другая ее разновидность – тактика указания на конкретный прием (или приемы) речевой манипуляции, его описание, например: *...В случае изменения отношения солдата к происходящему на поле боя / неизбежно наступает поражение <...> // Наполеон в 1812 году / вторгается в Российскую империю // Для русского солдата / русского офицера / совершенно очевидно / что враг вторгся на нашу священную землю / и что нужно с ним бороться // Что делают русские солдаты? // Героически сражаются / побеждают противника... // <...> А теперь представим / что в тот момент был Интернет / было радио / телевидение / блоггеры // в общем информационное поле // <...> Представьте / что со всех сторон / на русских солдат идет поток информации / которая говорит несколько постулатов // Первое / Российская империя / это «тюрьма народов» // <...> «Угнетают другие народы / угнетают русский народ» // <...> Зачем советский / точнее русский / солдат / должен защищать эту «преступную власть» Александра I // Ведь очевидно / что с Европы движется «Наполеон-освободитель»... // <...> «Он несет свободу / русским крепостным крестьянам <...> // Россия **расцветет** / а многие народы / **получат наконец-то свободу**» // Вот представьте / везде бы это говорилось // <...> Информационная война призвана изменить / ваше отношение к происходящим событиям (http://antiliber.blogspot.ru/2016/04/040416_52.html) – тактика указания на конкретные речевые приемы референциальной манипуляции, используемые в информационно-психологической войне.*

Контрманипулятивный характер может иметь тактика проведения ярких «отрезвляющих» аналогий. Приведем пример использования этой тактики в сочетании с тактикой перехвата инициативы «за счет активного исследования ситуации, постановки вопросов манипулятору, исследующих его позицию и направленных на поиск несостыковок в ней» [Азарнова 2016: 201]:

[Герой фильма Иван Бутыко видит, что комод полон косметических средств.]

– *Это шо такое? //*

– *Ну Вань / ты же мне сам разрешил / крэм купить... //*

– *Так я ж тебе один / разрешил купить // Один! // А не ст... / Нет / я понимаю Валентина / что ты у меня женщина / не маленькая // И размеры лица соответственно / но не до такой же степени!.. //*

– *Да это... / да это Вань / я просто решила подарок сватам сделать // Они ж нам... / они ж нам / в прошлом году стиральную машинку подарили // А мы им? / А мы им / ничего //*

– *Они что / стоят как стиральная машинка?! //* [перехват инициативы путем постановки вопросов]

– *Да нет... / мелочь // Просто знак внимания // А потом я еще получила пожизненную скидку / двухпроцентную.*

– *А-а / ну я теперь понимаю / что это за знак внимания // Слушай / а почему у них скидка / как заключение / пожизненная? // Это чтоб потом / всю жизнь / у них выкупать?.. //* [проведение аналогии между скидками на покупки и тюремным заключением] (т/с Сваты).

Таким образом, исследование контрманипуляции в аспекте коммуникативной лингвистики позволит расширить перечень тактических способов речевой защиты от манипулятора.

3. О проблеме классификации контрманипулятивных речевых тактик. В литературе, посвященной проблемам коммуникации, способы речевой защиты от манипуляции подаются, как правило, списком под терминами «виды защит», «стратегии», «тактики», «приемы». Например, выделяются «эристические стратегии»: пресечение конфронтации, остроумный ход, самоироничное отношение к создавшейся ситуации, превращение недоразумений в шутку / каламбур, импровизация, коммуникативная находчивость, упреждение неловких и нелепых ситуаций [Барышников 2010: 231].

Большинство исследователей вслед за В.П. Шейновым (см., напр.: [Шейнов 2008]) пишут о двух типах защиты от манипуляции: пассивной (не разоблачающей намерение манипулятора и направленной на то, чтобы выиграть время) и активной (разоблачающей манипулятора с возможным ответным нападением) [Балахонская, Сергеева 2016: 218–229]. Классификацию контрманипулятивных действий предлагает И.М. Дзялошинский, выделяющий два «вида защит»: неспецифические защиты – «такие,

которые используются по факту наличия угрозы вообще», и специфические защиты, которые «...учитывают содержательные характеристики угрозы» [Дзялошинский 2012: 503]. Внутри первой группы виды защитных действий подаются списком; во второй группе выделяются две стратегии защиты: активная, нацеленная на борьбу с манипулятором, нанесение ему ущерба, и стратегию, которую исследователь характеризует как «целенаправленную трансформацию манипулятивного воздействия в таком направлении, чтобы его эффект соответствовал интересам адресата манипулятивного воздействия» [Дзялошинский 2012: 508]. Вопросам лингвистического оформления защитных речевых действий исследователи пристального внимания не уделяют, ограничиваясь приведением высказываний, используемых для оформления некоторых тактик, описанных Е.В. Сидоренко как «техники манипуляции» [Сидоренко 2004]. Обобщающая многоступенчатая классификация контрманипулятивных стратегий / тактик и приемов отсутствует.

4. О роли языка в контрманипуляции. Прецедентные тексты в роли контрманипулятивов. Замечено, что в процессе контрманипуляции нужно не применять «язык манипулятора»: «Говорите о тех же понятиях, но своими словами, терминами и определениями» [Непряхин 2013: 13]. В научно-популярной литературе советуют также пользоваться короткими фразами, можно готовыми, например пословицами и поговорками, причем не обязательно соответствующими содержанию разговора [Азарнова 2016: 284]. Приводятся списки «фраз из техники контрманипуляции», но вне какой-либо систематизации. Например, И. Назаре-Ага приводит 118 таких фраз и высказываний [Назаре-Ага 2013: 190–194].

Назовем сочетания слов, речевые обороты и высказывания, используемые в функции нейтрализации манипулятивного воздействия, **речевыми контрманипулятивами**. Так, для стратегии активной контрманипуляции, т. е. контрманипуляции, направленной на прояснение цели манипулятора, характерны высказывания типа: *С какой целью / почему вы мне это говорите / пришли ко мне?; Что Вам от меня нужно? (Вам что-то от меня нужно?)* и т. п. Приведем пример использования речевой стратегии активной контрманипуляции:

Н-да, теперь нелегко с ним будет справиться. Ну что ж, как ни противно, а надо прикинуться овечкой, чтобы выйти победительницей, несмотря на этот промах. Быть может, если удастся улестить его...

– Как грубо вы себя ведете – взяли и отшвырнули мои бедные ручки. И все лишь потому, что я на прошлой неделе поехала кататься без перчаток и испортила себе руки.

– Кататься – черта с два вы катались! – все так же холодно сказал он. – Вы работали этими руками – и работали тяжело, как ниггер. Вопрос в другом! Почему вы солгали мне про Тару и сказали, что дела у вас идут отлично?

– *Послушайте, Ретт...*

– **Ну-ка, попробуем докопаться до правды. Какова подлинная цель вашего визита?** Вы своим кокетством чуть было не убедили меня, что я вам чуточку дорог и что вы расстроены из-за меня.

– *Но я и вправду расстроена! В самом деле...*

– *Нет, ничего подобного! Даже если меня повесят на самой высокой виселице... вам будет все равно. Это начертано на вашем лице, как следы тяжелой работы – на ваших ладонях. Вам что-то нужно от меня, и вы так сильно этого хотите, что устроили тут целый спектакль. Почему вы прямо не пришли ко мне и не сказали в открытую, что вам от меня надо? У вас было бы куда больше шансов добиться своего, ибо если я что и ценю в женщинах, так это прямому. Но нет, вы трясете тут своими сережками, надуваете губки и кокетничаете, как проститутка с клиентом, которого она хочет залучить. <...>*

– *Какой же вы игрок, Скарлетт, – усмеялся он. – Поставили на то, что, сидя в тюрьме, я лишен женского общества и потому кинусь на вас, как форель на червяка.*

«*Так ведь ты и кинулся, – в бешенстве подумала Скарлетт. – Если бы не мои руки...»*

– *Ну вот мы и восстановили истину – почти всю, кроме причины, побудившей вас пойти на это. А теперь, может быть, вы скажете мне, почему вы хотели надеть на меня брачные цепи?*

В голосе его прозвучали мягкие, даже чуть дразнящие нотки, и Скарлетт приободрилась. Пожалуй, еще не все потеряно. Конечно, надежды на брак уже нет никакой, но, несмотря на свое отчаяние, Скарлетт была даже рада. Что-то было в этом неподвижно застывшем человеке страшное, и даже самая мысль о том, чтобы выйти за него замуж, пугала ее. Но может быть, если вести себя умно, возродить воспоминания и сыграть на его влечении, ей удастся получить у него заем. Она придала лицу детски-умоляющее выражение.

«*...» – Ретт, во имя нашей старой дружбы я хочу просить вас об одолжении.*

– *Ну вот, наконец-то леди с мозолистыми руками приступила к выполнению своей подлинной миссии. Боюсь, «посещение больных и узников» – не ваша роль. Чего же вам надо? Денег?*

Этот прямой вопрос разрушил всякую надежду подойти к делу кружным путем, сыграв на его чувствах (М. Митчелл. Унесенные ветром).

Речевой контрманипулятив – это разновидность того, что О.С. Иссерс называет «речевыми маркерами коммуникативных стратегий» [Иссерс 2009: 184].

Наблюдения над использованием прецедентных текстов, в том числе пословиц и поговорок, в ситуации защиты от манипулятора могут позволить лингвистам составить словарь речевых контрманипулятивов, который будет востребован широким кругом читателей.

5. О контрманипулятивных стратагемах, тактиках и их отражении в языке. Интерес представляет диссертационное исследование С.В. Сидоркова, где доказывается гипотеза существования лингвистически оформленных, клишированных форм (выражений), описательно характеризующих манипулятивное поведение людей. Так, выражения *делать из мухи слона, поднимать бурю в стакане воды* реализуют стратагему «извлечь нечто из ничего» «с целью диффамации, мистификации, введения в заблуждение противника» [Сидорков 1997: 33]. Исходя из примера, стратагему можно определить как лингвистически формализованную стратегию.

Может быть выдвинута гипотеза о существовании клишированных, устойчивых выражений, кратко описывающих ту или иную коммуникативную тактику (ход) нейтрализации действия манипулятора. И действительно, фразеологизм *заговаривать зубы* реализует стратагему «уйти от воздействия» и соответствует тактике смены предмета разговора (отвлечения от сути проблемы). Эту же стратагему реализуют сочетания *положить в долгий ящик*, соответствующее тактике отложенного принятия решения, и *умывать руки*, отражающее тактику самоустранения от дела.

Устойчивое выражение *А Васька слушает да ест* отражает стратагему, которую можно сформулировать как «не замечать (игнорировать) усилия манипулятора» и которая очень точно характеризует тактику молчания в ситуации, когда манипулятор пытается вызвать у адресата чувство стыда, например:

– *Вот, – сказала мама, – полюбуйтесь! На что уходит отпуск? Посуда, посуда, три раза в день посуда! Утром мой чашки, а днем целая гора тарелок. Просто бедствие какое-то!*

– *Да, – сказал папа, – действительно это ужасно! Как жалко, что ничего не придумано в этом смысле. Что смотрят инженеры? Да, да... Бедные женщины...*

Папа глубоко вздохнул и уселся на диван.

Мама увидела, как он удобно устроился, и сказала:

– *Нечего тут сидеть и притворно вздыхать! Нечего всё валить на инженеров! Я даю вам обоим срок. До обеда вы должны что-нибудь придумать и облегчить мне эту проклятую мойку! Кто не придумает, того я отказываюсь кормить. Пусть сидит голодный. Дениска! Это и тебя касается. Намотай себе на ус!*

Я сразу сел на подоконник и начал придумывать, как быть с этим делом. <...> Но папа и не думал думать. Он побрился, потом надел чистую рубашку, потом прочитал штук десять газет, а затем спокойно включил радио и стал слушать какие-то новости за истекшую неделю (В. Драгунский. Хитрый способ).

И хотя в итоге папа подчинился требованиям, для его коммуникативного поведения в начале рассказа характерна стратагема «не заме-

чать усилия манипулятора», реализуемая при помощи тактики внешнего согласия и тактики прерывания контакта с собеседником.

Полагаем, что понятие стратагемы целесообразно ввести в научный лингвистический оборот. Языковое отражение стратагем зависит от национальной культуры и может представлять интерес в аспекте лингвокультурологии.

Выводы

Итак, речевая контрманипуляция лингвистически может быть охарактеризована в разных аспектах: коммуникативно-прагматическом – со стороны используемых контрманипулятивных стратегий, тактик и приемов, которые предстоит обобщить, непротиворечиво описать и типологизировать; терминологическом – с целью унифицировать и систематизировать их терминологические наименования; лингвориторическом, например путем анализа риторических приемов, в том числе связанных с использованием прецедентных текстов, выполняющих роль контрманипулятивов; лингвокультурологическом – с точки зрения отражения в языке типичных контрманипулятивных стратагем.

Изучение речевой контрманипуляции заполнит лауну в теории речевого воздействия и позволит разработать пути и способы формирования контрманипулятивной компетенции, приобретающей особую значимость в век разработок новых способов информационно-психологического воздействия на массовое сознание.

Список литературы

- Азарнова А.* Поединок с манипулятором. Защита от чужого влияния. СПб.: Питер, 2016. 336 с.
- Антонова А.В.* Система средств речевой манипуляции в британском политическом дискурсе: реципиентоцентрический подход: дис. ... д-ра филол. наук. Самара, 2011. 386 с.
- Балахонская Л.В., Сергеева Е.В.* Лингвистика речевого воздействия и манипулирования: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2016. 352 с.
- Барышников Н.В.* Профессиональная межкультурная коммуникация: монография. Пятигорск: ПГЛУ, 2010. 264 с.
- Денисюк Е.В.* Манипулятивное речевое воздействие: коммуникативно-прагматический аспект: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003. 200 с.
- Дзялошинский И.М.* Коммуникативное воздействие: мишени, стратегии, технологии: монография. М.: НИУ ВШЭ, 2012. 572 с.
- Зорин И.И.* Игры, в которые играют... Мастерство манипуляций. СПб.: Питер, 2013. 176 с.
- Иссерс О.С.* Речевое воздействие: учебное пособие для студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью». М.: Флинта: Наука, 2009. 224 с.
- Катенева И.Г.* Механизмы и языковые средства манипуляции в текстах СМИ: на материале общественно-политических оппозиционных изданий: дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2010. 250 с.

- Мансурова А.И. Манипуляция общественным сознанием посредством СМИ: на примере концептосферы «защита»: дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2009. 189 с.
- Назаре-Ага И. Они играют на ваших чувствах! Психологическая защита от манипуляторов. СПб.: Питер, 2013. 272 с.
- Найдина Д.С. Метафора в процессах манипулирования в современном медиадискурсе: на материале тематического субдискурса «Нефтегазовый бизнес»: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2013. 229 с.
- Непрякин Н. 101 совет по противодействию манипуляциям. 4-е изд. М.: Альпина Паблишер, 2013. 66 с.
- Никитина К.В. Технологии речевой манипуляции в политическом дискурсе СМИ: на материале газет США: дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2006. 197 с.
- Плотникова С.Н. «Дискурсивное оружие»: роль технологий политического дискурса в борьбе за власть // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2008. № 2. С. 138–144.
- Полетаева Т.В. Речевые манипуляции в современной англоязычной рекламе: Прагматический аспект: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2001. 203 с.
- Седов К.Ф. Дискурс как суггестия: иррациональное воздействие в межличностном общении. М.: Лабиринт, 2011. 336 с.
- Сидоренко Е.В. Тренинг влияния и противостояния влиянию. СПб.: Речь, 2004. 256 с.
- Сидорков С.В. Функционально-семантические аспекты языковой стратагемности: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 1997. 160 с.
- Шейнов В.П. Скрытое управление человеком (Психология манипулирования). М.: АСТ; Минск: Харвест, 2008. 816 с.

References

- Antonova, A.V. (2011), *Sistema sredstv rechevoi manipulyatsii v britanskom politicheskom diskurse: retsipientotsentricheskii podkhod* [System of speech manipulation means in British political discourse], Dissertation, Samara, 386 p. (in Russian)
- Azarnova, A. (2016), *Poedinok s manipulyatorom. Zashchita ot chuzhogo vliyaniya* [Battle with a manipulator. Protection against manipulation], St. Petersburg, Piter Publ, 336 p. (in Russian)
- Balakhonskaya, L.V., Sergeeva, E.V. (2016), *Lingvistika rechevogo vozdeistviya i manipulirovaniya* [Linguistics of speech influence and manipulation], textbook, Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 352 p. (in Russian)
- Baryshnikov, N.V. (2010), *Professional'naya mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Professional intercultural communication], Monograph, Pyatigorsk, Pyatigorsk State Linguistic University Publ., 264 p. (in Russian)
- Denisyuk, E.V. (2003), *Manipulyativnoe rechevoe vozdeistvie: kommunikativno-pragmaticheskii aspekt* [Speech manipulation: communicative and pragmatic aspect], Dissertation, Yekaterinburg, 200 p. (in Russian)
- Dzyaloshinskii, I.M. (2012), *Kommunikativnoe vozdeistvie: misheni, strategii, tekhnologii* [Communicative manipulation: targets, strategies and technologies], Monograph, Moscow, HSE Publ., 572 p. (in Russian)
- Issers, O.S. (2009), *Rechevoe vozdeistvie* [Linguistic manipulation], textbook, Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 224 p. (in Russian)

- Kateneva, I.G. (2010), *Mekhanizmy i yazykovye sredstva manipulyatsii v tekstakh SMI: na materiale obshchestvenno-politicheskikh oppozitsionnykh izdaniy* [Mechanisms and language means of manipulation in Mass Media texts: case study of socio-political publications of opposition], Dissertation, Novosibirsk, 250 p. (in Russian)
- Mansurova, A.I. (2009), *Manipulyatsiya obshchestvennym soznaniem posredstvom SMI: na primere kontseptsfery "zashchita"* [Manipulation of public consciousness by means of Mass Media: case study of a concept sphere "protection"], Dissertation, Ufa, 189 p. (in Russian)
- Naidina, D.S. (2013), *Metafora v protsessakh manipulirovaniya v sovremennom mediadiskurse: na materiale tematicheskogo subdiskursa "Neftegazovyi biznes"* [Metaphor in the processes of manipulation in modern Mass Media discourse: case study of the thematic sub-discourse "Oil and Gas Business"], Dissertation, Tomsk, 229 p. (in Russian)
- Nazare-Aga, I. (2013), *Manipulators are among us*, St. Petersburg, Piter Publ., 272 p. (in Russian)
- Nepryakhin, N. (2013), *101 sovet po protivodeistviyu manipulyatsiyam* [101 advice on countermeasures against manipulation], 4th ed., Moscow, Al'pina Publ., 66 p. (in Russian)
- Nikitina, K.V. (2006), *Tekhnologii rechevoi manipulyatsii v politicheskom diskurse SMI: na materiale gazet SShA* [Technologies of speech manipulation in Mass Media political discourse: case study of USA newspapers], Dissertation, Ufa, 197 p. (in Russian)
- Plotnikova, S.N. (2008), "Diskursivnoe oruzhie": rol' tekhnologii politicheskogo diskursa v bor'be za vlast' ["Discursive weapon": role of political discourse in a power struggle]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Herald of ISLU], No. 2, pp. 138-144. (in Russian)
- Poletaeva, T.V. (2001), *Rechevye manipulyatsii v sovremennoi angloyazychnoi reklame: pragmaticheskii aspekt* [Speech manipulations in modern English-language advertisement: pragmatic aspect], St. Petersburg, 203 p. (in Russian)
- Sedov, K.F. (2011), *Diskurs kak suggestiya: irratsional'noe vozdeistvie v mezhlichnostnom obshchenii* [Discourse as a suggestion: irrational manipulation in interpersonal communication], Moscow, Labirint Publ., 336 p. (in Russian)
- Sheinov, V.P. (2008), *Skrytoe upravlenie chelovekom (Psikhologiya manipulirovaniya)* [Implicit human control (Psychology of manipulation)], Moscow, AST Publ., Minsk, Kharvest Publ., 816 p. (in Russian)
- Sidorenko, E.V. (2004), *Trening vliyaniya i protivostoyaniya vliyaniyu* [Training in manipulation and countermeasures against it], St. Petersburg, Rech' Publ., 256 p. (in Russian)
- Sidorkov, S.V. (1997), *Funktsional'no-semanticheskie aspekty yazykovoi stratagemnosti* [Functional and semantic aspects of language stratagem], Dissertation, Krasnodar, 160 p. (in Russian)
- Zorin, I.I. (2013), *Igry, v kotorye igrayut... Masterstvo manipulyatsii* [Games they play... Mastery of manipulation], St. Petersburg, Piter Publ., 176 p. (in Russian).
-

**COUNTER-MANIPULITAION IN SPEECH COMMUNICATION:
SOME RESEARCH PERSPECTIVES****G.A. Kopnina***Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia)*

Abstract: The author defines speech counter-manipulation as a strategy of speech behaviour aimed at protection against manipulative influence and based on the usage of speech tactics and techniques, which perform tasks of manipulator influence avoidance or taking countermeasures against the manipulator. The author describes the issues of terminological nomination of speech actions focused on protection against manipulator, its typology and system description. There are speech examples of counter-manipulative tactics such as repeat tactics, tactics underlined the adoption of a verbal label to its estimated rethinking, tactics of indication of speech manipulative technique, tactics of “sobering” analogies. It is argued that linguistic research will expand the list of ways of speech protection from the manipulator. The introduced speech counter-manipulative term is defined as a speech unit which is used for manipulation neutralization. The author notes that precedent statements, proverbs and sayings can function as neutralization of manipulation. It is specified the definition of the word stratagem like linguistic formalized strategy i.e. strategy of behavior that is reflected in the semantics of set language construct. It is said about the existence of cliché, set expressions, describing briefly some communicative tactics of neutralization of the manipulator actions. It is also stated that linguistic researches will allow a much wider range of ways for speech protection against manipulators. The article concludes that researches on speech counter-manipulation seem to be perspective primarily in aspects of communicative linguistics, linguo-rhetoric and cultural linguistics. In author’s opinion, experts in the field of linguistics of information-psychological war may contribute to the study of speech counter-manipulation seeing that manipulative and counter-manipulative strategies are part of the technology of warfare.

Key words: manipulation, counter-manipulation, speech strategy, speech tactics.

For citation:

Kopnina, G.A. (2018), Counter-manipulitaion in speech communication: some research perspectives. *Communication Studies*, No. 2 (16), pp. 7-19. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.2.7-19. (in Russian)

About the author:

Kopnina Galina Anatolievna, Prof., Professor of the Chair of Russian Language, Literature and Speech Communication

Corresponding author:

Postal address: 82a, Svobodnyi pr., Krasnoyarsk, 660041, Russia

E-mail: okopnin@mail.ru

Received: September 24, 2017

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОПИСАНИЯ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

И.А. Стернин¹, У.Д. Камбаралиева²

¹ Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия)

² Американский университет в Центральной Азии
(Бишкек, Киргизия)

Аннотация: Излагаются теоретические основы исследования коммуникативного поведения народа, представляется теоретический аппарат его описания. Также определяются методологические принципы, использование которых обеспечивает возможность описания коммуникативного поведения: принцип системности, принцип контрастивности, принцип использования нежесткого (ранжирующего) метаязыка и принцип разграничения и учета общественной нормы, общественной практики. На основе опыта исследования совокупностей норм и традиций общения различных народов предлагаются три основные модели описания коммуникативного поведения: ситуативная, аспектная, параметрическая, – которые призваны обеспечить комплексность описания, но различаются своим назначением. Если ситуативная модель, строящаяся на эмпирическом материале, предполагает описание коммуникативного поведения в рамках коммуникативных сфер и стандартных коммуникативных ситуаций, то по аспектной модели коммуникативное поведение описывается в рамках априори выделенных исследователем аспектов, основные из которых: вербальный, невербальный, продуктивный, рецептивный, нормативный и реактивный. По параметрической модели осуществляется достаточно формализованное системное описание коммуникативного поведения на основе некоторой заданной исследователем совокупности факторов.

Ключевые слова: коммуникативное поведение, принципы описания коммуникативного поведения, модели описания коммуникативного поведения.

Для цитирования:

Стернин И.А., Камбаралиева У.Д. Теоретические проблемы описания коммуникативного поведения // Коммуникативные исследования. 2018. № 2 (16). С. 20–34. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.2.20-34.

Сведения об авторах:

¹ Стернин Иосиф Абрамович, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки России

² **Камбаралиева Уулкан Джолдошбековна**, доктор филологических наук, доцент

Контактная информация:

¹ Почтовый адрес: 394007, Россия, Воронеж, пл. Ленина, 10/2

² Почтовый адрес: 720028, Киргизия, Бишкек, ул. А. Токомбаева, 7/6

¹ E-mail: sterninia@mail.ru

² E-mail: u.kambaralieva@gmail.com

Дата поступления статьи: 28.02.2018

Широкое развитие исследований в области лингвокультурологии, межкультурной коммуникации, фактора адресата в речевом воздействии активизировало в последние десятилетия изучение особенностей общения разных народов, отдельных профессиональных групп, исследования особенностей гендерного и возрастного общения и подобного и сделало актуальной проблему системного описания особенностей общения разных групп носителей языка. Это привело к формированию науки о **коммуникативном поведении** носителей языка.

Термин «коммуникативное поведение» был впервые предложен в 1989 г. [Стернин 1989]; в 1991 г. в Галле (Германия) публикуется брошюра И.А. Стернина «Очерк русского коммуникативного поведения» [Стернин 1991], в которой системно описано коммуникативное поведение народа и обоснован сам термин «коммуникативное поведение», под которым предлагалось понимать **совокупность норм и традиций общения народа**.

С начала 1990-х гг. в Воронеже в рамках проекта «Коммуникативное поведение» кафедры общего языкознания и стилистики и Центра коммуникативных исследований Воронежского государственного университета начинается разработка проблематики, связанной с изучением и систематическим описанием **коммуникативного поведения разных народов**, публикуются научные работы по данной тематике (см.: [Русское и финское коммуникативное поведение 2000, 2001, 2002, 2004, 2006, 2007; Американское коммуникативное поведение 2001; Очерк американского коммуникативного поведения 2001; Русское и китайское коммуникативное поведение 2002; Русское и немецкое коммуникативное поведение 2002; Русское и французское коммуникативное поведение 2002; Вежливость как коммуникативная категория 2003; Песня как коммуникативный жанр 2004; Коммуникативное поведение славянских народов... 2004, 2006; Русское, литовское, эстонское и латышское коммуникативное поведение 2007; Стернин, Ларина, Стернина 2003; Sternina, Sternin 2003; Прохоров, Стернин 2011; Стернин, Гришаева, Стернина 2009]). Начинают появляться публикации по **возрастному коммуникативному поведению**

(см.: [Лемяскина, Стернин 2000; Возрастное коммуникативное поведение 2003; Чернышова, Стернин 2004; Батракова, Лапотько 2006; Стернин 2013а, 2013б]), **гендерному коммуникативному поведению** (см.: [Стернин 2012]) и **профессиональному коммуникативному поведению** (см.: [Лазуренко, Саломатина, Стернин 2007; Академическое общение 2010]).

Возникает теория и терминология описания коммуникативного поведения, разрабатываются модели описания коммуникативного поведения (см.: [Стернин 2015]).

К настоящему времени сложился теоретический аппарат описания коммуникативного поведения, который может быть представлен следующим образом:

- **Коммуникативное поведение** – совокупность норм и традиций общения определенной группы людей.

- **Национальное коммуникативное поведение** – совокупность норм и традиций общения определенной лингвокультурной общности.

- **Лингвокультурная общность** – народ, объединенный языком и культурой; единство народа, его языка и культуры.

- **Коммуникативная культура** – коммуникативное поведение народа как компонент его национальной культуры; компонент национальной культуры, отвечающий за коммуникативное поведение нации.

- **Коммуникативные нормы** – коммуникативные правила, обязательные для выполнения в данной лингвокультурной общности (*знакому надо приветствовать, за услугу благодарить* и т. д.).

- **Коммуникативные традиции** – правила, не обязательные для выполнения, но соблюдаемые большинством народа и рассматриваемые в обществе как желательные для выполнения (*спросить старика о здоровье, предложить помощь женщине* и др.).

- **Коммуникативный шок** – резкое осознаваемое расхождение в нормах и традициях общения народов, проявляющееся в условиях непосредственной межкультурной коммуникации и не понимаемое, вызывающее удивление, неадекватно интерпретируемое или прямо отторгаемое представителем гостевой лингвокультурной общности с позиций собственной коммуникативной культуры.

- **Вербальное коммуникативное поведение** – совокупность норм и традиций общения, связанных с тематикой и особенностями организации общения в определенных коммуникативных условиях.

- **Невербальное коммуникативное поведение** – совокупность норм и традиций, регламентирующих требования к используемым в процессе общения невербальным сигналам (жестам, мимике, взгляду, позам, движению, физическому контакту в ходе общения, сигналам дистанции, выбора места общения, расположения относительно собеседника и др.), а также нормы и традиции использования произвольно выражаемых симптомов состояний и отношения к собеседнику и совокупность ком-

муникативно значимых социальных символов, характерных для данного социума.

- **Возрастное коммуникативное поведение** – совокупность норм и традиций общения определенной возрастной группы.

- **Личностное коммуникативное поведение** – совокупность норм и традиций общения отдельной личности.

- **Стандартная коммуникативная ситуация** – типовая, повторяющаяся коммуникативная ситуация, характеризующаяся использованием стандартных речевых средств (знакомство, приветствие, прощание, соболезнование и др.).

- **Коммуникативные категории** – наиболее общие коммуникативные концепты, формирующиеся в сознании и определяющие коммуникативное сознание и поведение нации, группы, личности. К коммуникативным категориям могут быть отнесены: *вежливость, коммуникабельность, коммуникативная неприкосновенность, коммуникативная ответственность, эмоциональность, коммуникативное давление, коммуникативная эффективность*, категория *коммуникативного идеала* и др.

- **Коммуникативная сфера** – область действительности, в которой коммуникативное поведение человека имеет относительно стандартизованные формы (общение с незнакомым, общение с коллегами, общение в школе и вузе, общение в транспорте, поликлинике и т. д.). Это коммуникативная ситуация в широком смысле.

- **Социальный символизм** – совокупность смыслов (символических значений), приписываемых действиям, поступкам, явлениям и предметам окружающей действительности тем или иным социумом.

- **Коммуникативное действие** – единица описания коммуникативного поведения, отдельное типовое высказывание, речевой акт, невербальный сигнал, комбинация вербального и невербального сигналов и подобное в рамках того или иного коммуникативного параметра.

- **Параметр коммуникативного поведения** – совокупность однородных, однотипных коммуникативных признаков, характеризующих коммуникативное поведение народа.

- **Коммуникативный признак** – отдельная черта (характеристика) коммуникативного поведения (коммуникативное действие или коммуникативный факт), выделяющаяся как релевантная для описания в условиях сопоставления коммуникативных культур.

- **Коммуникативный факт** – отдельная конкретная особенность коммуникативного поведения народа, выделяющаяся в рамках определенного коммуникативного параметра, некоторое коммуникативное правило, действующее в коммуникативной культуре (*знакомых надо приветствовать*).

- **Коммуникативный фактор** – совокупность сходных коммуникативных параметров, наиболее обобщенная единица описания коммуникативного поведения.

• **Коммуникативная стратегия** – обусловленные коммуникативной целью общие стереотипы построения процесса коммуникативного воздействия в зависимости от условий общения и личности коммуникантов.

• **Аспект коммуникативного поведения** – совокупность однородных коммуникативных параметров (вербальный, невербальный аспекты).

• **Коммуникативное сознание** – устойчивая совокупность мыслительных механизмов, обеспечивающих коммуникативное поведение (нации, группы, личности), их коммуникативную деятельность. Это коммуникативные установки сознания, совокупность ментальных коммуникативных категорий, определяющих принятые в обществе нормы и правила коммуникации.

• **Менталитет** – совокупность стереотипов восприятия и понимания действительности (народом, группой, индивидом).

• **Продуктивное коммуникативное поведение** – вербальные и невербальные действия коммуникатора в рамках норм и традиций общения.

• **Рецептивное коммуникативное поведение** – адекватное понимание (интерпретация) вербальных и невербальных действий собеседника, принадлежащего к определенной национальной, возрастной и иной группе.

• **Реактивное коммуникативное поведение** – реакция субъекта на те или иные коммуникативные действия собеседника.

• **Нормативное коммуникативное поведение** – принятое в данном социуме, группе и соблюдаемое в стандартных коммуникативных ситуациях большей частью социума или группы.

• **Ненормативное коммуникативное поведение** – нарушающее принятые в социуме или группе нормы.

• **Коммуникативные табу** (жесткие и мягкие) – коммуникативная традиция избегать определенных языковых выражений или затрагивания определенных тем в тех или иных коммуникативных ситуациях; соответственно табу будут речевыми (*при женщинах не ругаться*) и тематическими (*секс при детях не обсуждать*). Жесткие описываются предикатом *нельзя*, мягкие – *не принято, не рекомендуется, лучше не надо*. Нарушение жестких табу влечет общественные санкции, нарушение мягких – общественное осуждение.

• **Коммуникативные императивы** – коммуникативные действия, необходимые в силу принятых норм и традиций в конкретной ситуации общения (например, жесткие: *со знакомыми надо здороваться*, мягкие: *спросить ребенка об учебе, старика спросить о здоровье, едущий со знакомым в общественном транспорте должен поддерживать с ним разговор*).

Нарушение жесткого императива может потребовать объяснения (*почему не извинился?*) и влечет общественные санкции. Нарушение мягкого императива (*почему не спросил старика о здоровье?*) влечет только

моральное осуждение. Жесткие императивы описываются предикатом *принято*, мягкие – *обычно принято*.

Можно выделить также тематические императивы – темы, которые надо затронуть (в разговоре со стариком – здоровье, с новым знакомым – место работы, с ребенком – то, что тот любит), а также речевые императивы – фразы, выражения, которые необходимо произносить в определенных коммуникативных ситуациях.

• **Коммуникативные допущения** – коммуникативные факты, признаки или действия, недопустимые в одной национальной или групповой культуре, но возможные (хотя и не обязательные) в другой. Например, в русской коммуникативной культуре допустимо спросить собеседника о его зарплате, во многих других это совершенно исключено.

• **Инокультурные информанты** – принадлежащие к иной коммуникативной культуре, нежели исследуемая.

• **Гетерокультурные информанты** – принадлежащие к исследуемой коммуникативной культуре.

• **Коммуникативный стандарт** – некоторая усредненная модель коммуникативного поведения, отражающая основные нормы и традиции общения культурно и цивилизационно близких народов и этнических групп, выступающая как основание сравнения при изучении коммуникативного поведения какого-либо народа или группы народов. Можно говорить о западном (американо-западноевропейском коммуникативном поведении), восточном (японо-китайско-корейском коммуникативном поведении), арабском, азиатском, северном, южном стандартах.

Теория коммуникативного поведения призвана определить понятие, выявить структуру и основные черты коммуникативного поведения, разработать понятийно-терминологический аппарат и методику описания коммуникативного поведения народа, группы, личности.

Конкретное описание коммуникативного поведения той или иной нации, группы, личности раскрывает особенности коммуникативного поведения и мышления соответствующего народа, группы, человека и имеет лингвистическую, психолингвистическую, этнолингвистическую, культурологическую, психологическую и дидактико-педагогическую ценность.

Прикладная значимость описания коммуникативного поведения народа, группы, личности заключается в том, что результаты системного описания коммуникативного поведения востребованы в культурологических, психологических, лингводидактических, педагогических, логопедических, психокоррекционных, воспитательных и многих других целях.

Так, описание национального коммуникативного поведения с успехом может быть использовано при обучении устной иноязычной речи в процессе обучения языку как иностранному; исследования группового коммуникативного поведения дают возможность разработать методы и

приемы формирования нормативного группового коммуникативного поведения представителей различных социальных, возрастных, профессиональных групп, оптимизировать общение с учетом требований, предъявляемых к данным группам в обществе.

Определены также методологические принципы описания коммуникативного поведения, использование которых обеспечивает саму возможность осуществления описания:

1. Принцип системности. Коммуникативное поведение той или иной лингвокультурной общности должно быть описано целостно, комплексно, как система, должны быть упорядоченно описаны все релевантные коммуникативные признаки. Для этого необходима модель описания коммуникативного поведения, включающая совокупность факторов и параметров, отражающих коммуникативное поведение любого народа. Такая модель должна включать вербальное, невербальное коммуникативное поведение и социальный символизм.

2. Принцип контрастивности. Адекватное описание коммуникативного поведения возможно только на базе некоторого сравнения [Стернин, Камбаралиева 2017]. Имплицитно любое описание будет контрастивным: большинство характеристик коммуникативного поведения оказывается параметрическими: *интенсивно – мало, громко – тихо, быстро – медленно* и др. Без сопоставления их описание просто невозможно. Фоном всегда выступает какая-либо конкретная коммуникативная культура, известная описывающему. Как показывает практика, наиболее эффективно бикультурное описание – русское коммуникативное поведение на фоне английского, немецкого, американского, китайского и т. д. Есть опыт описания русского коммуникативного поведения на фоне американо-западноевропейской лингвокультурной общности, которая описывается как западный стандарт.

Но следует отметить, что обобщенному понятию «восточный стандарт коммуникативного поведения» из-за разнообразия и противоречивости культур стран Востока невозможно дать конкретное определение. Например, результат опроса, проведенного в г. Бишкеке (50 человек русской и киргизской национальности, с высшим образованием), показал, что понятие «западный стандарт коммуникативного поведения» в сознании респондентов бытует преимущественно в негативных оттенках, с семами «грубый», «неискренний», «эгоистичный», а понятие «восточный стандарт коммуникативного поведения» у респондентов ассоциируется с вежливостью, гостеприимством и хитростью. Следовательно, для того чтобы получить надежные результаты и избежать стереотипов, лучше изучать различные явления в двуязычном сопоставлении.

Наилучшие результаты дает не сопоставительный (автономное описание двух коммуникативных культур с сопоставлением), а именно контрастивный подход (систематическое рассмотрение фактов родного ком-

муникативного поведения в сопоставлении со всеми возможными способами выражения данного смысла в сопоставляемой культуре). Обоснование такого подхода подробно рассматривается в работе «Контрастивная лингвистика» [Стернин 2004]. Контрастивный принцип позволяет наиболее надежно выявить и описать и общие, и несовпадающие признаки коммуникативного поведения сравниваемых народов и определить несколько форм проявления национальной специфики коммуникативного поведения той или иной коммуникативной культуры:

1. Отсутствие национальной специфики. Те или иные коммуникативные признаки обеих культур совпадают (например, *знакомого надо приветствовать; уходя, прощаться*).

2. Наличие национальной специфики:

а) несовпадение отдельных характеристик, коммуникативных признаков, действий в сопоставляемых культурах (например, жест «большой палец» по сравнению с большинством европейских культур в русском общении выполняется более энергично; поза «нога четверкой» имеет развязный характер в русском коммуникативном поведении и нейтральный – в европейском; вступление в разговор с незнакомым типа «У вас плащ запачкался» рассматривается как благожелательность в русском и нарушение дистанции и анонимности на Западе (А. Эртельт-Фиит); в русском общении часто заговаривают с незнакомыми, в западном – редко и т. д.);

б) эндемичность коммуникативных признаков для одной из сопоставляемых культур, то или иное коммуникативное явление может присутствовать только в одной из сравниваемых коммуникативных культур (например, только немцы стучат по столу в знак одобрения лекции, только русские немотивированными аплодисментами «захлопывают» оратора или спрашивают у незнакомца о его зарплате);

в) коммуникативная лакунарность представляет собой отсутствие того или иного коммуникативного явления в данной культуре при наличии ее в сопоставляемой (так, в русском коммуникативном поведении нет такого коммуникативного явления, как «политическая корректность», нет гендерной специализации всех языковых форм).

3. Использование нежесткого (ранжирующего) метаязыка. Описание коммуникативного поведения в «жестких терминах», как правило, оказывается невозможным – большинство коммуникативных параметров обычно не поддается жесткому ранжированию. Сопоставительный характер описания также побуждает использовать такие единицы метаязыка, как *больше, чаще, реже, интенсивней, чем...*

В связи с этим описание целесообразно осуществлять при помощи ранжирующих единиц метаязыка: *обычно, чаще всего, как правило, сравнительно редко, обычно не встречается, допускается, как правило, не допускается* и т. д. При этом могут называться конкретные коммуникативные культуры, относительно которых характеризуется тот или иной ком-

муникативный признак (чаще, чем в английском и немецком коммуникативном поведении, сравнительно редко по сравнению с англичанами и т. д.).

Наиболее адекватными единицами метаязыка при описании степени проявления того или иного коммуникативного признака или факта коммуникативного поведения оказываются следующие: *очень высокая (степень), высокая, заметная, пониженная, низкая, отсутствие*.

4. Разграничение и учет общественной нормы и общественной практики. Во многих случаях описания коммуникативного поведения выявляется такая картина: коммуникативная норма в обществе есть, ее знают, но она не выполняется. Это характерно для русской лингвокультурной общности.

Не обсуждая здесь причины этого (это отдельный вопрос, связанный с отношением русского сознания к нормам и правилам, а также с проблемой группового и индивидуального усвоения культурных норм), отметим, что описанию должны быть подвергнуты как норма, так и практика.

Описание коммуникативного поведения может быть выполнено как на рефлексивном уровне (уровне теоретического знания личности о норме или правиле), так и на бытийном (уровне практического знания и исполнения нормы или правила). Норма идентифицируется по ответам информантов – представителей исследуемой коммуникативной культуры: *Надо так, но не всегда мы так делаем* (например, переходить только на зеленый свет; извиняться, если толкнул кого-либо в транспорте, и др.).

Если норма рефлексивно осознаётся, она описывается как некий образец, но описывается и отклонение от нее – обусловленное ситуативными, возрастными, культурными и иными условиями. Причины несоблюдения коммуникативных норм могут означать как недостаток культуры, так и происходящий сдвиг в норме, зону развития коммуникативного правила, зону подвижки, переходную форму. Описание будет иметь следующий вид: *часто (иногда, участились случаи, когда) мужчины / молодежь / иные эту норму нарушают и делают так-то*.

На основе опыта описания национального коммуникативного поведения можно предложить три основные модели: **ситуативная, аспектная, параметрическая**, – которые призваны обеспечить комплексность описания коммуникативного поведения, но различаются своим назначением.

Ситуативная модель, строящаяся на эмпирическом материале, предполагает описание коммуникативного поведения в рамках коммуникативных сфер и стандартных коммуникативных ситуаций (приветствие, извинение, благодарность, вступление в контакт, выход из общения, общение в гостях, в коллективе, по телефону, с детьми, национальная невербальная система и т. д.).

Набор подлежащих описанию коммуникативных сфер и стандартных коммуникативных ситуаций достаточно велик и их количество будет определяться практическими соображениями. Модель удобна в приклад-

ных целях – для научно-популярного описания коммуникативного поведения народа, профессиональной или возрастной группы, для дидактических целей. В ней отдельно рассматриваются и описываются вербальное и невербальное коммуникативное поведение.

Аспектная модель предполагает описание коммуникативного поведения в рамках априори выделенных исследователем аспектов, основные из которых – вербальный и невербальный, а также продуктивный (что говорят), рецептивный (как понимают), нормативный (какие соблюдаются нормы) и реактивный (описание коммуникативной реакции на те или иные коммуникативные ситуации).

Параметрическая модель предполагает достаточно формализованное системное описание коммуникативного поведения на основе некоторой заданной исследователем совокупности факторов. По ней можно описать коммуникативное поведение любого народа, группы носителей языка и отдельной личности.

В рамках параметрической модели выделяются коммуникативные факторы, коммуникативные параметры и коммуникативные признаки. Основой описания являются коммуникативные признаки (действия, факты), выделенные на эмпирической основе, из фактического материала. Эти признаки для удобства описания систематизируются, обобщаются в параметры, а параметры – в факторы. Таким образом, получается обобщенная модель коммуникативного поведения, построенная «снизу вверх» и представляющая собой систематизированное обобщение выявленных особенностей коммуникативного поведения.

Описание коммуникативного поведения по параметрической модели позволяет дать полную характеристику релевантных черт коммуникативного поведения исследуемой лингвокультурной общности по сравнению с коммуникативным поведением сопоставляемого народа или народов. В параметрической модели конкретные вербальные и невербальные коммуникативные признаки рассматриваются не отдельно, а в рамках одних и тех же параметров, поскольку выполняемые ими функции в рамках определенных коммуникативных параметров совпадают и вербальные и невербальные средства взаимно дополняют друг друга. Невербальные признаки описываются в рамках отдельного параметра только по наиболее общим характеристикам, отображающим общие закономерности использования народом невербальных средств общения – активность невербального поведения, интенсивность жестикуляции, амплитуда жестикуляции и под.

Подчеркнем, что в принципе параметрическая модель является теоретической базой конкретного коммуникативно-ситуативного описания коммуникативного поведения любого народа или социальной группы, а ситуативно-тематическая и аспектная модели дают материал для обобщения, используемый при создании параметрического описания комму-

никативного поведения, так что все три модели не исключают, а предполагают и дополняют друг друга.

Ситуативная модель является наиболее содержательной и удобной для начального этапа исследования, параметрическая же в ее формализованном виде позволяет кратко подвести итог описания.

Список литературы

- Академическое общение / науч. ред. И.А. Стернин. Воронеж: Истоки, 2010. 194 с. (Коммуникативное поведение. Вып. 32).
- Американское коммуникативное поведение / под ред. И.А. Стернина и М.А. Стерниной. Воронеж: ВГУ-МИОН, 2001. 224 с.
- Батракова В.Е., Лапотько А.Г.* Особенности коммуникативного поведения старшеклассников. Воронеж: Истоки, 2006. 44 с. (Коммуникативное поведение. Вып. 24).
- Вежливость как коммуникативная категория / науч. ред. И.А. Стернин. Воронеж: Истоки, 2003. 172 с. (Коммуникативное поведение. Вып. 17).
- Возрастное коммуникативное поведение. Вып. 1 / науч. ред. И.А. Стернин, К.Ф. Седов. Воронеж: Истоки, 2003. 252 с.
- Коммуникативное поведение славянских народов. Русские, сербы, украинцы, словаки, поляки / науч. ред. П. Пипер, И.А. Стернин. Воронеж, 2006. 206 с. (Коммуникативное поведение. Вып. 22).
- Коммуникативное поведение славянских народов. Русские, сербы, чехи, словаки, поляки / науч. ред. П. Пипер, И.А. Стернин. Воронеж, 2004. 227 с. (Коммуникативное поведение. Вып. 19).
- Лазуренко Е.Ю., Саломатина М.С., Стернин И.А.* Профессиональная коммуникативная личность. Воронеж: Истоки, 2007. 194 с. (Коммуникативное поведение. Вып. 28).
- Лемякина Н.А., Стернин И.А.* Коммуникативное поведение младшего школьника. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 2000. 195 с. (Коммуникативное поведение).
- Очерк американского коммуникативного поведения / науч. ред. И.А. Стернин, М.А. Стернина. Воронеж, 2001. 206 с.
- Песня как коммуникативный жанр / науч. ред. И.А. Стернин. Воронеж: Истоки, 2004. 209 с. (Коммуникативное поведение. Вып. 18).
- Прохоров Ю.Е., Стернин И.А.* Русские: коммуникативное поведение. 4-е изд. М.: Флинта: Наука, 2011. 238 с.
- Русское и китайское коммуникативное поведение. Вып. 1 / науч. ред. И.А. Стернин. Воронеж: Истоки, 2002. 76 с. (Коммуникативное поведение).
- Русское и немецкое коммуникативное поведение. Вып. 1 / науч. ред. И.А. Стернин, Х. Эккерт. Воронеж: Истоки, 2002. 181 с.
- Русское и финское коммуникативное поведение. Вып. 1 / науч. ред. И.А. Стернин. Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. 99 с. (Коммуникативное поведение).
- Русское и финское коммуникативное поведение. Вып. 2 / науч. ред. И.П. Лысакова. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2001. 161 с.
- Русское и финское коммуникативное поведение. Вып. 3 / науч. ред. И.А. Стернин. Воронеж: Истоки, 2002. 180 с. (Коммуникативное поведение).

- Русское и финское коммуникативное поведение / науч. ред. И.А. Стернин. Воронеж: Истоки, 2004. 217 с. (Коммуникативное поведение. Вып. 20).
- Русское и финское коммуникативное поведение / науч. ред. И.А. Стернин. Воронеж: Истоки, 2006. 200 с. (Коммуникативное поведение. Вып. 23).
- Русское и финское коммуникативное поведение / науч. ред. И.А. Стернин. Воронеж: Истоки, 2007. 228 с. (Коммуникативное поведение. Вып. 26).
- Русское и французское коммуникативное поведение. Вып. 1 / науч. ред. И.А. Стернин, Р.А. Ермакова. Воронеж: Истоки, 2002. 136 с. (Коммуникативное поведение).
- Русское, литовское, эстонское и латышское коммуникативное поведение / науч. ред. И.А. Стернин. Воронеж: Истоки, 2007. 237 с. (Коммуникативное поведение. Вып. 27).
- Стернин И.А. Модели описания коммуникативного поведения. Изд. 2-е, испр. Воронеж: Гарант, 2015. 52 с. (Коммуникативное поведение).
- Стернин И.А. Общение с дошкольниками. Изд. 2-е, испр. и доп. Воронеж: Истоки, 2013а. 83 с.
- Стернин И.А. Общение со старшим поколением. Изд. 4-е, испр. и доп. Воронеж: Истоки, 2013б. 24 с.
- Стернин И.А. Общение с мужчинами, женщинами, в семье. Изд. 8-е, испр. Воронеж: Истоки, 2012. 59 с.
- Стернин И.А. Контрастивная лингвистика. Воронеж: Истоки, 2004. 190 с.
- Стернин И.А. Очерк русского коммуникативного поведения. Галле, 1991. 59 с.
- Стернин И.А. О понятии коммуникативного поведения // *Kommunikativ-funktionale Sprachbetrachtung*. Halle, 1989. S. 279–282.
- Стернин И.А., Гришаева Л.И., Стернина М.А. Специфика деятельности коммуникантов в межкультурной среде. Воронеж: Научная книга, 2009. 262 с.
- Стернин И.А., Камбаралиева У.Д. Контрастивное изучение коммуникативного поведения народов – аспект обучения языку как неродному // *Русский язык за рубежом*. 2017. № 5 (264). С. 40–48.
- Стернин И.А., Ларина Т.В., Стернина М.А. Очерк английского коммуникативного поведения. Воронеж, 2003. 185 с.
- Чернышова Е.Б., Стернин И.А. Коммуникативное поведение дошкольника. Воронеж: Истоки, 2004. 210 с. (Коммуникативное поведение. Вып. 21).
- Sternina M., Sternin I. Russian and American Communicative Behavior. Voronezh: Istoki, 2003. 94 p. (Communicative behavior).

References

- Batrakova, V.E., Lapot'ko, A.G. (2016), *Osobennosti kommunikativnogo povedeniya starsheklassnikov* [Features of communicative behavior of seniors], Communicative behaviour, Iss. 24, Voronezh, Istoki Publ., 44 p. (in Russian)
- Chernyshova, E.B., Sternin, I.A. (2004), *Kommunikativnoe povedenie doshkol'nika* [Communicative behaviour of the pre-schooler], Communicative behaviour, Iss. 21, Voronezh, Istoki Publ., 210 p. (in Russian)
- Lazurenko, E.Yu., Salomatina, M.S., Sternin, I.A. (2007), *Professional'naya kommunikativnaya lichnost'* [Professional communicative personality], Communicative behaviour, Iss. 28, Voronezh, Istoki Publ., 194 p. (in Russian)

- Lemyaskina, N.A., Sternin, I.A. (2000), *Kommunikativnoe povedenie mladshogo shkol'nika* [Communicative behaviour of the younger pupils], Voronezh, Central Chernozem Book Publ., 195 p. (in Russian)
- Lysakova, I.P. (Ed.) (2001), *Russkoe i finskoe kommunikativnoe povedenie* [Russian and Finnish communicative behavior], Iss. 2, St. Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., 161 p. (in Russian)
- Prokhorov, Yu.E., Sternin, I.A. (2011), *Russkie: kommunikativnoe povedenie* [Russian: communicative behaviour], 4th ed., Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 238 p. (in Russian)
- Sternin, I.A. (2015), *Modeli opisaniya kommunikativnogo povedeniya* [Models for describing communicative behaviour], 2nd ed., Voronezh, Garant Publ., 52 p. (in Russian)
- Sternin, I.A. (2013a), *Obshchenie s doshkol'nikami* [Communication with pre-schoolers], 2nd ed., Voronezh, Istoki Publ., 83 p. (in Russian)
- Sternin, I.A. (2013b), *Obshchenie so starshim pokoleniem* [Communication with the older generation], 4th ed., Voronezh, Istoki Publ., 24 p. (in Russian)
- Sternin, I.A. (2012), *Obshchenie s muzhchinami, zhenshchinami, v sem'e* [Communication with men, women, in family], 8th ed., Voronezh, Istoki Publ., 59 p. (in Russian)
- Sternin, I.A. (Ed.) (2010), *Akademicheskoe obshchenie* [Academic communication], Communicative behaviour, Iss. 32, Voronezh, Istoki Publ., 194 p. (in Russian)
- Sternin, I.A. (Ed.) (2007a), *Russkoe, litovskoe, estonskoe i latyshskoe kommunikativnoe povedenie* [Russian, Lithuanian, Estonian and Latvian communicative behavior], Communicative behavior, Iss. 27, Voronezh, Istoki Publ., 237 p. (in Russian)
- Sternin, I.A. (Ed.) (2007b), *Russkoe i finskoe kommunikativnoe povedenie* [Russian and Finnish communicative behavior], Communicative behavior, Iss. 26, Voronezh, Istoki Publ., 228 p. (in Russian)
- Sternin, I.A. (Ed.) (2006), *Russkoe i finskoe kommunikativnoe povedenie* [Russian and Finnish communicative behavior], Communicative behavior, Iss. 23, Voronezh, Istoki Publ., 200 p. (in Russian)
- Sternin, I.A. (2004a), *Kontrastivnaya lingvistika* [Contrastive linguistics], Voronezh, Istoki Publ., 190 p. (in Russian)
- Sternin, I.A. (Ed.) (2004b), *Pesnya kak kommunikativnyi zhanr* [Song as a communicative genre], Communicative behavior, Iss. 18, Voronezh, Istoki Publ., 209 p. (in Russian)
- Sternin, I.A. (Ed.) (2004c), *Russkoe i finskoe kommunikativnoe povedenie* [Russian and Finnish communicative behavior], Communicative behavior, Iss. 20, Voronezh, Istoki Publ., 217 p. (in Russian)
- Sternin, I.A. (Ed.) (2003), *Vezhlivost' kak kommunikativnaya kategoriya* [Politeness as a communicative category], Communicative behavior, Iss. 17, Voronezh, Istoki Publ., 172 p. (in Russian)
- Sternin, I.A. (Ed.) (2002a), *Russkoe i finskoe kommunikativnoe povedenie* [Russian and Finnish communicative behavior], Iss. 3, Voronezh, Istoki Publ., 180 p. (in Russian)
- Sternin, I.A. (Ed.) (2002b), *Russkoe i kitaiskoe kommunikativnoe povedenie* [Russian and Chinese communicative behavior], Iss. 1, Voronezh, Istoki Publ., 76 p. (in Russian)

-
- Sternin, I.A. (Ed.) (2000), *Russkoe i finskoe kommunikativnoe povedenie* [*Russian and Finnish communicative behavior*], Iss. 1, Voronezh, Voronezh State Technical University Publ., 99 p. (in Russian)
- Sternin, I.A. (1991), *Ocherk russkogo kommunikativnogo povedeniya* [*Essay on Russian communicative behaviour*], Halle, 59 p. (in Russian)
- Sternin, I.A. (1989), O ponyatii kommunikativnogo povedeniya [On the concept of communicative behaviour]. *Communicative and Functional Language Consideration*, Halle, pp. 279-282. (in Russian)
- Sternin, I.A., Eckert, H. (Eds.) (2002), *Russkoe i nemetskoe kommunikativnoe povedenie* [*Russian and German communicative behavior*], Iss. 1, Voronezh, Istoki Publ., 181 p. (in Russian)
- Sternin, I.A., Ermakova, R.A. (Eds.) (2002), *Russkoe i frantsuzskoe kommunikativnoe povedenie* [*Russian and French communicative behavior*], Voronezh, Istoki Publ., 136 p. (in Russian)
- Sternin, I.A., Grishaeva, L.I., Sternina, M.A. (2009), *Spetsifika deyatel'nosti kommunikantov v mezhkul'turnoi srede* [*Specifics of the activity of communicants in the intercultural environment*], Voronezh, Nauchnaya kniga Publ., 262 p. (in Russian)
- Sternin, I.A., Kambaralieva, U.J. (2017), Contrastive Study of Communicative Behavior of Peoples as an Aspect of Teaching a non-Native Language. *Russian Language Abroad*, No. 5 (264), pp. 40-48. (in Russian)
- Sternin, I.A., Larina, T.V., Sternina, M.A. (2003), *Ocherk angliiskogo kommunikativnogo povedeniya* [*Essay on English communicative behaviour*], Voronezh, 185 p. (in Russian)
- Sternin, I.A., Piper, P. (Eds.) (2006), *Kommunikativnoe povedenie slavyanskikh narodov. Russkie, serby, ukraintsy, slovaki, polyaki* [*Communicative behavior of the Slavic peoples. Russians, Serbs, Ukrainians, Slovaks, Poles*], Communicative behaviour, Iss. 22, Voronezh, 206 p. (in Russian)
- Sternin, I.A., Piper, P. (Eds.) (2004), *Kommunikativnoe povedenie slavyanskikh narodov. Russkie, serby, chekhi, slovaki, polyaki* [*Communicative behavior of the Slavic peoples. Russians, Serbs, Czechs, Slovaks, Poles*], Communicative behaviour, Iss. 19, Voronezh, 227 p. (in Russian)
- Sternin, I.A., Sedov, K.F. (Eds.) (2003), *Vozrastnoe kommunikativnoe povedenie* [*Age-related communicative behavior*], Iss. 1, Voronezh, Istoki Publ., 252 p. (in Russian)
- Sternin, I.A., Sternina, M.A. (Eds.) (2001a), *Amerikanskoe kommunikativnoe povedenie* [*American communicative behaviour*], Voronezh, VGU-MION Publ., 224 p. (in Russian)
- Sternin, I.A., Sternina, M.A. (Eds.) (2001b), *Ocherk amerikanskogo kommunikativnogo povedeniya* [*Essay of American communicative behaviour*], Voronezh, 206 p. (in Russian)
- Sternina, M., Sternin, I. (2003), *Russian and American Communicative Behavior*, Voronezh, Istoki Publ., 94 p.
-

THEORETICAL PROBLEMS OF THE DESCRIPTION OF COMMUNICATIVE BEHAVIOUR

I.A. Sternin¹, U.D. Kambaralieva²

¹ Voronezh State University (Voronezh, Russia)

² American University of Central Asia (Bishkek, Kyrgyzstan)

Abstract: The article outlines the theoretical basis for the study of communicative behaviour of the people and presents the theoretical apparatus of its description. It also defines methodological principles, the use of which provides the possibility of describing communicative behaviour: the principle of systemic approach, the principle of contrast, the principle of using non-rigid (ranking) metalanguage and the principle of distinguishing of social norm and social practice. Based on the experience of studying sets of norms and traditions of communication between different peoples, the article suggests three basic models for describing communicative behaviour: situational, aspect, and parametric, which are designed to provide a comprehensive description, but differ in their purpose. If the situational model, based on empirical material, assumes a description of communicative behaviour in the framework of communicative spheres and standard communicative situations, then the communicative behaviour is described in the framework of the aspect model in the framework of a priori selected by the researcher aspects, the main ones being verbal, nonverbal, productive, receptive, normative and reactive. By the parametric model, a sufficiently formalized system description of communicative behaviour is carried out on the basis of a set of factors predetermined by the researcher.

Key words: communicative behaviour, principles of communicative behaviour description, models of communicative behaviour description.

For citation:

Sternin, I.A., Kambaralieva, U.D. (2018), Theoretical problems of the description of communicative behaviour. *Communication Studies*, No. 2 (16), pp. 20-34. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.2.20-34. (in Russian)

About the authors:

¹ Sternin Iosif Abramovich, Prof., Professor, Honored Scientist of Russia

² Kambaralieva Uulkan Dzholdoshbekovna, Prof., Associate Professor

Corresponding authors:

¹ Postal address: 10/2, Lenina pl., Voronezh, 394007, Russia

² Postal address: 7/6, A. Tokombaeva ul., Bishkek, 720028, Kyrgyzstan

¹ E-mail: sterninia@mail.ru

² E-mail: u.kambaralieva@gmail.com

Received: February 28, 2018

Раздел II

**СОВРЕМЕННЫЕ
ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ**

Part II

MODERN DISCOURSE PRACTICES

ОГОВОРКИ КАК ЯВЛЕНИЕ УСТНОЙ СПОНТАННОЙ РЕЧИ: ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА

Ю.О. Завадская

*Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)*

Аннотация: Исследуются оговорки как одна из специфических особенностей спонтанной устной речи, отличающих ее от речи письменной, т. е. нормированной и кодифицированной. Посредством анализа корпусного материала показано, что оговорки могут быть описаны в различных аспектах: степень завершенности (слово оборвано или договорено до конца), реакция говорящего (заметил или нет он свою оговорку, исправил ли, если заметил, и т. д.), способ реализации (характер речевого сбоя) и др. Представлена классификация оговорок, разработанная на основе пользовательского корпуса материала, дано описание и количественные характеристики материала в рамках каждого из аспектов. Результаты исследования могут быть использованы как дополнительные, вспомогательные, сведения при обучении иностранцев русскому языку или при разработке методик по ораторскому искусству.

Ключевые слова: устная речь, оговорки, самокоррекция, звуковой корпус.

Для цитирования:

Завадская Ю.О. Оговорки как явление устной спонтанной речи: основные аспекты анализа // Коммуникативные исследования. 2018. № 2 (16). С. 37–51. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.2.37-51.

Сведения об авторе:

Завадская Юлия Олеговна, студентка

Контактная информация:

Почтовый адрес: 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11

E-mail: yuliya.zavadskaya.1997@mail.ru

Дата поступления статьи: 07.10.2017

Основными отличиями естественной речи от литературно-письменного, нормированного и кодифицированного, языка являются ее спонтанность, диффузность и вариативность. В связи с этим можно выделить ряд признаков, характерных для неподготовленного речепорождения: паузы хезитации, заминки, самоперебивы, повторы, случаи самокоррекции, оговорки и т. п. Возникновение подобных явлений обусловлено ситуацией временного дефицита: человек говорит и думает одновременно. В результате «речь как будто рождается в муках – оговорках, самоперебивах, самокоррекции, обрывах, повторах» [Звуковой корпус... 2013: 27]. К таким признакам спонтанного речепорождения, безусловно, можно отнести оговорки – «непроизвольные ошибки в речи; слова, фразы, сказанные вместо других, нужных» [Ефремова 2000: 155]. На данный момент эти явления остаются мало изученными, в то время как их анализ позволяет увидеть некоторые детали порождения речи. Именно оговоркам и посвящена настоящая работа.

Источником материала для анализа послужили два блока Звукового корпуса русского языка (ЗКРЯ; подробнее о нем см.: [Звуковой корпус... 2013]):

- корпус повседневной русской речи «Один речевой день» (ОРД) – 114 единиц в контекстах;
- сбалансированная аннотированная текстотека (САТ) – 44 единицы в контекстах.

Оговорка представляет собой несомненный результат речевого сбоя говорящего. В ходе анализа оговорок, представленных в пользовательском подкорпусе, удалось выявить некоторые закономерности их структуры и функционирования, на основе которых были предложены следующие основания для классификации:

- степень завершенности оговорки: обрыв (слова или квазислова) / квазислово / слово;
- реакция говорящего на оговорку: заметил и исправил / заметил, но не исправил / не заметил / исправил собеседник;
- способ «выхода» говорящего из речевого сбоя: использование таких элементов звуковой цепи, как вербальные хезитативы, неречевые звуки, метакоммуникативы, рефлексивы и т. д. (подробнее о единицах такого типа (прагматемах) см., напр.: [Богданова-Бегларян 2014]);
- способ реализации оговорки: эпентеза (добавление элемента/ов) / диереза (удаление элемента/ов) / метатеза (перестановка элемента/ов) / замена элемента/ов;

В рамках первого аспекта анализа материала (степень завершенности оговорки) рассматриваются варианты результата произошедшего речевого сбоя.

Одним из таких результатов является **обрыв** (своеобразное «заикание» говорящего, когда в потоке речи он по каким-либо причинам сбыва-

ется, обрывает слово и часто затем повторяет его [Звуковой корпус... 2013: 179], ср.:

(1) *дя... данный* ∫ пейзаж картины / скорее всего / выполнен масляными красками [САТ; И8, муж., юр., 30 лет]¹;

(2) *если роса обильна / вечером / и блестит крупными кра... / каплями на листьях и на траве значит день будет солнечным и жарким* [САТ; И22А, жен., мед., 40 лет];

(3) *суть в том что жель... ∫ женщина* / очевидно служанка / привела пса / (э-э) ∫ для проведения операции [САТ; И29, муж., юр., 27 лет].

Примеры (1)–(3) иллюстрируют оговорки, которые не являются полностью завершенными словами, а представляют собой лишь обрыв задуманного говорящим слова (*дя... данный; кра... / каплями; жель... ∫ женщина*). Уже сам этот обрыв является реакцией говорящего на неверно начатое слово. Кроме того, во всех приведенных контекстах можно видеть on-line (мгновенную, сразу после обнаружения ошибки – см. об этом: [Подлесская, Кибрик 2005, 2007])² коррекцию замеченной говорящим ошибки, иногда отделенную от этой оговорки паузами разного типа. Причины данных речевых сбоев можно считать очевидными: все три случая представляют собой оговорки фонетического типа. Так, в примере (1) правильная начальная фонема /d/ заменяется на парную по твердости-мягкости /d'/ (*дя... данный*). Пример (2), вероятно, может трактоваться как мена сонантов /л/ и /г/ с перестановкой звуков (метатезой) (*кра... / каплями*). В третьем контексте также представлена мена сонорных фонем (*жель... ∫ женщина*).

Следующим вариантом оговорки в рассматриваемом отношении является **квазислово**, ср.:

(4) *и к вечеру [...] можно отступить / природа природа наполняется солнечным светом* [САТ; И17, юр., жен., 36 лет].

Здесь также видна мгновенная реакция говорящего на оговорку – произнесение (без всякой паузы) правильного слова.

Последним типом оговорок в рассматриваемом аспекте является полноценное **слово**, т. е. словарная единица, реально существующая в языке и отвечающая литературным нормам:

(5) *я уже у тебя спрашивала / снова / территориально где это расположено ? // # значит / (в-в) вот он меня / собственно говоря / оттолк-*

¹ Все примеры в статье атрибутированы в соответствии с их источником. Так, для контекстов из САТ указывается номер информанта в соответствующем профессиональном блоке (И8, И29 и т. д.), его пол, возраст и профессия. Для информантов-медиков указывается еще и уровень их речевой компетенции: высокий – А, средний – Б или низкий – В. Подробнее о САТ см., напр.: [Богданова-Бегларян и др. 2017а].

² Другим типом коррекции (другой стратегией говорящего) может быть off-line реакция на речевой сбой, наступающая не сразу, а лишь после очередной порции текста [Подлесская, Кибрик 2005].

нул от / *К... К... Комендантского* / ой блин / *Кондратьевского проспекта* [ОРД; И125#Ж1, муж., 52 года]¹;

(6) ой Светлана% отстань! *Н (э-э) / об этом *Наталье_Сергеевне%* скажи // # какой *Наталье_Сергеевне%* ? # Богдановой% / это она на меня п... п... / *Викторовне %* // (э-э) *Наталье_Викторовне%* / что она меня прицепила к этой / (...) штуке // @ *Викторовне%* / *Наталье_Викторовне%* // ну / ты должен слушать [ОРД; И45#Ж1, муж., 65 лет];

(7) пушистые ∫ белые пушистые облака / которые **наполняют** синеву [...] ∫ **заполняют** синеву неба <усмешка> ∫ (э-э) [САТ; И11, юр., жен., 40 лет].

Из примеров (5) и (6) видно, что этот тип оговорок может встречаться, например, в именах собственных (*Комендантского – Кондратьевского; Сергеевна – Викторовна*). В примере (7) оговорка заключается в неправильном, по мнению говорящего, употреблении приставки: *на-* заменяется на *за-*. Стоит отметить, что в примере (5) снова можно говорить о фонетических причинах речевого сбоя: оба слова (в данном случае – названия улиц) имеют схожий фонетический облик.

Количественно материал в рамках данного аспекта анализа распределяется таким образом: наиболее частотным типом оговорок по степени завершенности является обрыв (98 единиц из 158; 62 %). Причиной этого может быть так называемый «контроль качества» устной речи со стороны говорящего. За обрывом по степени встречаемости в материале исследования следует квазислово (53 единицы; 34 %). Последнее место в данном ряду занимает полноценное слово (7 единиц; 4 %).

Под реакцией говорящего на оговорку понимаются возможные последствия совершенной оговорки, обнаруженные в ходе анализа материала. Рассмотрим соответствующие примеры из материала исследования:

(8) естественно после того / как время проведено на природе / *приезжаешь с новыми силами / полный задора и энергии / и-и (...) первый рабочий день / понедельник / хоть он и **чит...** **считается** тяжелым / м-м (...) такого гнёта и какого-то гнетического чувства не испытываешь* [САТ; И8, юр., муж., 30 лет];

(9) это старый **пору...** / **полуразвалившийся** дом / возможно там кто-то жил / но сейчас он оставлен и пуст [САТ; И22А, жен., мед., 40 лет];

(10) в зависимости от того / высоко ли поднимается дым кверху / стелется ли он / по земле / или / а-а / ра... / расте... / э-э клубится / **клаби...** / **клубится** около костра [САТ; И10Б, жен., мед., 49 лет].

Примеры (8)–(10) иллюстрируют случаи замеченных говорящим и им же исправленных оговорок. Во всех этих контекстах речевой сбой об-

¹ В атрибуции контекстов из ОРД также указывается номер информанта (И1, И2 и т. д.), его пол и возраст, а также номер и пол коммуниканта, если он участвует в разговоре (Ж1, М1 и т. п.). Подробнее об ОРД см., напр.: [Богданова-Бегларян и др. 2015а, 2015б, 2017б]. Об особенностях орфографического представления (расшифровок) материала ОРД см.: [Русский язык... 2016: 242–243].

наруживается моментально и исправляется on-line, разве что после небольшой паузы. Большое количество в материале исследования примеров с таким типом стратегии еще раз подтверждает наличие своеобразного «контроля качества» устной речи со стороны говорящего. Так, из 120 единиц в контекстах (76 % от всего массива материала), в которых оговорка в принципе исправляется говорящим, в 109 случаях (91 %) реакция наступает моментально.

Следующим типом оговорки в рассматриваемом аспекте являются замеченные, но не исправленные речевые сбои, ср.:

(11) *вот они () такое (...) ну () город Симферополь он () понимаешь (э-э) ну () это у тебя (...) *Ц сюжеты идут из молодости / из юности / да ? вот это / из из С... и(:) Симферопольской ср... / но () эта среда / **Симфероплевская** / порождает () юг !* [ОРД; И12, жен., 26 лет];

(12) *вот (...) вкратце в принципе всё / то есть фотографировались / **плавались** и ∫ э-э ∫ отдыхали / загорали (...) ели всё что хотели / пили вино / и то есть [...] мне всё понравилось* [САТ; И9, муж., юр., 23 года].

Такой вид ошибок, по выражению Е.М. Сапуновой, – самый «коварный», так как «довольно сложно квалифицировать ошибку как замеченную, если она не была исправлена говорящим». Однако, «принимая во внимание наличие ПХ (паузы хезитации. – Ю. З.), следующей непосредственно за ошибкой и ничем другим не объяснимой, предположим, что она означает именно тот факт, что ошибка была замечена говорящим, хотя и никак не исправлена» [Сапунова 2009: 90]. В приведенных примерах такие паузы, несомненно, присутствуют: *среда / Симфероплевская / порождает; плавались и ∫ э-э ∫ отдыхали*.

В примере (12), кроме двух пауз хезитации (∫), видим еще и неречевой звук э-э, также свидетельствующий о том, что говорящий заметил свою оговорку, но исправлять ее по каким-то причинам не стал.

Существуют варианты не только замеченных, но не исправленных, но и вообще не замеченных говорящим оговорок, ср.:

(13) *пытались / **вытащивать** его / выманить / но / тщетны были наши попытки* [САТ; И9Б, жен., мед., 49 лет];

(14) *а мужик здесь был / короче / в **девоносто** шестой квартире / бл*дь* [ОРД; И105#М2; муж., 37 лет].

Как видно из контекстов, оговорки данного типа не сопровождаются никакими реакциями говорящего. Именно отсутствие реакции позволяет рассматривать данные примеры как незамеченные сбои. Существует гипотеза, что не исправленные оговорки остаются таковыми потому, что говорящий осознаёт, что его поймут и без исправления.

Оговорки, не замеченные говорящим, но замеченные и исправленные его собеседником (напомним, что знак # в расшифровках ОРД означает мену говорящих), – довольно редкий, но крайне интересный тип речевого сбоя, ср.:

(15) *а был / был / был / только обратный клапан / в конце // # вот я кстати / вот я Петродворец спр... / да / только обратный клапан // # заклопкой // # и всё / захлопка / да // @ да* [ОРД; И110#Ж1, муж., 31 год];

(16) *ой / а ягодка опять этого / от фы... фы... как он ? # физалис* [ОРД; И4#Ж1, жен., 33 года].

Несмотря на небольшое количество подобных контекстов, данный тип также может и должен быть проанализирован. Вероятно, такую тактику можно рассматривать как своеобразную взаимопомощь говорящих в коммуникативном акте. В этом отношении очень показательным является пример (16), из которого видно, что говорящий пытается вспомнить малознакомое слово *физалис*. Данная лексическая единица не только малоупотребительна, но и представляет собой заимствованное слово, что дополнительно провоцирует появление оговорки. Говорящий дважды обрывает себя в неудачных попытках произнести задуманное слово (*фы... фы...*) и прямо вербализует свои затруднения: *как он ?* После этого собеседник приходит ему на помощь.

Количественный анализ материала в данном аспекте позволяет увидеть, что абсолютное большинство контекстов приходится на исправленные оговорки (120 единиц; 76 %). Это свидетельствует о наличии упомянутого ранее так называемого «контроля качества» устной речи со стороны говорящего.

Следующий по частотности тип – оговорки незамеченные и, соответственно, неисправленные (20 единиц; 13 %). Наличие оговорок подобного типа может быть объяснено несколькими причинами. Во-первых, вполне вероятно, что некоторые говорящие не контролируют свою речь, никак не регистрируют собственные ошибки и надеются, что в любом случае будут поняты остальными участниками коммуникации. Во-вторых, возможно, что появление таких оговорок обусловлено темпом речи или психотипом информантов (эти гипотезы еще предстоит проверить).

Оговорки, замеченные говорящим, но не исправленные, составляют 7 % материала исследования. Такое количественное распределение материала может быть обусловлено недостаточным объемом информации, предоставляемым корпусами ОРД и САТ. Так, возможно, человек, совершивший оговорку, сопровождает ее некоторыми жестовыми или мимическими реакциями, тем самым показывая самому себе и остальным участникам коммуникации, что ошибка была им замечена. К сожалению, анализируемые корпуса не включают видеозаписи, что не позволяет до конца исследовать возможные реакции говорящего на речевой сбой.

Последний по количеству обнаруженных контекстов в материале исследования тип составили оговорки, исправленные собеседником (7 единиц; 4 %).

Анализ способов «выхода» говорящего из «точки сбоя» подразумевает выявление всех возможных реакций говорящего на оговорку (чаще –

на ту, которая затем исправляется). В ходе исследования было обнаружено, что большинство говорящих, совершивших оговорку, сопровождает ее другими элементами звукового ряда, характерными для устной спонтанной речи в целом. Сюда относятся обрывы, паузы, вербальные hesitation, рефлексивы, метакоммуникативные вставки, неречевые звуки и т. п. Подобные реакции могут быть рассмотрены с точки зрения их объема. Так, самой быстрой реакцией (назовем ее моментальной) является обрыв, т. е. сиюминутное осознание неправильного произнесения слова:

(17) он бл*дь в **суида... суицидальной депрессии** был [ОРД; И15, муж., 20 лет];

(18) а(:) / *П а нер... **невропатолог** / он (...) к че... он к чему ? @ а там что-то тоже написал невропатолог что-то // @ он к че... он к чему при-вязывается ? [ОРД; И7#Ж1, муж., 45 лет];

(19) очень красива специфическая природа в горах // там / я даже например не знала что там **рату... ра... растут** сосны / и там очень такой климат / минимальное количество влажности / при / вот несмотря на то что этот остров окружён со всех сторон водой [САТ; 29В, жен., мед., 49 лет].

Говорящий понимает, что начал слово неверно, и не договаривает его, а обрывает и повторяет – уже правильно.

Два следующих контекста представляют случаи, когда в качестве реакции на оговорку выступает пауза, более или менее протяженная:

(20) *С он был / *С первым парнем на деревне // там к **сему** (...) / к **нему** все девки ... *П к нему все девки приставали // @ пока не проговорился [ОРД; И1#М1, жен., 33 года];

(21) в городе в общем-то эти приметы не всегда / можно **употреб-лить** / **употребить** / в отличие от того / когда человек / э-э живёт / в деревенской обстановке / или находится в походе [САТ; И9Б, жен., мед., 49 лет].

Из примеров видно, что пауза как единственная реакция говорящего на оговорку встречается только после речевых сбоев, которые по степени завершенности являются квазисловом или обычным словом (т. е. чем-то цельным, а не обрывом). Стоит также обратить внимание на пример (21), где информант оговаривается (*употреблить*), делает паузу, исправляет себя (*употребить*), а затем снова делает паузу, что свидетельствует о повторном контроле произнесенного (цель – удостовериться в правильности произведенной самокоррекции).

Набор одиночных реакций ограничивается в материале исследования двумя представленными вариантами (обрыв или пауза). В основном говорящие используют некий комплекс элементов, которыми сопровождают оговорку:

(22) а деревья и природа остались такие же как / были тогда / когда ещё здесь жили люди / звенел весёлый смех детей / м-м природа оста-

лась такой же чудесной *пре...* / *первозданной* / большие старинные деревья / покрыты листвой [САТ; И18А, жен., мед., 42 года];

(23) *нет / это у меня (...) по сель...* (э-э) *по сердцу* я УЗИ сердца мне делали [ОРД; И7; муж., 45 лет];

(24) *я его два дня попил / (э...э) значит одиннадцать и четыре / двенадцать и четыре / *В *П потом () бросил его пить / *П там у меня последний это остался () гемо... (э...э) (э...э) (э...э) *П гемогло... ой / ё моё! *П глибOMET // *П с этим () глибOMET / полторы таблетки выпил / (и...и) (...) глюкофажу полтаблетки [ОРД; И35, муж., 70 лет];*

(25) *спроха...* <смех> в верхнем правом углу дома // <смех> с левой стороны картины / полотна [САТ; И6, муж., юр., 40 лет].

Так, обрыв может выступать в комплексе с паузой, как в контексте (22). Говорящий обрывает неверно начатое слово, делает паузу, исправляется и продвигает коммуникацию дальше. Видно, что для информанта совершенная оговорка не представляет какого-то «события» в речепорождении, он спокойно на нее реагирует, быстро и удачно находит «выход» из «точки сбоя».

В примере (23) иллюстрируется случай сочетания обрыва с неречевым звуком э-э. Такая реакция является более выраженной, чем предыдущая: мы понимаем, что во время произвольного «эканья» говорящий обдумывает совершенную оговорку и ищет выход из этой речевой ситуации.

Два последних контекста – (24) и (25) – демонстрируют сочетание обрыва с ярко выраженными способами «выхода» из «точки сбоя». К ним относятся метакоммуникация (*ой / ё моё!*) в примере (24) и <смех> в (25). Контекст (24) представляет собой довольно интересный пример оговорки с точки зрения реакции на нее говорящего. Так, сначала информант обрывает неправильно начатое слово, сопровождая это длинным рядом неречевых звуков: *гемо... (э...э) (э...э) (э...э)*. Затем он делает паузу, после чего снова совершает обрыв того же слова (произносит на один слог больше, чем перед первым обрывом): *гемогло...* Только после таких мучительных попыток верно произнести незнакомое иностранное слово информант реагирует на весь этот речевой сбой метакоммуникативом *ой* и эвфемизмом *ё моё!* Далее снова следует пауза (*П) и, наконец, исправление; и лишь после этого говорящий возвращается к собственному высказыванию и встраивает правильное слово в предложение (*П *глибOMET // *П с этим () глибOMET*).

Возможен и такой вариант сочетания реакций говорящего на оговорку, как обрыв + смех – пример (25). Смех – неоднородное явление: он «не только может быть связан с юмором, но и быть беспричинным (как у детей) или возникать во взрослой аудитории в ситуациях, в которых нет ничего смешного» [Звуковой корпус... 2013: 223]. Очевидно, что говорящий, совместивший в одно квазислово наречия *справа* и *вверху*, реагирует

на собственную ошибку смехом. Интересно, что в качестве исправленного варианта информант не произносит словосочетание *справа сверху*, а выбирает вариант из двух прилагательных (*в верхнем правом углу*).

В отличие от паузы и неречевых звуков, метакоммуникативная вставка и смех в большей степени являются свидетельством спонтанности устной речи. Из приведенных примеров видно, что оговорки совершаются непроизвольно, как бы независимо от говорящего. Именно поэтому информанты могут реагировать на произошедший речевой сбой так ярко и живо, ср.:

(26) *скачу-ка ... скачу // # скачу // *С # Господи // *С скачаю-ка я ... *П кое-что очень хорошее // *П например как / *П не знаю / смогу ли я это вообще прочесть / когда-либо // но скачать я это хочу // хочу скачать / *П книжную электронную библиотеку // пять гигов книжек* [ОРД; И1#М1, жен., 33 года];

(27) *а вы нам что делаете ? стирательн... *С стирательную / стиралку под... или слив ? @ да* [ОРД; И124, муж., 47 лет].

Контексты (26) и (27), а также приведенный выше контекст (5) служат примером сочетания паузы с другими возможными выраженными способами «выхода» говорящего из «точки сбоя». Стоит отметить, что набор по формуле «пауза + другая реакция» представляет собой меньший объем возможных вариаций (по сравнению с обрывом). Так, пример (5) иллюстрирует сочетание паузы с метакоммуникативной вставкой (*ой блин*), после которой вновь следует пауза. Таким образом говорящий реагирует на совершённую оговорку и комментирует собственную речь. Примеры (26) и (27) отражают случаи совместного использования паузы и смеха как стратегии «выхода» из речевого сбоя. Как уже было сказано, оба этих типа (метакоммуникация и смех) являются одними из наиболее выраженных реакций говорящего на оговорку.

С точки зрения объема реакции на оговорку примечателен пример (27): здесь обнаруживаются и обрыв, и пауза, и смех. Таких примеров в материале немного, но их наличие позволяет сделать вывод, что чем больше набор реакций на ошибку, тем «тернистее» путь говорящего от оговорки к ее исправлению.

Количественный анализ материала показывает, что большинство оговорок (77 %) сопровождается некоторым набором реакций говорящего, о которых было сказано выше. Меньшая часть оговорок (23 %), реакция говорящего на которые никак не вербализована, чаще всего остается или неисправленной, или незамеченной.

Оговорки с выраженным «выходом» говорящего из «точки сбоя» (122 контекста; 77 %) количественно распределяются таким образом: самым распространенным типом единичной реакции является обрыв (63 контекста; 40 %). Сочетание нескольких элементов устной речи представлено больше, чем половиной контекстов из пользовательского подкорпуса.

Следующий аспект анализа подразумевает характеристику оговорки с точки зрения ее формы. Иначе говоря, основной задачей рассмотрения ошибок в речи под этим углом было установление стратегий, по которым могут совершаться оговорки (что говорящий делает с элементом/ами слова). Так, в ходе анализа пользовательского подкорпуса выявились следующие варианты способов реализации оговорок:

- замена элемента/ов;
- диареиза (удаление элемента/ов);
- эпентеза (добавление элемента/ов);
- метатеза (перестановка элементов);
- добавление / соединение элементов.

Мена элементов чаще всего заключается в искажении звучания слова за счет употребления «чужеродной» фонемы на месте правильной. Именно такой тип оговорки в большинстве случаев происходит из-за фонетического сходства участвующих в замене звуков, ср.:

(28) *заманите меня сюда своей колбасой и будете / бок резать в собачьей леце... лечебнице / и так / бок болит / никакой* [САТ; И13, муж., юр., 28 лет];

(29) *из чуза... / из чулана периодически / э-э до хозяев доносилось его жуткое завывание он видимо очень злился расстраивался но из чулана не вылезал* [САТ; И15А, жен., мед., 36 лет].

Пример (28) иллюстрирует замену элемента по фонетическим причинам: правильная аффриката /џ/ «превращается» в ошибочную /с/ из-за их сходства. В данном случае процесс совершения оговорки является очевидным. Немного другой заменой элементов характеризуется пример (29): фонемы /л/ и /з/ не являются фонетически близкими друг другу. Однако причина этой оговорки также легко объясняется влиянием контекста. Несложно заметить, что перед словом, в котором случилась оговорка, стоит предлог *из*, включающий фонему /с/, фонетически близкую /з/.

Оговорки, в которых было зафиксировано **удаление элемента**, являются более спорными случаями с точки зрения определения их типа (в отличие от предыдущего). В первую очередь это связано с тем, что большая часть речевых сбоев в материале подкорпуса представляет собой не квазислова, произнесенные полностью, а обрывы. Очевидно, что обрыв – это лишь часть слова, из которого не всегда остается понятным, в чем же заключается оговорка. Некоторые контексты могут трактоваться по-разному, и поэтому их тип по способу реализации носит характер гипотетического, ср.:

(30) *да / печать и так далее // ну(:) (у...у) у вас там это про... с... стро... строчки то совпадут ? (м...м) ?* [ОРД; И35, муж., 70 лет];

(31) *выда... вы... вывода положительных / то не должно уж так вот* [ОРД; И45, муж., 65 лет];

(32) *да // @ не шибко // @ он посмотрел и говорит / что такое ? что такое / у меня вот (...) пояснично-крестцовый **оте...** (э-э) **отдел** ваш не нравится // я говорю / ой / я вроде упала* [ОРД; И4#Ж1, жен., 33 года].

Следующим типом оговорок с точки зрения их формального образования является противоположное предыдущему **добавление элемента/ов**. Как и в случае с удалением, определение контекстов в этот вид оговорок может быть очевидным в одних случаях и сугубо гипотетическим в других. Добавочные элементы в словах могут появляться под влиянием фонетики или каких-либо аналогий в грамматических формах произнесенного слова, ср.:

(33) *поэтому от них можно было свалить / если ты там например *Н металлический шарик объёмом пятьдесят шесть сантиметров квадратных # кубических // ой кубических // и **плотностью** материала восемь* [ОРД; И123#М1, муж., 53 года];

(34) *к вечеру тучи рассеиваются / солнце уходит за горизонт / на горизонте видятся отдельные **остаточ...** [...] } **остатки** туч / как бы вот / по горизонту прикрывают* [САТ; И38, юр., жен., 36 лет].

Метатеза как возможный способ формального образования результата речевого сбоя характеризуется перестановкой фонем или слогов слова. Одним из наиболее частых подобных случаев является оговорка в слове *невропатолог* (влияние однокоренного существительного *нервы*). Такой контекст был обнаружен в пользовательском подкорпусе (см. контекст (18)). Этот тип оговорки также включает в себя довольно спорные случаи: по причине недосказанного слова – обрыв – невозможно точно определить, как именно произошла ошибка (удаление слога или метатеза), ср.:

(35) *если ты не помнишь по Иротенку(?) прислали узел (э) рециркуля... внутренний **рецикл** (э) этой *П да // @ и-восемьдесят(?)* [ОРД; И111, муж., 28 лет];

(36) *какой у них эпос ! *П герои такие / вообще // Арджуна / Кришна // *С ты не читал **Махар... Махабхарату** ?* [ОРД; И105#М2, муж., 37 лет].

В материале исследования встретился лишь один случай оговорок, который однозначно можно охарактеризовать как **соединение элементов**. Возможно, такое незначительное количество подобных контекстов связано с темпом речи говорящего:

(37) *ну и кто у тебя пойдёт ? # короче **дал два день...** двал () дал два дня / сегодня завтра / на сбор всех документов // а эти документы / по всему Петергофу / по всем организациям* [ОРД; И6#Ж1, жен., 27 лет].

Материал включает в себя также случаи сочетания нескольких способов реализации оговорки в одном контексте:

(38) *как вы его правильно ? **Корпы...** *П **Кропачев%*** [ОРД; И95; жен., 30 лет];

(39) *огромное / солнце также величаво / как оно всплывало над
] землёй / над пла... полями и лугами / так и соответственно] туда же
 и / опускалось* [САТ; И12, юр., муж., 43 года].

Примеры (38) и (39) иллюстрируют сочетание метатезы и замены элемента. Так, в контексте (39) говорящий меняет элементы первого слова местами и сверх этого употребляет твердую фонему /л/ вместо правильной мягкой.

Количественная характеристика материала показывает, что случаи оговорок, в которых наблюдается замена элемента, являются наиболее частотными в материале исследования. Вероятно, это связано с количеством речевых сбоев, совершённых по фонетическим причинам. Контексты с остальными типами распределяются более-менее равномерно и свидетельствуют о том, что эпентеза, диаре́за, метатеза и подобное как способы реализации оговорки являются более сложными для говорящих.

Принимая во внимание все вышесказанное, можно сделать несколько выводов относительно бытования оговорок в устной спонтанной речи и выявить их специфические черты.

1. Оговорки как явление устной спонтанной речи могут быть не только проанализированы, но и классифицированы по разным аспектам.

2. Аспекты классификации хоть и характеризуют оговорки с разных точек зрения, но являются взаимосвязанными (так, исправленные оговорки явно связаны со способами «выхода» говорящего из «точки сбоя»).

3. Анализ оговорок позволяет вывести анализ устной речи на уровень когнитивистики: позволяет увидеть работу механизма порождения речи и отношение говорящего к собственной речи («контроль качества»).

4. Количественный анализ материала способствует выявлению наиболее частотных разновидностей оговорок.

Сопровождение оговорок такими элементами, как паузы хезитации, метакоммуникативы, рефлексивы и подобными, еще раз подтверждает факт неразрывности устной спонтанной речи с характеризующими ее признаками (и их взаимодействия между собой).

Список литературы

- Богданова-Бегларян Н.В.* Прагматемы в устной речи: определение понятия и общая типология // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 3 (27). С. 7–20.
- Богданова-Бегларян Н.В., Асиновский А.С., Блинова О.В., Маркасова Е.В., Рыко А.И., Шерстинова Т.Ю.* Звуковой корпус русского языка: новая методология анализа устной речи // Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. Вып. 2 / ред. Д. Шумска, К. Озга. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2015a. С. 357–372.
- Богданова-Бегларян Н.В., Шерстинова Т.Ю., Блинова О.В., Баева Е.М., Ермолова О.Б., Рыко А.И.* Звуковой корпус русского языка как база для социолин-

гвистических исследований // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: материалы конференции «Диалог-2015б» (Москва, 27–30 мая 2015 г.). URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2015/materials/pdf/Bogdanova-BeglarianNVetal.pdf>.

Богданова-Бегларян Н.В., Шерстинова Т.Ю., Блинова О.В., Мартыненко Г.Я. Корпус «Один речевой день» в исследованиях социолингвистической вариативности русской разговорной речи // Анализ разговорной русской речи (АР³-2017): Труды седьмого междисциплинарного семинара / науч. ред. Д.А. Кочаров, П.А. Скрелин. СПб.: Политехника-принт, 2017а. С. 14–20.

Богданова-Бегларян Н.В., Шерстинова Т.Ю., Зайдес К.Д. Корпус «Сбалансированная Аннотированная Текстотека»: методика многоуровневого анализа русской монологической речи // Анализ разговорной русской речи (АР³-2017): труды седьмого междисциплинарного семинара / науч. ред. Д.А. Кочаров, П.А. Скрелин. СПб.: Политехника-принт, 2017б. С. 8–13.

Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка: Толково-словообразовательный: св. 136000 слов. ст.: в 2 т. М.: Русский язык, 2000. Т. 1: А–О. 1213 с.

Звуковой корпус как материал для анализа русской речи: коллективная монография: в 2 ч. / отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2013–2015. Ч. 1: Чтение. Пересказ. Описание. 2013. 532 с.

Подлесская В.И., Кибрик А.А. Самоисправления говорящего и другие типы речевых сбоев как объект аннотирования в корпусах устной речи // Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы. 2007. № 2. С. 2–23.

Подлесская В.И., Кибрик А.А. Коррекция сбоев в устной спонтанной речи: опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и информационные технологии: Труды международной конференции «Диалог'05» (Звенигород, 1–7 июля 2005 г.) / под ред. И.М. Кобозевой, А.С. Нариньяни, В.П. Сеlegeя. М.: РГГУ, 2005. URL: <http://www.dialog-21.ru/media/2416/podlesskaya-kibrik.pdf>.

Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах: коллективная монография / отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: ЛАЙКА, 2016. 244 с.

Сапунова Е.М. Неподготовленное чтение как вид речевой деятельности и тип устного спонтанного монолога (на материале русского языка): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009. 237 с.

References

- Bogdanova-Beglaryan, N.V. (Ed.) (2016), *Russkii yazyk povsednevnogo obshcheniya: osobennosti funktsionirovaniya v raznykh sotsial'nykh gruppakh* [Everyday Russian Language: Features of Functioning in Different Social Groups], Collective Monograph, St. Petersburg, LAIKA Publ., 244 p. (in Russian)
- Bogdanova-Beglaryan, N.V. (2014), Pragmatic Items in Everyday Speech: Definition of the Concept and General Typology. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, Iss. 3 (27), pp. 7-20. (in Russian)
- Bogdanova-Beglaryan, N.V. (Ed.) (2013), *Zvukovoi korpus kak material dlya analiza russkoi rechi* [Speech Corpus as a Base for Analysis of Russian Speech], Collec-

- tive Monograph, in 2 parts, Pt. 1. Reading. Retelling. Description, St. Petersburg, SPbGU Faculty of Philology Publ., 532 p. (in Russian)
- Bogdanova-Beglaryan, N.V., Sherstinova, T.Yu., Blinova, O.V., Martynenko, G.Ya. (2017a), Korpus "Odin rechevoi den" v issledovaniyakh sotsiolingvisticheskoi variativnosti russkoi razgovornoj rechi [Corpus "One Speaker's Day" in Studies of Sociolinguistic Variability of Russian Colloquial Speech]. Kocharov, D.A., Skrelin, P.A. (Eds.) *Analiz razgovornoj rechi (AR³-2017) [Analysis of Spoken Russian Speech (AR³-2017)]*, Proceedings of the 7th Interdisciplinary Seminar, St. Petersburg, Politehnika-print Publ., pp. 14-20. (in Russian)
- Bogdanova-Beglaryan, N.V., Sherstinova, T.Yu., Zaides, K.D. (2017b), Korpus "Sbalansirovannaya annotirovannaya tekstoteka": metodika mnogourovnevnogo analiza russkoi monologicheskoi rechi [Corpus "Balanced Annotated Text Library": Method of Multilevel Analysis of Russian Monological Speech]. Kocharov, D.A., Skrelin, P.A. (Eds.) *Analiz razgovornoj rechi (AR³-2017) [Analysis of Spoken Russian Speech (AR³-2017)]*, Proceedings of the 7th Interdisciplinary Seminar, St. Petersburg, Politehnika-print Publ., pp. 8-13. (in Russian)
- Bogdanova-Beglaryan, N.V., Asinovskii, A.S., Blinova, O.V., Markasova, E.V., Ryko, A.I., Sherstinova, T.Yu. (2015a), Zvukovoi korpus russkogo yazyka: novaya metodologiya analiza ustnoi rechi [Speech Corpus of Russian Language: a New Methodology for Analyzing of Oral Speech]. Shumska, D., Ozga, K. (Eds.) *Yazyk i metod: Russkii yazyk v lingvisticheskikh issledovaniyakh 21 veka [Language and Method: The Russian Language in the Linguistic Studies of the 21st Century]*, Iss. 2, Krakow, Jagiellonian University Publ., pp. 357-372. (in Russian)
- Bogdanova-Beglaryan, N.V., Sherstinova, T.Y., Blinova, O.V., Baeva, E.M., Ermolova, O.B., Ryko, A.I. (2015b), Speech corpus of Russian everyday communication as a resource for sociolinguistic studies. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies*, Proceedings of the conference "Dialog-2015" (Moscow, May 27-30, 2015), available at: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2015/materials/pdf/Bogdanova-BeglarianNVetal.pdf>. (in Russian)
- Efremova, T.F. (2000), *The New Dictionary of the Russian Language, Explanatory and Word-Building*, over 136000 dictionary entries, in 2 volumes, Moscow, Russkii yazyk Publ., Vol. 1, 1213 p. (in Russian)
- Podlesskaya, V.I., Kibrik, A.A. (2007), Samoispnavleniya govoryashchego i drugie tipy rechevykh sboev kak obyekt annotirovaniya v korpusakh ustnoi rechi [Speaker's Self-Corrections and Other Types of Speech Failures as an Object of Annotation in Corporuses of Oral Speech]. *Nauchno-tehnicheskaya informatiya. Seriya 2: Informatsionnye protsessy i sistemy [Scientific and Technical Information. Series 2: Information Processes and Systems]*, No. 2, pp. 2-23. (in Russian)
- Podlesskaya, V.I., Kibrik, A.A. (2005), Korrektsiya sboev v ustnoi spontannoj rechi: opyt korpusnogo issledovaniya [Correction of Failures in Spontaneous Oral Speech: Corpus Research Experience]. Kobozeva, I.M., Narin'yan, A.S., Selegei, V.P. (Eds.) *Computational Linguistics and Intellectual Technologies*, Papers from the Annual International Conference "Dialogue'05" (Zvenigorod, July 1-7, 2005), Moscow, RGGU Publ., available at: <http://www.dialog-21.ru/media/2416/podlesskaya-kibrik.pdf>. (in Russian)

Sapunova, E.M. (2009), *Nepodgotovlennoe chtenie kak vid rechevoi deyatel'nosti i tip ustnogo spontannogo monologa (na materiale russkogo yazyka)* [*Unprepared Reading as a Kind of Verbal Activity and a Type of Spontaneous Verbal Monologue (Based on the Russian Language)*], Dissertation, St. Petersburg, 237 p. (in Russian).

BLOOPERS AS A PHENOMEON OF ORAL SPONTANEOUS SPEECH: BASIC ASPECTS OF THE RESEARCH

Yu.O. Zavadskaya

St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

Abstract: Bloopers are explored as one of the specific features of spontaneous oral speech, distinguishing it from the written speech, which is normalized and codified. By analyzing the corpus material it is shown that the slips of tongue can be described in various aspects: the degree of completeness (the word is torn off or pronounced to the end), the speaker's reaction (he notified his blooper or not, corrected if has noticed or not, did not notice, etc.), the method of implementation (nature of speech failure), etc. Classification of bloopers developed on the basis of custom corpus of material is presented, the description and quantitative characteristics of the material within each aspect are given. The results of the research can be used as additional, auxiliary information in teaching foreigners the Russian language or for developing effective techniques of oratory.

Key words: oral speech, bloopers, self-correction, speech corpus.

For citation:

Zavadskaya, Yu.O. (2018), Bloopers as a phenomeon of oral spontaneous speech: basic aspects of the research. *Communication Studies*, No. 2 (16), pp. 37-51. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.2.37-51. (in Russian)

About the author:

Zavadskaya Yulia Olegovna, student

Corresponding author:

Postal address: 11, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

E-mail: yuliya.zavadskaya.1997@mail.ru

Received: October 7, 2017

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ФОРМЫ *ПО ИДЕЕ* В УСТНОЙ СПОНТАННОЙ РЕЧИ

Т.Д. Капустина

Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Аннотация: Исследуется словоформа (форма-идиома) *по идее* – одна из единиц, подвергающихся в речи (как устной, так и письменной) процессам лексикализации и прагматикализации, ведущих к образованию новых языковых единиц или расширению функциональных возможностей уже существующих, что редко находит отражение в словарях и грамматиках. Показано, что, отделившись от парадигмы имени существительного, рассматриваемая единица в устной речи обладает большим прагматическим потенциалом. Представлена попытка анализа механизма функционирования формы *по идее* в роли показателя некатегоричности высказывания, а также рассмотрены ее дальнейшие преобразования в устной спонтанной речи: проявление модальной семантики, развитие служебной функции и возможность выступать в роли рефлексива. С целью описать актуальные, живые, изменения, происходящие с исследуемой единицей в современном русском языке, источником материала для анализа избраны устный подкорпус Национального корпуса русского языка и корпус повседневной русской речи «Один речевой день». Результаты исследования могут быть полезны не только для создания наиболее адекватного описания актуального состояния русского языка, но и для описания речевых практик русскоговорящих носителей.

Ключевые слова: русская устная речь, прагматикализация, грамматикализация, лексикализация, некатегоричность высказывания, рефлексив, модальность.

Для цитирования:

Капустина Т.Д. Функциональные возможности формы *по идее* в устной спонтанной речи // Коммуникативные исследования. 2018. № 2 (16). С. 52–64. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.2.52-64.

Сведения об авторе:

Капустина Татьяна Дмитриевна, студентка

Контактная информация:

Почтовый адрес: 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11

E-mail: kapustina.1996@mail.ru

Дата поступления статьи: 07.10.2017

Явление языковой переходности, дающее богатый и интересный материал для исследования, постепенно выходит из периферийной зоны лингвистических описаний и становится одним из главных объектов внимания современной лингвистики. «Для значительного количества языковых фактов типичные синтаксические модели и лексико-грамматические классы слов оказываются “прокрустовым ложем”» [Бабайцева 1967: 7], именно поэтому данные языковые «исключения» должны быть описаны: даже являясь исключением из принятых правил, они не перестают быть фактами языка. Вообще существование явлений языковой переходности и синкретизма есть не упрек в несостоятельности современной классификации языковых и речевых явлений, но непосредственное доказательство постоянного развития языковой системы за счет собственных ресурсов.

Единица *по идее*, которая стала объектом внимания в настоящей статье, также относится к «переходным» явлениям в современном русском языке. Если по формальным признакам *по идее* является предложно-падежным сочетанием (словоформой), то содержательное ее наполнение выходит за рамки данного определения. Благодаря явлениям лексикализации, прагматикализации и грамматикализации форма *по идее* стала характеризоваться некоторым функциональным синкретизмом, и в настоящее время достаточно сложно определить ее лексико-грамматическую принадлежность, а также «приоритетные» функции, в зависимости от окружения и ситуации использования.

Источником материала для исследования послужили два корпуса: устный подкорпус Национального корпуса русского языка (УП НКРЯ) и корпус повседневной русской речи «Один речевой день» (ОРД; подробнее о нем см.: [Богданова-Бегларян и др. 2015, 2017; Русский язык повседневного общения... 2016]). На основе этих источников был создан пользовательский подкорпус материала, в который вошли все выявленные случаи употребления единицы *по идее*.

Устные тексты в УП НКРЯ – это в первую очередь записи интервью, радиопередач, круглых столов, т. е. публичная речь, но представлены также тексты, относящиеся к неформальному общению (записи телефонных разговоров, разговоров с друзьями, разного рода непубличные беседы). Все это обеспечивает богатство и разнообразие материала исследования. Тексты, собранные разработчиками ОРД, представляют собой примеры естественной, живой, спонтанной речи.

Объем материала исследования составляет 155 примеров употребления исследуемой единицы в УП НКРЯ и 23 – в ОРД. Внимание к устной, живой речи позволяет выявить не только нормы употребления исследуемой единицы, но и то новое, что еще только зарождается, то, что еще не зафиксировано в словарях и грамматиках, а применительно к предмету настоящего исследования – позволяет проследить прагматический потенциал формы *по идее* в повседневной речи.

Прежде всего, как представляется, необходимо рассмотреть вопрос о категориальной принадлежности данной единицы.

В словарях русского языка *по идее* определяется как **вводно-модальное слово**, а также подчеркивается его идиоматичность. Так, в Большом академическом словаре (БАС) *по идее* представлено как фразеологическое сочетание с двумя значениями:

1) 'по замыслу, в теории' – *В вашем плане есть... смелая попытка на ходу кардинально перестроить турбинное производство с индивидуального на серийное. По идее не ново, но правильно, нужно и, как мне кажется, интересно* (В. Кетлинская);

2) 'как будто бы, предположительно' – *Предполагается, что те, кто создает комедию, обладают чувством юмора. По идее так и должно быть* [БАС: 46].

В «Большом толковом словаре русского языка» (БТС) *по идее* определяется как **наречие** и также приводятся два его значения:

1) 'по замыслу, как задумано';

2) 'как будто бы, предположительно' (с пометой *разг.*). *По идее он должен быть дома* [БТС: 375].

В «Толковом словаре сочетаний, эквивалентных слову» *по идее* характеризуется как **вводное слово** с пометой *разг.* и единственным значением 'как будто бы, предположительно' [Рогожникова 2003: 298].

Можно заметить, что все приведенные толкования указывают на модальную семантику достоверности, выражаемую формой *по идее* в высказывании. Первое значение, описанное в БАС и БТС ('по замыслу, в теории, как задумано'), представляется «реликтом», унаследованным формой *по идее* от производящего имени существительного. По происхождению *по идее* можно отнести к вводным единицам, образованным из сочетания предлога *по* с формой Дат. п. существительного, «иногда в сопровождении определяющего его прилагательного чаще всего – с определяющей его формой Род. п. от названий или указаний на лицо» [Виноградов 1975: 69]. В таком случае *по идее* примыкает к ряду вводных слов: *по слухам, по мнению, по словам, по преданию* и др., – указывающих на источник сообщения, но даже из приведенных примеров можно заметить, что *по идее*, выражая «чистую» модальность, не выделяется на письме запятыми (что является обязательным требованием для вводных слов). Это может говорить о том, что форма *по идее* находится в процессе своего преобразования, отделения от парадигмы имени существительного и приобретения полной независимости в употреблении. Аналогом знакам препинания в устной речи могут стать паузы, но всё же, не полагаясь полностью на письменную фиксацию устной речи и принимая во внимание полифункциональность исследуемой единицы, полагаем логичным отказ от ярлыка «вводное слово» и выбираем определение ее как **лексикализованной предложно-падежной словоформы** (ЛППС; см.: [Сергеева 2001]). Подобный термин дает право рассматривать единицу *по идее* как аналог

слова, или даже как новое слово современного русского языка, со своими специфическими значением и функциями.

Для того чтобы определить функциональные возможности ЛППС *по идее* в устной речи, рассмотрим, в какую группу слов она попадает, с какими словами вступает в системные (синонимические и антонимические) отношения.

ЛППС *по идее* не представлена в традиционных словарях синонимов русского языка, но в «Большом русском словаре-справочнике синонимов» В.Г. Тришина (<http://trishin.net>) находим следующий ряд соответствий: *вообще, в общем-то, обобщая, вообще говоря, в принципе, вообще-то, заключаая*. Данный ряд слов объединяет идея обобщения, не нашедшая отражения в словарных толкованиях. Если говорить об антонимах ЛППС *по идее*, то представляется возможным составить следующую пару: *по идее* VS *по сути*. На наличие у данных слов противоположных значений указала А.И. Ражева, ср.: «...несмотря на то что слова *суть* и *идея* имеют общие семы, дискурсивные маркеры *по сути* и *по идее* имеют разные, даже противоположные, значения: *по сути* = *в действительности, на деле* VS *по идее* = *по замыслу, в теории*» (курсив автора. – Т. К.) [Ражева 2015: 385]. Таким образом, в представленном противопоставлении отражено важное и одно из центральных значений ЛППС *по идее*, определяющее ее употребление в современном русском языке – ‘отвлечение от действительных характеристик ситуации и проставление акцента на должном или идеальном порядке вещей’.

Обозначенные особенности позволяют отнести форму *по идее* к группе ЛППС с обобщающе-ограничительным значением, описанной Г.М. Крыловой. В ходе анализа особенностей семантики и прагматики ЛППС *в общем, в принципе, в целом* автор отмечает, что в основе объединения данных единиц в одну группу лежат два значения: обобщающее и ограничительное: «**Обобщение** (здесь и далее выделено мной. – Т. К.), вводимое данными словами, подразумевает логическую операцию, которая заключается либо в выделении из нескольких характеристик количественно преобладающей (такому выделению предшествует количественное сопоставление), либо в отвлечении от несущественных (с точки зрения говорящего) характеристик ситуации, либо в “суммировании” имеющихся характеристик и их количественном сопоставлении. **Ограничение**, содержащееся в семантике исследуемых слов, понимается как указание на неполноту распространения определяемого ими признака и, следовательно, на возможность наличия, кроме основной, других характеристик, не соответствующих главной (общей)» [Крылова 2002: 36]. На наш взгляд, ЛППС *по идее* относится именно к этой группе слов с обобщающе-ограничительным значением. Обобщение в данном случае заключается в выделении, проставлении акцента на должном, «идеальном», порядке вещей при описании той или иной ситуации (вспомним приведенный выше синонимический ряд). Ограничение заключается в наличии альтернативной реал-

лизации ситуации, в частности того, что реализуется в действительности. В общем виде функция формы *по идее* в высказывании сводится к противопоставлению «идеального» и реального планов развития ситуации, при этом противопоставление может быть явлено в тексте (наличие противительных союзов или противопоставление на смысловом уровне), или единственно упоминаемым в сообщении говорящего / пишущего является «идеальный» план, вводимый ЛППС *по идее*, ср.:

(1) [№ 8, жен, 26] *Они как говорят / вот идёт война / да? По идее / кто не воюет / трогать нельзя. Пожалуйста / вон журналисты там сидят в дому / в гостинице / а по ней палят из танка / бабах!* [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Санкт-Петербург) // Фонд «Общественное мнение», 2003].

В контексте (1) говорящий, употребляя *по идее*, указывает на норму, которая, по его мнению, должна реализовываться в данной ситуации (идеальный план: *кто не воюет, трогать нельзя*), но вместе с тем его дальнейшие слова опровергают эту норму (реальный план: *вон журналисты там сидят ... в гостинице / а по ней палят из танка*).

Если сравнивать полученные значения с тем, что представлено в словарях, можно заметить сходства: и 'замысел, теория' (1-е значение), и 'предположение' (2-е значение) относятся к плану «идеального» и различаются только степенью участия лица в обсуждаемом (говорящий ссылается либо на норму и правило, либо на собственные предположения, основанные на личном опыте). Таким образом, указанные два значения представляются крайними точками градационной шкалы, между которыми располагаются «переходные» случаи употребления ЛППС *по идее*: от указания на правило и норму (сильная связь с именем существительным, от которого она образована) до личного мнения говорящего (выражение модальности).

Подобные особенности семантики ЛППС *по идее* позволяют ей участвовать в выражении категории **некатегоричности**. По мнению Н.С. Миланчук, обобщающе-ограничительное значение становится семантической основой для возможности функционирования определенных ЛППС в роли маркеров некатегоричности высказывания [Миланчук 2005: 163]. Поскольку специфика обобщающе-ограничительного значения заключается в возможности существования отличных от выбранной трактовки и оценок, это позволяет говорящему избегать однозначных, категоричных суждений, а слушающему – корректировать сообщение. С учетом того, что форма *по идее* свидетельствует либо о представлении говорящим «теории», где практические реализации могут опровергать эту «теорию», либо об обобщенной оценке, которую говорящий присваивает ситуации, основываясь на своем личном опыте и взглядах, конкретные факты могут противоречить значению этой формы, сама специфика которого позволяет судить о высказываниях как о некатегоричных, достоверность

которых может быть опровергнута. Рассмотрим примеры употребления ЛППС *по идее* в устной речи.

Употребляя *по идее*, говорящий может прямо сослаться в высказывании на норму и/или правило, ср.:

(2) [№ 4, жен, 51] *Может / обществу* [№ 7, муж, 33] *Да / может быть. Значит / олигархам. По идее / кто у кормушки / если говорить по-народному* [№ 9, муж, 61] *Конечно* [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Москва) // Фонд «Общественное мнение», 2003].

В контексте (2) говорящий подтверждает свои слова апелляцией к «народной мудрости», обращается к установленной норме поведения в описываемой ситуации, при этом примечательно использование в конце высказывания рефлексива *если говорить по-народному*. Несмотря на то что говорящий приводит норму, он стремится «списать» ее «со своего счета», приписав ее «народной мудрости». Данная стратегия говорящего интересна и вообще, на наш взгляд, является преобладающей при употреблении ЛППС *по идее*. Используя эту форму, говорящий возводит свои слова в ранг какой-либо идеи, будь то правило, норма, закон, установленный порядок, логичные причинно-следственные связи или его личный опыт. Обращение к этой абстрактной идее фактически позволяет говорящему избегать категоричности своего высказывания, он предоставляет возможность слушателям его подкорректировать (в примере (2) отражено согласие слушателей с мнением говорящего, но так происходит не всегда), исправить или же опровергнуть, при этом ответственность за недостоверность информации с говорящего снимается, ведь «идея» – не его авторства¹.

(3) [№ 6, муж, 67] *Поэтому / наверное / это основная трудность / почему пока не придумано реально / как делать эту реформу. А по идее / конечно / это не наша задача с вами решать / где взять деньги на ремонт* [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Москва) // Фонд «Общественное мнение», 2003].

В примере (3) форма *по идее* вводит указание на норму, правило, установленный порядок. И в данном контексте говорящий также стремится снизить категоричность своего высказывания, находя «поддержку» у идеи (в данном случае – у установленной нормы, известной и говорящему, и слушающему). Данный пример интересен еще и тем, что в одном контексте соседствуют *по идее* и *конечно*, что свидетельствует об отсутствии у формы *по идее* в данном значении модальной семантики, ведь сложно представить употребление подряд двух модальных лексем с различной степенью выражаемой уверенности.

¹ Надо отметить, что употребление в устном дискурсе рефлексива как одного из типов прагматем часто определяется именно стремлением говорящего снять с себя ответственность за сказанное: говорящий «вербализует это отношение “отстраненности”, используя различные конструкции с общим значением ‘если я не ошибаюсь’ или с риторическим вопросом типа *так ли?*» [Богданова-Бегларян 2015: 13].

По идее может маркировать в высказывании вывод говорящего, сделанный на основе его оценки сложившейся ситуации, ср.:

(4) [№ 6, муж, 23] *Китай растёт / Китай силён / и мне кажется / Китай представляет гораздо большую опасность для США. То есть по идее он должен стать следующей великой державой всемирной...* [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Москва) // Фонд «Общественное мнение», 2003].

В контексте (4) *по идее* вводит предположение говорящего – вывод, который он делает на основе сказанного ранее.

(5) [Яна, жен, 20] *Я говорю / ты ска / по идее / не любишь / да?* [Виктор, муж, 26] *С чего ты взяла? Не / почему ж / люблю ска и играю* [Яна, жен, 20] *Нет / ну просто обычно профессиональные духовики там джазом живут и всё такое...* [Разговоры о музыке // Из коллекции НКРЯ, 2006].

В примере (5) высказывается предположение, основанное на представлениях говорящего о действительности: что профессиональные музыканты не принимают музыку определенных стилей, – и собеседник их опровергает. Употребляя *по идее*, говорящий также стремится снизить категоричность своего высказывания, так как, возможно, осознает, что может ошибаться. Эта «осторожность», желание «застраховать» себя на случай промаха, очень часто встречается при употреблении говорящим ЛППС *по идее*. При появлении мнения или иного лица можно уже говорить о совпадении двух функций в ЛППС *по идее*: придание некатегоричности высказыванию (прагматический уровень) и выражение модальности неуверенности (семантический уровень).

По идее может маркировать в высказывании оценку, характеристику ситуации, при этом также реализуется обобщающе-ограничительное значение, но уже другого плана. Вместо противопоставления «идеальное – реальное» представляется противопоставление общего плана и частных характеристик. В данном случае синонимами *по идее* выступают ЛППС *в общем, в принципе*, ср.:

(6) [Заида, жен] *Страшно / ладно / когда девушка так / «Ой / я не знаю / что делать в будущем» и так далее / а когда взрослые / ну / по идее уже взрослые / сф... сформировавшиеся / не знаю / парни / тогда они... это пугает* [Беседа с педагогом о воспитании // Из коллекции Казахстанского филиала МГУ, 2012].

В примере (6) можно проследить, как говорящий осторожно выбирает выражения для своего высказывания: сначала *ну, по идее*, затем **хезитация**, подбор слова, метакоммуникативный маркер *не знаю*. При характеристике тех, о ком идет речь в настоящем тексте, говорящий употребляет определения *взрослые, сформировавшиеся*, но при этом он все время сомневается в их уместности.

(7) [И1, жен] *По идее даже... по идее это даже... даже нелогичный ход. Вот мы нашли конкретное / пёстрое монадическое эго* [Беседа с преподавателем // Из коллекции НКРЯ, 2008].

В примере (7) говорящий также стремится дать обобщенную характеристику ситуации, при этом долго хезитирует, «осторожничает» при выборе нужного определения.

Стремление придать высказываниям вид некатегоричных зачастую помогает состояться диалогу между говорящим и слушающим. Говорящий, высказывая свою мысль в некатегоричной форме: 1) снимает с себя ответственность за сказанное; 2) дает слушающему право подкорректировать свои слова. Слушающий в ходе диалога уже сам выбирает свою тактику, но частотны и случаи реакции на реплики собеседника:

(8) [М. Сёмин, муж, 1979] *У Катаржины разгон послабее / без сомнения / чем у немецкой спортсменки / но **по идее** у неё должен быть хорошим последний круг* [И. Скобрев, муж, 1983] *Да / она специалист на длинной дистанции.* [М. Сёмин, И. Скобрев. Спортивный репортаж: конькобежный спорт. Олимпийские игры. 19.02.2006 // Т/к «Спорт», прямой эфир, 2006];

(9) [№ 10, жен, 55] *А от страны немножко ушла / потому что сейчас не работаю / сидим дома / далеко куда-то ушли от неё / я никого не трогаю и / в общем-то / **по идее** / если сам никого не трогаешь / то никто не трогает и тебя **по идее*** [№ 4, муж, 49] *Это не факт* [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Москва) // Фонд «Общественное мнение», 2003].

В контексте (8) *по идее* вводит предположение говорящего, основанное на его знаниях в данной области, и собеседник считает нужным подтвердить его слова согласием: происходит совпадение планов идеального и реального. В контексте (9) обнаруживаем иную реакцию собеседника: говорящий ссылается на правило, норму, «народную мудрость», но собеседник не соглашается, при этом опять противопоставлены два плана: идеальное VS действительное (*по идее* – *не факт*).

Такое противоречие, противопоставление, может подчеркиваться уже самим говорящим, а не возникать непосредственно в диалоге, ср.:

(10) [Любовь, жен, 50] *Нам бы уже / **по идее** / не к педиатру надо ходить. Грудь уже большая* [Женя, жен, 10] *Мам!* [Лариса, жен, 19] *Зато мозгов нет* [Домашний разговор // Из материалов Ульяновского университета, 2007].

В примере (10) говорящая подчеркивает несоответствие происходящего тому, что, по ее представлениям, должно быть на самом деле.

Контексты употребления формы *по идее* в ситуациях противопоставления настолько многочисленны, что можно говорить о существовании в устной речи особой противительной конструкции *По идее X, sed Y*, где X (исходя из особенностей семантики ЛППС *по идее*) представляет указание либо на норму, правило, либо на логичное следствие, вывод из сложившейся ситуации. Y противопоставляется X в плоскости «идеальное – реальное», «теоретическое – практическое», «замысел – реализация», «правило, норма – реальность», см.:

(11) *По идее шансов у него было мало. Но кресло отдали именно ему. Почему?* [А. Дыбин, С. Уфимцев. Сити-менеджер Миасса сначала был жертвой ОПГ, а затем взлетел по карьерной лестнице // Комсомольская правда, 2013.10.04].

В примере (11) противопоставлены предположение говорящего, основанное на логичном выводе из сложившейся ситуации, и реальность, эксплицирует противопоставление союз *но*.

(12) *По идее в демократических странах должно учитываться мнение большинства. Однако на деле мы видим, как активное меньшинство активно лоббирует свои интересы* [Е. Теслова. В Конституции хотят прописать, что брак – это союз мужчины и женщины // Известия, 2014.04.02].

В примере (12) противопоставляется правило, норма – и реальная реализация этой нормы. Противопоставление выражено противительным союзом *однако*, а также сопоставлением словоформ *по идее* – *на деле*.

Следует обратить внимание на специфику семантики данных конструкций, которая не сводится к простому противопоставлению левой и правой частей высказывания (или же двух высказываний, когда части X и Y разделены точкой). Помимо противопоставления идеальной ситуации и реальной ее реализации, в данных противительных конструкциях возникают также уступительные отношения. *По идее* во всех случаях заменимо на *несмотря на то что*. Для наглядности произведем такую замену в приведенных контекстах, см.:

- **Несмотря на то что шансов у него было мало, кресло отдали именно ему;*

- **Несмотря на то что в демократических странах должно учитываться мнение большинства, на деле мы видим, как активное меньшинство активно лоббирует свои интересы.*

В противительных конструкциях *по идее* выступает аналогом компонента двухместного союза, так как становится основой для реализации противительной конструкции с уступительным значением (ср. другие подобные «союзы»: *хотя X, но Y; казалось бы X, но Y; вроде X, но Y*). В данном случае отображен явный процесс грамматикализации и конъюнкционализации исследуемой единицы.

Заслуживает также внимания употребление формы *по идее* в позиции по отношению к высказыванию, когда данная ЛППС выполняет роль **рефлекси́ва**. В понимании рефлекси́ва, как уже было сказано выше, мы опираемся на определение Н.В. Богдановой-Бегларян: «...реакция говорящего на произведенный поиск, оценка им степени адекватности найденной единицы изначальному намерению» [Богданова-Бегларян 2014: 12]. Возможно употребление рефлекси́ва в ситуации поиска или без таковой. Как отмечает Н.В. Богданова-Бегларян, «говорящий произвольно, рефлексивно реагирует на только что сказанное или на то, что хочет произнести, и тем самым действительно осуществляет некоторое метаязыковое комментирование» [Богданова-Бегларян 2015: 13]. Появление

у ЛППС *по идее* функции рефлексива свидетельствует о ее прагматикализации, т. е. утрате (полной или частичной) грамматического и лексического значений и переходе в разряд прагматем с дальнейшим «обслуживанием» коммуникативно-прагматического уровня языка.

(13) [Саша, муж, 24] *Там дом надо вообще сносить / по идее*. [Женя, муж, 25] *Не дом / а значит там просто разделительную чуть выдвинуть / я так понимаю / и сделать. Я так думаю / там надо сделать такую... что-то типа коготка вот этого / чтобы вот это...* [Саша, муж, 24] *Не поможет / Жень* [Разговор в офисе страховой компании // Из коллекции НКРЯ, 2006].

В контексте (13) говорящий постфактум снижает степень категоричности своего высказывания: уже произнеся высказывание, он возвращается к нему, «обрывает» его категоричность, как будто извиняется, вводя *по идее*, снимает с себя ответственность, возводя всё сказанное в ранг теории, идеи. При этом, снижая категоричность своего высказывания, говорящий дает право собеседнику прокомментировать его, предложить свою точку зрения, и собеседник отвергает высказанное предположение. Таким образом, в данном случае форма *по идее*, выступающая прежде всего в роли рефлексива, способствует также привлечению внимания собеседника (метакоммуникативная функция), сигнализирует о том, что высказанное суждение нуждается в комментировании: «оглядываясь» на собеседника, говорящий дает ему право высказаться. В целом здесь сохраняются уже указанные функции ЛСП *по идее*, но важно, что говорящий осознанно употребляет **эту единицу** в конце своего высказывания, чтобы все эти функции реализовались.

(14) [Муж, 29] *сколько тебе платят ?* [Муж, 32] *вот / сейчас тридцатка // то есть двадцать девять // то есть / вот сейчас / у меня сейчас пятый разряд / я сейчас шестой получу / и будет на три тысячи больше // вот / а с премией должно как бы ещё больше быть // как бы по идее* (ОРД).

В контексте (14) снова реализуется тактика «отстранения», говорящий старается – с помощью неоднократных *как бы* – снизить категоричность своего высказывания, касаясь щепетильного вопроса повышения заработной платы, «осторожничает» в своих предположениях.

Учитывая то, что в рассмотренных примерах форма *по идее* употребляется не только в постпозиции по отношению к высказыванию, но также завершает реплику говорящего (там, где представлен монолог, следующая фраза выглядит как ответ на предыдущую, комментарий к ней), можно утверждать, что рефлексив *по идее* выполняет еще и функцию финального дискурсивного маркера.

Таким образом, в ходе проведенного анализа было продемонстрировано, что лексикализованная предложно-падежная словоформа *по идее* обладает широким прагматическим потенциалом в устной спонтанной речи. Являясь единицей полифункциональной, *по идее* может выступать в речи показателем некатегоричности высказывания, аналогом компонен-

та двухместного союза, а также выполнять роль рефлексива, метакоммуникатива и финального маркера.

Список литературы

- Бабайцева В.В.* Переходные конструкции в синтаксисе. Воронеж: Центр.-чернозем. книж. изд-во, 1967. 391 с.
- БАС* – Большой академический словарь русского языка / под ред. К.С. Горбачевича. СПб.; М.: Наука, 2004– . Т. 7: И–Каюр / ред. тома Л.И. Балахонова. 2007. 728 с.
- Богданова-Бегларян Н.В.* Рефлексив в системе дискурсивных единиц русской устной речи // Мир русского слова. 2015. № 3. С. 11–17.
- Богданова-Бегларян Н.В.* Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 3 (27). С. 7–20.
- Богданова-Бегларян Н.В., Асиновский А.С., Блинова О.В., Маркасова Е.В., Рыко А.И., Шерстинова Т.Ю.* Звуковой корпус русского языка: новая методология анализа устной речи // Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. Вып. 2 / ред. Д. Шумска, К. Озга. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2015. С. 357–372.
- Богданова-Бегларян Н.В., Шерстинова Т.Ю., Блинова О.В., Мартыненко Г.Я.* Корпус «Один речевой день» в исследованиях социолингвистической вариативности русской разговорной речи // Анализ разговорной русской речи (АР³-2017): труды седьмого междисциплинарного семинара / науч. ред. Д.А. Кочаров, П.А. Скрелин. СПб.: Политехника-принт, 2017. С. 14–20.
- БТС* – Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.
- Виноградов В.В.* О категории модальности и модальных словах в русском языке // Виноградов В.В. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. С. 53–87.
- Крылова Г.М.* Семантико-синтаксические свойства слов-гибридов с обобщающе-ограничительным значением: дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2002. 197 с.
- Милянчук Н.С.* Лингвопрагматическая категория некатегоричности высказывания в научном стиле современного русского языка: дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2005. 214 с.
- Ражева А.И.* Употребление дискурсивных маркеров «По сути» и «По идее»: семантический и пунктуационный аспекты // Science Time. 2015. № 1 (13). С. 383–388.
- Рогожникова Р.П.* Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову. М.: Астрель, 2003. 416 с.
- Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах: коллективная монография / отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: ЛАЙКА, 2016. 244 с.
- Сергеева Г.Н.* Слова-гибриды. Вступительная статья // Словарь служебных слов русского языка / отв. ред. Е.А. Стародумова. Владивосток: ДВГУ, 2001. С. 287–294.

References

- Babaitseva, V.V. (1967), *Perekhodnye konstruksii v sintaksise* [*Transitive Constructions in Syntax*], Voronezh, Central Chernozem Book Publ., 391 p. (in Russian)
- Bogdanova-Beglaryan, N.V. (Ed.) (2016), *Russkii yazyk povsednevnogo obshcheniya: osobennosti funktsionirovaniya v raznykh sotsial'nykh gruppakh* [*Everyday Russian Language: Features of Functioning in Different Social Groups*], Collective Monograph, St. Petersburg, LAIKA Publ., 244 p. (in Russian)
- Bogdanova-Beglaryan, N.V. (2015), Reflexive Items in Russian Speech Discursive Units System. *The World of Russian Word*, Iss. 3, pp. 11-17. (in Russian)
- Bogdanova-Beglaryan, N.V. (2014), Pragmatic Items in Everyday Speech: Definition of the Concept and General Typology. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, Iss. 3 (27), pp. 7-20. (in Russian)
- Bogdanova-Beglaryan, N.V., Sherstinova, T.Yu., Blinova, O.V., Martynenko, G.Ya. (2017), Korpus "Odin rechevoi den" v issledovaniyakh sotsiolingvisticheskoi variativnosti russkoi razgovornoj rechi [Corpus "One Speaker's Day" in Studies of Sociolinguistic Variability of Russian Colloquial Speech]. Kocharov, D.A., Skrelin, P.A. (Eds.) *Analiz razgovornoj rechi (AR³-2017)* [*Analysis of Spoken Russian Speech (AR³-2017)*], Proceedings of the 7th Interdisciplinary Seminar, St. Petersburg, Politekhnik-a-print Publ., pp. 14-20. (in Russian)
- Bogdanova-Beglaryan, N.V., Asinovskii, A.S., Blinova, O.V., Markasova, E.V., Ryko, A.I., Sherstinova, T.Yu. (2015), Zvukovoi korpus russkogo yazyka: novaya metodologiya analiza ustnoi rechi [Speech Corpus of Russian Language: a New Methodology for Analyzing of Oral Speech]. Shumska, D., Ozga, K. (Eds.) *Yazyk i metod: Russkii yazyk v lingvisticheskikh issledovaniyakh 21 veka* [*Language and Method: The Russian Language in the Linguistic Studies of the 21st Century*], Iss. 2, Krakow, Jagiellonian University Publ., pp. 357-372. (in Russian)
- Gorbachevich, K.S. (Ed.) (2007), *Great Academic Dictionary of the Russian language*, Vol. 7, St. Petersburg, Moscow, Nauka Publ., 728 p. (in Russian)
- Krylova, G.M. (2002), *Semantiko-sintaksicheskie svoistva slov-gibridov s obobshchayushche-ogranichitel'nyim znacheniem* [*Semantic-Syntactic Characteristics of Portmanteau Words with Generalising-Resrictive Meaning*], Dissertation, Vladivostok, 197 p. (in Russian)
- Kuznetsov, S.A. (Ed.) (1998), *Big Explanatory Dictionary of the Russian Language*, St. Petersburg, Norint Publ., 1536 p. (in Russian)
- Milyanchuk, N.S. (2005), *Lingvo-pragmaticheskaya kategoria nekategoričnosti vyskazyvaniya v nauchnom stile sovremennogo russkogo yazyka* [*Linguo-pragmatic Category of Downtoning in Modern Russian Scientific Prose Style*], Dissertation, Vladivostok, 214 p. (in Russian)
- Razheva, A.I. (2005), Upotreblenie diskursivnykh markerov "Po suti" i "Po idee": semanticheskii i punktuatsionnyi aspekty [Usage of Discourse Markers "Po Suti" and "Po Idee" (in theory): semantic and punctuative aspects]. *Science Time*, No. 1 (13), pp. 383-388. (in Russian)
- Rogozhnikova, R.P. (2003), *Explanatory Dictionary of Collocations Equal to Words*, Moscow, Astrel' Publ., 416 p. (in Russian)
- Sergeeva, G.N. (2001), Slova-gibridy [Portmanteau Words], Opening Chapter. Starodumova, E.A. (Ed.) *Dictionary of Functional Words in the Russian Language*, Vladivostok, Far Eastern State University Publ., pp. 287-294. (in Russian)

Vinogradov, V.V. (1975), O kategorii modal'nosti i modal'nykh slovakh v russkom yazyke [On the Category of Modality and Modal Words in Russian Language]. Vinogradov, V.V. *Research on Russian Grammar*, Moscow, Nauka Publ., pp. 53-87. (in Russian)

FUNCTIONS OF THE WORD FORM *PO IDEE* (IN THEORY) IN RUSSIAN SPONTANEOUS SPEECH

T.D. Capustina

St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

Abstract: The article deals with the description of a word form *po idee*, which has been exposed to the processes of lexicalization and pragmaticalization both in colloquial and written speech. These processes can lead to forming new words or extension in functions and meaning of words that already exist and the changes are rarely represented in dictionaries and grammar references. The research has shown that the word form *po idee* has considerable pragmatic potential in colloquial speech after separation from noun paradigm. This article represents an attempt to analyze its role in lowering of the categoricity of the utterance and, moreover, there are taken into consideration its further transformations in spontaneous speech, such as appearance of modal meaning, the possibility to use it as an analogue of a conjunctive or as a reflexive. Analysis is based on the material, provided by two corpuses of speech: spoken subcorpus of the Russian National Corpus and “One Speaker’s Day” in order to represent actual transformation in semantics and functions of the word form *po idee* in modern Russian language. The results of this research can be used not only for creating adequate description of current status of Russian language, but also for description of Russian native speakers’ conversation practice.

Key words: Russian oral speech, pragmaticalization, grammaticalization, lexicalization, downtoning, reflexive, modality.

For citation:

Capustina, T.D. (2018), Functions of the word form *po idee* (in theory) in Russian spontaneous speech. *Communication Studies*, No. 2 (16), pp. 52-64. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.2.52-64. (in Russian)

About the author:

Capustina Tatiana Dmitrievna, student

Corresponding author:

Postal address: 11, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

E-mail: kapustina.1996@mail.ru

Received: October 7, 2017

ПЯТЫЙ И ДЕСЯТЫЙ: НА ПУТИ К ПРАГМАТЕМЕ

А.И. Кудлаева

*Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)*

Аннотация: На примере порядковых числительных *пятый* и *десятый* (во всех их грамматических формах) исследуется такое свойство устной повседневной речи, как изменение или полная утрата значений единиц разных частей речи, появление новых, которые бывает сложно атрибутировать и причислить к какому-либо традиционному лексико-грамматическому разряду. На основании наблюдения над корпусным материалом показано, как анализируемые единицы трансформируются в устной речи, утрачивают саму идею счета, основную для класса, к которому они принадлежат, и становятся особыми условно-речевыми единицами, которые можно назвать прагматами: при ослаблении своего основного лексического значения они способны приобретать функцию маркера-аппроксиматора и выступать наравне (вступать в синонимические отношения) с такими единицами-заместителями, как *и так далее*, *и тому подобное*, *и всё такое прочее*, *то-сё* и под. Предлагается достаточно подробное описание особенностей употребления единиц *пятый* и *десятый* в русской устной повседневной речи – как в роли полноценных порядковых числительных (в полном соответствии со словарными данными: *пятый день*, *десятое сентября*), так и в качестве прагматем с аппроксимативной функцией и выраженной тенденцией к редупликации (*на иждивении мужа нахожусь / пятое / десятое*; *списать на политику / на пятое / на десятое*), словарями пока зафиксированных явно недостаточно. Результаты исследования могут быть полезны как при описании грамматики речи, так и при создании Словаря прагматем русской речи, а также в интересах лингводидактики и практики перевода.

Ключевые слова: устная речь, маркер-аппроксиматор, прагматикализация, прагматема, редупликация, языковой / речевой корпус.

Для цитирования:

Кудлаева А.И. Пятый и десятый: на пути к прагматеме // Коммуникативные исследования. 2018. № 2 (16). С. 65–78. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.2.65-78.

Сведения об авторе:

Кудлаева Алена Игоревна, студентка

Контактная информация:

Почтовый адрес: 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11

E-mail: leka1910@mail.ru

Дата поступления статьи: 07.10.2017

Современный русский литературный язык достаточно хорошо изучен и описан в самых разных аспектах. Однако данные многочисленных грамматик и словарей приложимы в основном к языку в его литературно-письменном проявлении. Живая же, устная, речь изучена гораздо меньше, хотя она имеет большое количество своих особенностей на всех уровнях: в фонетике, морфологии, лексике, синтаксисе. Именно поэтому в настоящее время столь активно развиваются исследования устной, в первую очередь разговорной, речи (коллоквиалистика). Ученые говорят даже о лингвистике речи, отличающейся от поуровневой лингвистики языка [Николаева 2015] и также нуждающейся в подробном описании.

В процессе устной коммуникации часто происходит изменение или утрата лексических значений единиц, порой появляются новые (и значения, и единицы). Такие процессы затрагивают все части речи, включая и порядковые числительные. Именно этому классу слов, а конкретно единицам *пятый* и *десятый*, и посвящена настоящая статья.

Материал для исследования был получен из двух источников:

- устный подкорпус Национального корпуса русского языка (УП НКРЯ) – 2 536 вхождений;
- блок «Один речевой день» (ОРД) Звукового корпуса русского языка¹ – 240 вхождений.

Словарь современного русского языка под редакцией В.И. Чернышева определяет единицы *пятый* и *десятый* следующим образом: «*Пятый* – числительное порядковое к *пять*» [Словарь... 1961: 1840]; «*Десятый* – числительное порядковое к *десять*» [Словарь... 1954: 743].

В материале исследования примеры на употребление данных единиц в этих значениях весьма многочисленны:

(1) *ну вот скажи / ты когда вставляешь диск / он как начинает / в твоём центре ? # в моём с первой начинает / # ну и в моём тоже с первой / # а здесь почему / он не с первой ? # потому что здесь написано / первый десятое / вот что / я тебе скажу* (ОРД)²;

(2) *Мне кажется / если себе это представить и понять / то это перестанет казаться удивительным // Пятое изображение / если можно //*

¹ Подробнее об ОРД см.: [Богданова-Бегларян и др. 2015, 2017; Русский язык повседневного общения... 2016].

² Все примеры в статье атрибутированы в соответствии с их источником. Подробнее о специальных обозначениях в расшифровках ОРД см.: [Русский язык повседневного общения... 2016: 242–243]. В частности, знак #, использованный в данном контексте, означает меню говорящих.

Здесь мы видим корову с определённым головным убором [Беседа о Древнем Египте, НТВ, «Гордон» // Из коллекции НКРЯ, 2003–2004];

(3) [Н. Попов, муж, 1954] *Ещё одна наша пара / Яна Хохлова / Сергей Новицкий / перед произвольным танцем занимают десятое место* [Н. Попов, А. Горелик. Спортивный репортаж: фигурное катание. Чемпионат Европы. Женщины. Произвольная программа (19.01.2006) // Т/к «Спорт», прямой эфир, 2006].

В приведенных примерах *пятый* и *десятый*, бесспорно, являются числительными, использованными при перечислении объектов. Причем оказалось, что в максимально естественной устной повседневной речи (материал ОРД) данные единицы употребляются почти исключительно в этом значении (98 % от общего количества их употреблений).

Однако в ходе исследования были обнаружены контексты, в которых анализируемые единицы использованы в другой роли:

(4) *Я раньше знала / первый / второй / третий / пятый / десятый полетел* [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Воронеж) // Фонд «Общественное мнение», 2003];

(5) *Дальше всё известно / технология известна / в зависимости от средств вы сделаете то / другое / третье или пятое* [Мастер-класс В. Глазычева «Проектное воображение и проектная готовность» // Из коллекции НКРЯ, 2001].

В примере (4) речь идет о космонавтах. Помимо исследуемых единиц, в данном фрагменте имеются и другие, однозначно атрибутируемые как числительные: *первый, второй, третий*. Дальше идет пропуск *четвёртого* и сразу, друг за другом, – *пятый* и *десятый*: появляется **аппроксимация**, т. е. частичная или полная замена ряда перечисления. Единицы-аппроксиматоры являются маркерами нечеткой, или приблизительной, номинации, которые употребляются говорящим, когда прямое название предмета, явления или положения дел является излишним, неуместным или невозможным. По мнению В.И. Подлесской, при использовании такого маркера говорящий может следовать одной из двух стратегий: **замещения** (маркер используется вместо какого-то слова или выражения) или **совмещения** (маркер используется совместно с другим способом его наименования) [Подлесская 2013: 632].

В примере (5) *первое* и *второе* только подразумеваются: *то* – это первое, *другое* – второе. Поэтому становится понятным, откуда появляется *третье*. А дальше снова пропуск *четвёртого* и идет *пятое*. То есть здесь еще видна связь со счетом, но уже не так отчетливо, как в примере (4). Наблюдается явная **прагматикализация** формы числительного при ослаблении основного ее лексического значения.

Был обнаружен также ряд контекстов, в которых у форм *пятое* и *десятое* наблюдается полное или почти полное исчезновение основного лексического значения:

(6) *Я сказала: «Ни то / ни другое / ни **пятое** меня не трогает [На краю... (Владивосток). Д/ф из цикла «Письма из провинции» (ТК «Культура») 2009];*

(7) *И зачем мне вот это всё нужно / это всё оформлять / себе / мужу / всё это прочее / **десятое** [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Москва) // Фонд «Общественное мнение», 2003].*

Здесь исследуемые единицы уже нельзя назвать числительными. В примере (6) идея счета себя практически не обнаруживает (иначе вслед за *то, другое* следовало бы *третье*, а не *пятое*); в примере же (7) она отсутствует полностью. Числительные в этих контекстах переходят из своего лексико-грамматического разряда в класс **прагматем**, а конкретно – в разряд маркеров-аппроксиматоров, так как обе единицы являют собой частичную замену компонентов ряда перечисления (подробнее о прагматемах см.: [Богданова-Бегларян 2014]).

Таким образом, материал исследования можно разделить на две группы: 1) *пятый* и *десятый* – имена числительные; 2) *пятый* и *десятый* – прагматемы. Последняя группа, в свою очередь, делится на две подгруппы: в первой анализируемые единицы еще сохраняют идею счета, во второй это уже только прагматемы-аппроксиматоры, чисто функциональные единицы.

Наиболее многочисленную группу в УП НКРЯ¹ составляют, определенно, полноценные числительные. Анализ материала показал, что *пятый* и *десятый* перешли в разряд прагматем только в 53 из 2 536 своих употреблений (2 %). Идея счета сохраняется в 17 из них, в 36 случаях можно говорить о «чистой» аппроксимации (32 и 68 % соответственно).

Часто исследуемые единицы в русском языке употребляются вместе. Думается, что это происходит «по инерции», срабатывает так называемый **речевой автоматизм** (см. о нем: [Верхолетова 2010]), ср.:

(8) [А., муж, 55] *Я сейчас скажу / «вот / я зимой / мороз / а я без шапки / дэ-дэ-дэ / **пятое-десятое**» [Домашний разговор // М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова. Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект. М., 1999, 1992–1999];*

(9) [Брат Горбушкиной, В. Невинный, муж, 41, 1934] *Какое / скажут / родство? **Пятое / десятое** / ай! Слушайте / а может вам / сестра / замуж выйти / а? [Л. Гайдай и др. Не может быть!, к/ф (1975)];*

(10) [Брат Горбушкиной, В. Невинный, муж, 41, 1934] *Ой / тогда б у вас очень великолепно всё получилось / вещей нет / сама / дескать / на иждивении мужа нахожусь / **пятое / десятое**... [Л. Гайдай и др. Не может быть!, к/ф (1975)].*

В 27 случаях из 53 (43,4 %) *пятое* и *десятое* в материале УП НКРЯ употребляются вместе, образуя, возможно, единую прагматему *пятое-де-*

¹ Все дальнейшие количественные подсчеты проводятся именно на этом, самом представительном в пользовательском подкорпусе, материале, хотя примеры приводятся и из корпуса ОРД.

сятое, что составляет половину от общего числа интересующих нас единиц. Результаты опроса, в котором участвовало 76 человек (7 мужчин и 69 женщин) от 17 до 50 лет (большая часть – от 18 до 23 лет), показывают, что именно такая тенденция и прослеживается – воспринимать *пятое-десятое* без какого-либо разделения, как единую прагматему.

Однако и при раздельном употреблении каждая из этих двух единиц является вполне самостоятельной прагматемой, выполняющей ту же аппроксимативную функцию, что и при совместном употреблении. Изолированные формы *пятое* и *десятое* могут использоваться как поодиночке – см. примеры (5)–(7), – так и встречаться в одном предложении. В последнем случае они могут быть разделены двойными союзами типа *то ... то, не то ... не то, и ... и* или предложениями, ср.:

(11) [№ 3, муж, 31] *В большинстве случаев это мы пытаемся списать на политику / на пятое / на десятое* [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Воронеж) // Фонд «Общественное мнение», 2003];

(12) *и так и сяк и так подкатывал и пятое и десятое* (ОРД);

(13) [Матвеев, В. Ванин, муж, 41, 1898] *То караул поставь / то одно / то другое. То пятое / то десятое.* Так время и проходит [М. Ромм и др. Ленин в 1918 году, к/ф (1939)].

На первый взгляд может показаться, что *пятое-десятое* – это застывшая форма ср. р., ед. ч. Им. п., но это не так. Действительно, данная форма по употребительности доминирует над другими. Однако есть примеры, где можно найти *пятое-десятое* в Род. п. или Тв. п., ср.:

(14) [№ 5, муж, 45] *Ну / мне понравился Явлинский / но когда началась эта делёжка портфелей министров / того-сего / пятого-десятого / ты же говорил красиво / я тебе верил* [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Москва) // Фонд «Общественное мнение», 2001];

(15) [№ 1, муж] *То есть / если брать какой-то очень техничный жанр / электронную музыку или металл / где требуется супервладение тем-сем-пятым-десятым / это не фолк / с точки зрения американца* [Беседа с фолк-группой «Мельница» // Из коллекции НКРЯ, 2005].

Кроме того, среди рассматриваемых прагматем, употребляемых раздельно, обнаружались и формы ж. р. и м. р.:

(16) [Василий, муж] *Вы придёте, другой, третий; рюмка водки, другая, пятая, десятая, а всё расчёт* [А.Н. Островский. Бешеные деньги (в постановке Малого театра) // Звуковой архив Малого театра / 1948];

(17) [В. Тихомиров, муж] *Так вот / шо самое удивительное / вот действительно / выходит человек / да / пятый / десятый / что я говорил...* [С. Садальский, В. Тихомиров. Беседа В. Тихомирова со С. Садальским в студии радиостанции «Маяк» // Радиостанция «Маяк», 2008].

Такие прагматемы тоже можно найти в разных падежных формах:

(18) [№ 2, жен] *Не беда / что не сдал сразу / мы тут с **пятого-десятого** раза некоторые предметы сдаём / хоть учим / хоть не учим* [Телефонный разговор // Из коллекции НКРЯ, 2006];

(19) [№ 5, муж, 45] *Все / и значит из-за этого я не буду третьим / **пятым** / **десятым** замом* [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Москва) // Фонд «Общественное мнение», 2001];

(20) [Кожухаров, М. Бернес, муж, 28, 1911] *Ага* [Мельников, В. Дашенко, муж, 23, 1916] *Я тоже. Вот об этом я и хотел с тобой поговорить. Меня приняли в шестую / а ты подавай **в первую** / **четвёртую** / **пятую** / в какую хочешь* [Э. Пенцлин, Ф. Кнорре. Истребители, к/ф (1939)].

Анализ собранного материала показывает, таким образом, что прагматемы *пятое*, *десятое* и *пятое-десятое* могут встречаться в устной речи в различных своих формах. Так, *пятое-десятое* может изменяться по падежам, а в случае раздельного употребления данные единицы используются в формах и ж. р., и м. р. Были обнаружены случаи, где, кроме Им. п., имеются *пятый* и *десятый* в Дат. п., Тв. п., Пр. п., а *пятая* и *десятая* – в форме Вин. п.

Почему именно *пятое-десятое*? Почему к *пятому* в этой аппроксимативной функции не прибавляется *шестое*, *седьмое* или, например, *двадцать третьё*? Дело в том, что именно в комбинации *пятое-десятое* наблюдается явная **редупликация**, которая понимается лингвистами как фонеморфологическое явление, представляющее собой удвоение начального звука [Янко-Триницкая 1968; Минлос 2004; Крючкова 2004; Цуй 2006; Ягинцева 2009; Рожанский 2010], какого-нибудь слога (частичная редупликация), целого корня (полная редупликация) или всего слова, т. е. повтор – предельный случай редупликации (*еле-еле*, *белый-белый*) [Виноградов 1990].

Таким образом, в форме *пятое-десятое* наблюдается явное созвучие, и в этом видится желание человека как-то ритмизировать свою речь. В пользу этого предположения говорят примеры, где происходит расширение редупликации за счет других созвучных числительных:

(21) [В. Мильдон, муж, 64, 1939] *Поэтому так полярно противоположны оценки романов Достоевского / ибо там и то есть / и это / **и пятое** / **и десятое** / **и двадцатое*** [Художественная антропология. Программа «Гордон» (НТВ) (2003)];

(22) [Барон Мюнхгаузен, О. Янковский, муж, 35, 1944] *Плевать! Позовём **пятого** / **шестого** / **десятого** / **двадцатого**...* [М. Захаров, Г. Горин. Тот самый Мюнхгаузен, к/ф (1979)].

Обращает на себя внимание и совместное употребление рассматриваемой прагматемы с другими **редупликатами** (*то-сё*, *туда-сюда*, *так-сяк*):

(23) [Ирина, жен] *Паспорта одели в корки / в паспорта вложили книжечку / положили такую памятку / сякую / нашли информацию по стране / посмотрели / чё интересного / а какая погода / проверили ещё*

раз все билеты / написали полную программу проживания / там / чего / где / как встретили / куда отвезли / соответственно / какие телефоны партнёров / туда-сюда / пятое-десятое [Тренинг туристической фирмы // Из коллекции НКРЯ, 2007];

(24) [Алина, жен, 21] *Это организация / которая выдаёт всякие стипендии на изучение немецкого языка там / то сё / пятое-десятое* [Разговор трех женщин // Из коллекции НКРЯ, 2005];

(25) *там был такой Никита%... вот такой друг который за мной ухлёстывал / и он (к т...) не то что типа Страхов% был но у него там длинная история короче / мне лень рассказывать / и он тоже там за мной ухлёстывал и появлялся... и так и сяк и так подкатывал и пятое и десятое...* (ОРД).

Местоименный компонент редупликатов *то-сё, туда-сюда, так-сяк* способствует постепенной утрате их семантики, которая изначально несет в себе черты некоторой размытости и неопределенности, что и ведет к прагматикализации. Приведенные примеры отражают характерную для маркеров-аппроксиматоров особенность употребляться вместе с синонимичными конструкциями [Попова 2016, 2017].

Исходя из количественных подсчетов, проведенных на материале УП НКРЯ, можно сделать вывод, что больше, чем в половине случаев употребления, *пятое-десятое* выступает вместе с другими прагматемами (18 из 30; 60 %). И чаще всего это – единица *то-сё* (8 из 18; 44,4 %). Кроме редупликатов, встречаются также единичные случаи использования в таком «соседстве» маркеров типа *и всё такое; всё; одно, другое; то*.

Для количественной характеристики материала был использован показатель частоты встречаемости на миллион словоформ – **ipm** (сокр. от instances per million words). Выборки текстов, на которых измеряется частотность, могут значительно различаться по объему, и ipm упрощает сравнение частоты слова [Ляшевская, Шаров 2009: 5]. Это общепринятая в мировом научном сообществе единица, рассчитываемая по формуле:

$$\text{ipm} = \frac{\text{количество вхождений} \times 1\,000\,000}{\text{количество контекстов}}$$

Под **количеством вхождений** имеется в виду общее количество употреблений данной единицы, которое обнаруживается при поиске в заданном подкорпусе.

Под **количеством контекстов** понимается общий объем слов в заданном подкорпусе.

Поскольку степень публичности высказывания влияет на степень подготовленности устного текста, то создатели УП НКРЯ выделили следующие сферы его функционирования:

1) **публичная речь** – предполагает наличие слушателей и запись на носителях либо допускает их как естественные;

2) **непубличная речь** – не предполагает наличия посторонних слушателей и фиксации на носителях (речь, конечно, не идет о методике сбора материала ОРД) [Гришина 2005: 103].

Кроме того, настоящее исследование выделяет еще **киноречь**, так как УП НКРЯ имеет в своем составе довольно большое количество транскриптов художественных фильмов.

В рамках каждой из сфер употребления был проведен анализ, направленный на определение зависимости употреблений исследуемых единиц от пола и возраста говорящего.

Больше всего употреблений (в *ipm*) *пятого* и *десятого* наблюдается в публичной речи – 4,678, в непубличной речи – 4,586, в киноречи – 3,956. Однако разница в цифрах незначительна, поэтому говорить здесь о какой-либо зависимости не представляется возможным.

Как показывают результаты анализа (см. рис. 1), и в публичной речи, и в киноречи *ipm* исследуемых единиц у мужчин выше, чем у женщин: в публичной речи мужчин – 2,183, женщин – 0,779; в киноречи мужчин – 2,826, женщин – 0,848. Это понятно, так как киноречь ориентируется на устную разговорную речь, а наблюдать за публичными выступлениями гораздо легче, чем следить за собой и окружающими в повседневной жизни.

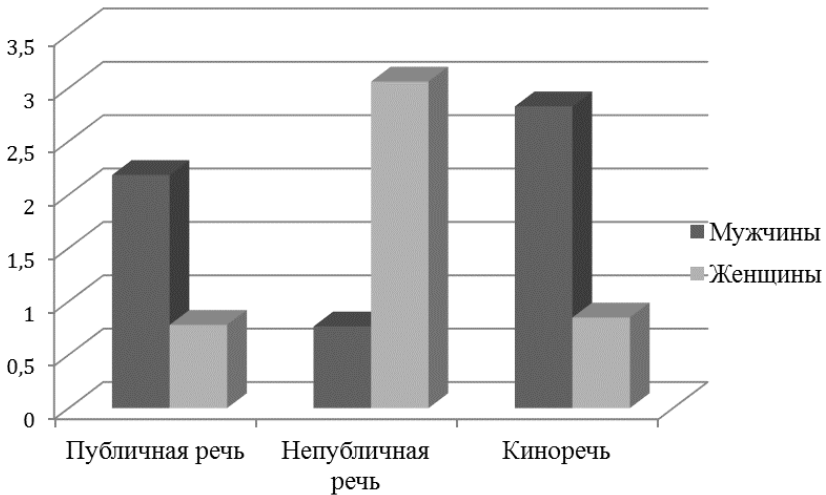

Рис. 1. Гендерные различия в употреблении *пятого* и *десятого* в разных типах речи (УП НКРЯ)

По мнению Е.И. Горошко, «умственный склад женщины предпочитает всяческого рода “прыжки” и пропуски, перескоки с одной мысли на другую» [Горошко 1996: 12]. Это подтверждает и тот факт, что в непубличной речи *ipm* исследуемых единиц у женщин почти в 4 раза выше, чем в публичной (3,058 vs. 0,779). Мужчины стараются доминировать в беседе, прямо выражать свои намерения, чаще дискутировать, использовать

нецентральные разделы словаря. Они хорошо чувствуют себя в ситуации говорения на публику. Видимо, поэтому использование мужчинами *пятого* и *десятого* в публичной речи выше, чем у женщин в непубличной (2,183 vs. 3,058).

При анализе, учитывающем возраст говорящего, была использована классификация социально-активного возраста человека, принятая на симпозиуме АПН СССР в 1967 г.: 1) от 22 (21 у женщин) до 35 лет; 2) от 35 до 60 (55 у женщин) лет¹.

Исследование показало, что до 35 лет молодежь активно употребляет прагматемы *пятый* и *десятый* в **непубличной речи**. В этот период навыки и умения, связанные с использованием речевых единиц, еще только формируются. Молодые люди более подвержены влиянию различных тенденций и веяний моды. Они социально активны, и их речевые навыки в большой степени проявляются именно в непубличной речи (рис. 2).

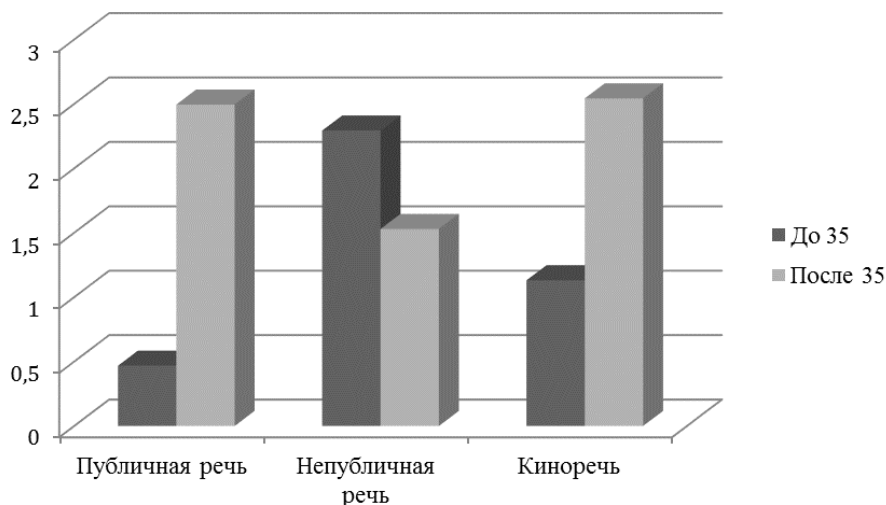

Рис. 2. Возрастные различия в употреблении *пятого* и *десятого* в разных типах речи

В целом проведенное исследование позволило сделать следующие выводы:

1. *Пятое* и *десятое* могут принадлежать к разным функциональным речевым классам и употребляться в устной речи в разных значениях /

¹ «Первый период – *молодость* (здесь и далее в цитате курсив авторов. – А. К.) – характеризуется изменением социального статуса человека: это время создания семьи, освоения выбранной профессии, определения отношения к общественной жизни и своей роли в ней. Данный период заканчивается так называемым “кризисом среднего возраста”, продолжающимся примерно до 33–35 лет. Второй период, самый длительный отрезок жизни человека, – *зрелость* – характеризуется полным расцветом личности, когда человек может реализовать весь свой потенциал, добиться наибольших успехов во всех сферах жизни» [Звуковой корпус... 2013: 81].

функциях. В одних случаях это порядковые числительные (большинство примеров), в других – прагматемы, выполняющие роль маркера-аппроксиматора, либо сохраняющие, либо полностью утрачивающие идею счета.

2. *Пятое, десятое и пятое-десятое* – это три самостоятельные единицы (прагматемы), выполняющие в устном дискурсе одну и ту же аппроксимативную функцию. Об этом говорят и результаты проведенного опроса носителей языка.

3. *Пятое-десятое* – не застывшая форма. Это иллюстрируют примеры, где данная единица употреблена в косвенных падежах. Кроме того, были обнаружены случаи, в которых прагматемы *пятый* и *десятый* использовались в формах и ж. р., и м. р.

4. *Пятое-десятое* – это явный редуликат. Отсюда его «тяготение» к другим подобным единицам (*то-сё, туда-сюда, так-сяк*).

5. Частота встречаемости исследуемых прагматем практически не зависит от сферы употребления устной речи.

6. Киноречь ориентируется на публичную речь – близка к ней по количественным показателям.

7. Женщины активнее используют подобные прагматемы в непубличной речи.

8. Употребление мужчинами форм *пятого* и *десятого* в публичной речи выше, чем в непубличной.

9. В молодости человек гораздо чаще использует исследуемые прагматемы в непубличной речи.

Список литературы

- Богданова-Бегларян Н.В.* Прагматемы в устной речи: определение понятия и общая типология // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 3 (27). С. 7–20.
- Богданова-Бегларян Н.В., Асиновский А.С., Блинова О.В., Маркасова Е.В., Рыко А.И., Шерстинова Т.Ю.* Звуковой корпус русского языка: новая методология анализа устной речи // Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. Вып. 2 / ред. Д. Шумска, К. Озга. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2015. С. 357–372.
- Богданова-Бегларян Н.В., Шерстинова Т.Ю., Блинова О.В., Мартыненко Г.Я.* Корпус «Один речевой день» в исследованиях социолингвистической вариативности русской разговорной речи // Анализ разговорной русской речи (АР³-2017): Труды седьмого междисциплинарного семинара / науч. ред. Д.А. Кочаров, П.А. Скрелин. СПб.: Политехника-принт, 2017. С. 14–20.
- Верхолетова Е.Ю.* Структурно-динамический подход к социальной стратификации устной речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2010. 19 с.
- Виноградов В.А.* Редупликация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 408.
- Горошко Е.И.* Особенности мужского и женского вербального поведения (психолингвистический анализ): дис. ... д-ра филол. наук. М., 1996. 179 с.

- Гришина Е.А.* Устная речь в Национальном корпусе русского языка // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. М.: Индрик, 2005. С. 94–110.
- Звуковой корпус как материал для анализа русской речи: коллективная монография: в 2 ч. / отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2013–2015. Ч. 1: Чтение. Пересказ. Описание. 2013. 532 с.
- Крючкова О.Ю.* Вопросы лингвистической трактовки лексической редупликации в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2004. № 8. С. 63–83.
- Ляшевская О.Н., Шаров С.А.* Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009. 1112 с.
- Минлос Ф.Р.* Редупликация и парные слова в восточнославянских языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 20 с.
- Николаева Т.М.* О «лингвистике речи» (в частности, о междометии) // Вопросы языкознания. 2015. № 4. С. 7–20.
- Подлеская В.И.* Нечеткая номинация в русской разговорной речи: опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (2013) (Бекасово, 29 мая – 2 июня 2013 г.). Вып. 12 (19): в 2 т. / гл. ред. В.П. Селегей. М.: РГГУ, 2013. Т. 1: Основная программа конференции. С. 619–632.
- Попова Т.И.* Опыт дискурсивного анализа составных редулицированных прагматем // Русская филология. 28: сборник научных работ молодых филологов. Тарту, 2017. С. 308–313.
- Попова Т.И.* Сложные прагматы-редуликаты в русской устной речи: проблемы описания и варианты решения // Коммуникативные исследования. 2016. № 3 (9). С. 36–47.
- Рожанский Ф.И.* Редупликация как объект типологии // Acta Linguistica Petropolitana = Труды Института лингвистических исследований. 2010. Т. VI. Ч. 3. С. 192–210.
- Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах: коллективная монография / отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: ЛАЙКА, 2016. 244 с.
- Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / под ред. В.И. Чернышева. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965. Т. 3: Г–Е. 1954. 1340 с.
- Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / под ред. В.И. Чернышева. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965. Т. 11: Пра–пятью. 1961. 1844 с.
- Цуй Ю.* О двух типах разговорного словообразования (на материале языка газет) // Русский язык сегодня. Вып. 4. Проблемы языковой нормы / отв. ред. Л.П. Крысин. М.: ИРЯ РАН, 2006. С. 644–650.
- Ягинцева О.Г.* Редупликация и повтор в образовании бытовых терминов // Humaniora: Lingua Russica. Активные процессы в русском языке диаспоры и метрополии / отв. ред. И.П. Кюльмоя. Тарту: Тартус. ун-т, 2009. С. 354–365. (Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XII).
- Янко-Триницкая Н.А.* «Штучки-дрычки» устной речи (повтор-отзвучие) // Русская речь. 1968. № 4. С. 48–52.

References

- Bogdanova-Beglaryan, N.V. (Ed.) (2016), *Russkii yazyk povsednevnogo obshcheniya: osobennosti funktsionirovaniya v raznykh sotsial'nykh gruppakh* [Everyday Russian Language: Features of Functioning in Different Social Groups], Collective Monograph, St. Petersburg, LAIKA Publ., 244 p. (in Russian)
- Bogdanova-Beglaryan, N.V. (2014), Pragmatic Items in Everyday Speech: Definition of the Concept and General Typology. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, Iss. 3 (27), pp. 7-20. (in Russian)
- Bogdanova-Beglaryan, N.V. (Ed.) (2013), *Zvukovoi korpus kak material dlya analiza russkoi rechi* [Speech Corpus as a Base for Analysis of Russian Speech], Collective Monograph, in 2 parts, Pt. 1. Reading. Retelling. Description, St. Petersburg, SPbGU Faculty of Philology Publ., 532 p. (in Russian)
- Bogdanova-Beglaryan, N.V., Sherstinova, T.Yu., Blinova, O.V., Martynenko, G.Ya. (2017), Korpus "Odin rechevoi den" v issledovaniyakh sotsiolingvisticheskoi variativnosti russkoi razgovornoj rechi [Corpus "One Speaker's Day" in Studies of Sociolinguistic Variability of Russian Colloquial Speech]. Kocharov, D.A., Skrelin, P.A. (Eds.) *Analiz razgovornoj rechi (AR³-2017)* [Analysis of Spoken Russian Speech (AR³-2017)], Proceedings of the 7th Interdisciplinary Seminar, St. Petersburg, Politehnika-print Publ., pp. 14-20. (in Russian)
- Bogdanova-Beglaryan, N.V., Asinovskii, A.S., Blinova, O.V., Markasova, E.V., Ryko, A.I., Sherstinova, T.Yu. (2015), Zvukovoi korpus russkogo yazyka: novaya metodologiya analiza ustnoi rechi [Speech Corpus of Russian Language: a New Methodology for Analyzing of Oral Speech]. Shumska, D., Ozga, K. (Eds.) *Yazyk i metod: Russkii yazyk v lingvisticheskikh issledovaniyakh 21 veka* [Language and Method: The Russian Language in the Linguistic Studies of the 21st Century], Iss. 2, Krakow, Jagiellonian University Publ., pp. 357-372. (in Russian)
- Chernyshev, V.I. (Ed.), (1961), *The Dictionary of the Modern Russian Literary Language*, Vol. 11, Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1844 p. (in Russian)
- Chernyshev, V.I. (Ed.), (1954), *The Dictionary of the Modern Russian Literary Language*, Vol. 3, Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1340 p. (in Russian)
- Goroshko, E.I. (1996), *Osobennosti muzhskogo i zhenskogo verbal'nogo povedeniya (psikholingvisticheskii analiz)* [Features of Male and Female Verbal Behavior (Psycholinguistic Analysis)], Dissertation, Moscow, 179 p. (in Russian)
- Grishina, E.A. (2005), Ustnaya rech' v Natsional'nom korpusе russkogo yazyka [Oral Speech in the Russian National Corpus]. *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: 2003-2005* [The Russian National Corpus: 2003-2005], Moscow, pp. 94-110. (in Russian)
- Kryuchkova, O.Yu. (2004), Voprosy lingvisticheskoi traktovki leksicheskoi reduplikatsii v russkom yazyke [Questions of the Linguistic Interpretation of Lexical Reduplication in the Russian Language]. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory], No. 8, pp. 63-83. (in Russian)
- Lyashevskaya, O.N., Sharov, S.A. (2009), *Chastotnyi slovar' sovremennogo russkogo yazyka (na materialakh Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka)* [Word list by Frequency of the Modern Russian Language (based on the Russian National Corpus)], Moscow, 1112 p. (in Russian)

- Minlos, F.R. (2004), *Reduplikatsiya i parnye slova v vostochnoslavjanskikh yazykakh* [Reduplication and Pair Words in East Slavic Languages], Author's abstract, Moscow, 20 p. (in Russian)
- Nikolaeva, T.M. (2015), On the "linguistics of speech". *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the study of language], No. 4, pp. 7-20. (in Russian)
- Podlesskaya, V.I. (2013), Vague reference in Russian: evidence from spoken corpora. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies*, Papers from the Annual International Conference "Dialogue" (2013), Iss. 12, in 2 volumes, Moscow, RGGU Publ., Vol. 1. Main conference program, pp. 619-632. (in Russian)
- Popova, T.I. (2017), Opyt diskursivnogo analiza sostavnykh reduplitsirovannykh pragmatem [Experience of Discursive Analysis of Compound Reduplicated Pragmatemes]. *Russkaya filologiya. 28* [Russian Philology. 28], Collection of Scientific Works of Young Philologists, Tartu, pp. 308-313. (in Russian)
- Popova, T.I. (2016), Complex pragmateme-reduplikates in spoken Russian: problems of description and options of solution. *Communication Studies*, No. 3 (9), pp. 36-47. (in Russian)
- Rozhansky, F.I. (2010), Reduplication sub specie linguistic typology. *Acta Linguistica Petropolitana*, Vol. VI, pt. 3, pp. 192-210. (in Russian)
- Tsui, Yu. (2006), O dvukh tipakh razgovornogo slovoobrazovaniya (na materiale yazyka gazet) [About Two Types of Colloquial Word-Formation (Based on the Newspapers Language)]. Krysin, L.P. (Ed.) *Russkii yazyk segodnya* [Russian Language Today], Iss. 4, Moscow, Institute of Russian Language of Russian Academy of Science Publ., pp. 644-650. (in Russian)
- Verkholetova, E.Yu. (2010), *Strukturno-dinamicheskii podkhod k sotsial'noi stratifikatsii ustnoi rechi* [Dynamic Structure Approach to the Social Stratification of Speech], Author's abstract, Perm, 19 p. (in Russian)
- Vinogradov, V.A. (1990), Reduplication. Yartseva, V.N. (Ed.) *Linguistic Encyclopedic Dictionary*, Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., p. 408. (in Russian)
- Yagintseva, O.V. (2009), Reduplikatsiya i povtor v obrazovanii bytovykh terminov [Reduplication and Repetition in the Formation of Common Everyday Terms]. *Humaniora: Lingua Russica*, Works on Russian and Slavic philology. Linguistics 12, Tartu, Tartu Ülikooli Kirjastus Publ., pp. 354-365. (in Russian)
- Yanko-Trinitetskaya, N.A. (1968), "Shtuchki-dryuchki" ustnoi rechi (povtor-otzvuchie) ["Tricks-Shmicks" of Colloquial Speech (shm-added repeat)]. *Russkaya rech'*, No. 4, pp. 48-52. (in Russian)

**PYATYI (THE FIFTH) AND DESYATYI (THE TENTH):
ON THE WAY TO PRAGMATEMES**

A.I. Kudlaeva

St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

Abstract: On the example of ordinal numerals *pyatyi* (the fifth) and *desyatyi* (the tenth) (in all their grammatical forms) the article examines the property of oral everyday speech, such as the change or complete loss of the meanings of the words of different parts of speech, the appearance of new units, and sometimes it is

even difficult to rank and attribute them to some traditional lexico-grammatical category. Based on the observation of the corpus material, it is shown how analyzed units are transformed in oral speech, they lose the very idea of counting, which is basic for this class of words, and become special conditional speech units, which can be called pragmatemes: when their basic lexical meaning is weakened, they are able to acquire the function of an approximation marker and act equally (act as synonymous) with such substitute units as *i tak dalee*, *i vsyo takoe prochee*, *i tomu podobnoe* (*so on and so forth*), etc. The article offers a rather detailed description of the peculiarities of the use of *pyatyi* and *desyatyi* units in Russian oral everyday speech both in the role of ordinal numbers (in complete accordance with the dictionary data: *pyatyi den'*, *desyatoe sentyabrya*), and as pragmatemes with an approximate function and expressed tendency to reduplication (*na izhdivenii muzha nakhozhus' / pyatoe / desyatoe*; *spisat' na politiku / na pyatoe / na desyatoe*), which is poorly reflected in dictionaries nowadays. The results of the research can be useful both in describing the grammar of speech and in creating the Dictionary of pragmatemes of Russian speech, as well as used in the interests of linguodidactics and the practice of translation.

Key words: oral speech, approximation marker, pragmaticalization, pragmateme, reduplication, language / speech corpus.

For citation:

Kudlaeva, A.I. (2018), *Pyatyi (the fifth) and desyatyi (the tenth): on the way to pragmatemes*. *Communication Studies*, No. 2 (16), pp. 65-78. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.2.65-78. (in Russian)

About the author:

Kudlaeva Alena Igorevna, student

Corresponding author:

Postal address: 11, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

E-mail: leka1910@mail.ru

Received: October 7, 2017

NEW WORD: SOCIO-LINGUISTIC CREATIVE OF MODERNITY (BASED ON THE MATERIAL OF SOCIO-LINGUISTIC PROJECTS)

Yu.A. Melnik¹, A.V. Kirova²

¹ Omsk Tank-Automotive Engineering Institute (Omsk, Russia)

² Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

Abstract: Nonce words reflected in socio-linguistic projects “Word of the year” are analyzed in the article. Functional and word creative aspects are also analyzed. Carried out analyses shows that the most useful model of word creation is compressive word creation and it reflects creative potential, freedom of language behaviour, linguistic taste of native speaker striving to self-expression through the creation of a new word. Neologisms created by methods of paronymic attraction and blending save semantic links with prime words, that is include semantics of motivating words into their meaning and get advantage over descriptive expressions. Creative speech activity is related to language game. One of the main rules of this game is understanding of conditionality of one or another speech (game) code both by a creator and an interlocutor. A huge contribution made by all participants of media discourse (journalists, bloggers, socially minded citizens, creative community and others) into process of changing and updating of language vocabulary have been noted. Thus, in modern word creative activity methods of word creation which let describe events of social and political life of a country and personal life of a person with the help of a new bright word with attitudinal component are in demand.

Key words: neology, nonce word, creative speech activity, language game, word creation.

For citation:

Melnik, Yu.A., Kirova, A.V. (2018), New word: socio-linguistic creative of modernity (based on the material of socio-linguistic projects). *Communication Studies*, No. 2 (16), pp. 79-87. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.2.79-87.

About the authors:

¹ **Melnik Yulia Alexandrovna**, lecturer of the Chair of Russian and Foreign Languages

² **Kirova Anastasia Vladimirovna**, postgraduate student of the Chair of General and Applied Linguistics

Corresponding authors:

¹ Postal address: 119, 14 Voennyi gorodok, Omsk, 644098, Russia

² Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia

¹ E-mail: uliya0783@mail.ru

² E-mail: anastasia.kirova@gmail.com

Received: January 3, 2018

Changes in economic, social and political situation in a country inevitably lead to the emerging of new words and to updating of existed ones. Our time belongs to such periods. Researchers of Russian language are registering the raise of word formation activity in modern communicative space [Vidanov 2014; Issers 2013; Kronhaus 2011; Mikhailova O., Mikhailova Yu. 2015; Chernenko 2005]. New lexis reflects all innovations both in social, economic, political and in cultural and mental areas. According to Mikhail Epstein, philologist and culture expert, "in social and political vacuum of 2000s all the hidden energy of Russian being, all the longing for sense and will to sense making came again into the language, into language creativity, because there was no other way out" [Arkhangel'skii 2012: 21].

Many scientists tend to believe that fundamental changes in economical, social and political lives of society invariably lead a thinking man who is also actively reflects himself to enhancing of linguo-creative activity [Gridina 1996, 2002; Vepreva, Kupina 2016]. T. Gridina who connects language game with creative speech activity says that language game is a specific form of linguo creative activity, reflecting the striving (intention) of speakers to detection of own competence in implementation of language abilities on the understanding conditionality of committed speech moves but at the same time created for "identification" of adopted unspoken rules (game code) of communication by recipient [Gridina 2002: 26].

Expressing an idea, an author strives to do it more brightly, succinct and gets involved into a language game. In doing so, he awares novelty and singularity of just created word, but the game becomes more attractive when another person (interlocutor) understands and accepts the rules of this game, tries to support it and reveals deep intentions of the author who has started the game [Sannikov 2002: 64]. Accepting the rules of the game, the creator of a word strives to find new meaning for previously known word or to create new words that would help to express ones attitude to phenomena of extra linguistic reality.

In recent years the phenomenon of occasional derivation has become more and more widespread. Any event or act of mental activity of an individual is perceived through the lens of individual worldview and becomes the source for word creation. The search and creation of a new word that let a person express the ideological position and demonstrate personal social role in the most accurate way, take place. Critical understanding of social concepts appears in socio-linguistic creation and leads to the formation of lexical neologisms [Issers 2015].

The problem of selection of lexical material sources rises during the studying of modern language. New words emerge in language as a response to sociopolitical events in the country and they find themselves in social networks, Internet blogs and print media. Each of them has a chance either to disappear traceless or to entrench itself in language and to get the status of neologism. This fact can be stated only in the course of time and the task of today is to capture them and to research on the current stage of language development. The activation of neologization process in modern Russian language is related to emerging and wide usage of the Internet, as both mass media (so called "new media") and common people (Internet users) contribute a lot into process of lexis changing. Changes in all areas of social life are reflected in the language of the Internet. Here, first of all, new words created by different models emerge. New words appeared in media discourse are collected in words creation ratings of Internet projects, including "Neologism of the year" (part of "Word of the year"), data from which (2013-2016) is the material of our research (Word of the year). Research of lexis including into rate lists of the projects attracts the attention of linguists [Issers 2015; Mustajoki, Walter, Vepreva 2016; Tsyganova 2015]. Functional and word-formative aspects of word creation are seemed for us up-to-date.

In our work individually-authorial words that are taken from sources mentioned above are analyzed and we name them with the term "nonce word". Phenomena of occasional derivation, first of all, are breaking of grammar, word-formative and lexico-semantic rules of language. The result of non-usual, creative word formation is a nonce word. In recent years, such language games and word creation are becoming more and more popular. Today, to be a creator of new word is becoming trendy as with the help of nonce word it is possible to express your ideas, thoughts and feelings more accurately and brightly, enhancing emotional and expressive emphasis of speech along with saving speech means. The emerging of new word is always accompanied by language game. It is a creative activity, which involves the author and his interlocutor into a language game that becomes more attractive when both participants accept rules of the game and obey them [Zhuravlyov 1982]. Thus, creative abilities of linguistic persona and his pragmatic orientation are the basis of word creation game, the result of which is nonce words. According to the creator of the project "Word of the year" M. Epstein "the process of conscious return of society to the mother language and revival of interest to the word creation has begun... We, already grown-up, come back to the language, which we belong to due to the fact of birth with it, and later we participate in language customs consciously and discover new sense of those words, rules and grammar structures, which we used automatically before, by force of habit" [Arkhangel'skii 2012: 21]. In other words, this process could be named as "people's word creation", when the words are formed on the occasion, under exact conditions of communication as a reaction on exact events and are clear to native speakers.

K. Knorre-Dmitrieva, journalist, says: *If an ad man needs an order for self-expression, the people see the sense of reality as a reason for creation of new words. For example, when cheese and jamon were banned for import, the words **sanktsionka** and **zapreshchenka** emerged and entered into the language. Demonstration of cheese utilization echoes in new word **syrotsid**. As the best present from foreign trips became jamon or cheese, a nice word **khomandirovka** appeared* (Novaya gazeta. 23.11.2015).

Khomandirovka (foreign trip in order to buy products under sanctions) and *syrotsid* (utilization of sanctioned products) are put into "Dictionary of changes" (Dictionary of changes). Method of paronymic attraction was used for their creation and this method becomes more and more popular in modern language creation. The main characteristic of this method is replacement of original motivation, which serves as a base of word creation, with idea of motivational link with words that aren't related to examining word-creation relationships or to words from another etymological nest in the speakers mind. Change of motivation may be accompanied by changes of a word meaning and its structure. As O. Issers mentions "such appraised new formations created on the base of similarity of sounding of certain elements of two put together words are common for social critics: they highlight the most urgent issues of social life" [Issers 2013: 11].

Neology is closely related to worldview, culture and living conditions of a person. In the era of the Internet this process becomes more intensive as a significant contribution into process of changing and replenishment of language vocabulary is done by participants of media-discourse: journalists, bloggers, socially minded citizens, creative community and others.

Frequent use of a word in newspapers, TV programs and blogs leads to the situation when native speakers start losing the word novelty feeling and use it in real life or in social network communication. So, examined lexical unit *selfie*, represented by hashtag #me is third most popular hashtag in Instagram: there are more than 16 million publications with hashtag #selfie (according to Instagram analytics on 5th April 2016). Search engine Google gives 23 million links, Yandex about 3 million on 5 April 2016, and it is the evidence of huge popularity of the word.

To illustrate the foregoing, let us look at examples from Russian blog:

*If you don't have any **liftoluk**, **sebyashki** or **antiselfi**, then lock yourself up in the restroom and cry noisily because you aren't trendy! I came to this conclusion after visiting the lecture in Petrozavodsk State University given by a nice young student Anastasia who gave me a tour in the world of selfie and explained how to take fashionable pictures and what kind of photos are out of trend. Yes, you've heard right, there is special course on selfie in Petrozavodsk. After I came home, I scrolled my Instagram and realized that I had stayed out of fashion and I really needed to improve this situation. So, before taking the next selfie, read this post. Well, and as for nervous people, it is better not to read it at all. I'm telling*

*you straight away, level of **sebyashkek** overloads here!* (Victoria Shaposhnikova, blogger).

In the text, we observe activation of word formation abilities of lexical units related to relevance one or another fragment of reality and demand in new nomination. Syntagmatic and paradigmatic characteristic of a word are changing: abilities of its metaphoric performance are expanding and synonymous and antonymous relationships are undergoing changes. Acquired “key” status of a word causes activation of its grammar abilities (derivational potential, first of all). The word *selfie* from top-rates 2015 serves as a convincing example. It has new derivatives (*antiselfi*, *selfitsya*, *selfitishizm*, *selfilitiki*, *selfi-palka*, *selfipati* and *sebyashka*), their semantics and scope of use are expanding.

Besides game and nominative functions, word creation performs nominative–compressive, substitutive, expressive and emotional functions. Functional aspect is closely related to word creative one. Depending on the goal (naming a process or an event, expressing personal attitude to phenomenon, entertainment of interlocutor) which a creator of a word pursues, he chooses appropriate methods of word creation.

Due to intensive rate of modern life, the law of speech effort parsimony is supported and strengthened that is revealed in active using of compressive models of word formation, when new words are created on the base of word combinations and sentences. Thus created words will never lose semantic link with prime words, that means they include the semantic of motivating words. The models of compressive word creation include blending or “inter-word overlap” which is the most frequent in creation of modern neologisms [Zemskaya 2005: 86]. N. Tsyganova noticed that blending is “the leading method of word creation used by visitors of special websites” [Tsyganova 2015: 16]. Words created by blending have metaphorical shade of meaning and characterized by stylistic markedness, game nature, low lever of usuality, acceptance in the context; moreover most of them are telescope-type: the end of one word overlaps the beginning of another, so language game is being created.

The following words are created by this method: *plebsikon* (vocabulary of a person with low level of a speech culture), *sovetosh'* (something shabby, from Soviet Union times), *besprosvetkost'* (extreme gentility), *blogit'sya* (thought pattern of a person who used to communicate in blogs), *laikbishche* (about Facebook as a cemetery of likes), *laichushchii* (a person who waits for likes), *lingvadol* (medicine that is recommended to people with sensory CNS who overreacts to grammar, spelling or other types of mistakes of interlocutor), *udoboverie* (a strive to the maximal mental comfort despite circumstances), *bozhemyaka* (extremely religious; allusion to Nikita Kozhemyaka, fairy tale hero), *selfishizm* (worship of selfie), *laikdorfin* (hormone of happiness, which is produced in the body of addicted user, who gets a lot of likes under his post), *predskazhuliki* (unfair fortune-tellers) (Word of the year).

Word formation model of blending has a strong affecting potency and words created by this method let the author of a new word express his idea, thought, feeling, vision or understanding of a phenomenon fuller, more correct and exact, in original way.

Actualization of inner form with the help of method of paronymic attraction is also demanded in modern word creation [Kitaigorodskaya, Rozanova 1996]. The idea of this method is in the replacing of prime motivation in the mind of a speaker with idea about motivational link of the word with another word, which isn't coherent with concerned word creation relations or with a word from another etymological family of words. The change of motivation could be accompanied by changing of a word meaning and its structure.

Words *sotssed*, *sotssedka* (people who are always online in social networks), *laichushchii* (hungry for likes), *niprichyomysh* (a quite and boring person, who is always stays away from events), *zhritel'* (a person, who watches everything at random), *zakhazher* (a person who takes care but doesn't visit often), *relaiksatsiya* (a pleasant feeling of relaxing after receiving likes in social networks), *zlovtsa* (an angry word) are formed by method of paronymic attraction (Word of the year).

It is also important to mention that method of paronymic game with inner form of a word reflects modern reality, highlights topics that are the most interesting for a word creator, touches the most up-to-date sides of social life.

Thus, the source of word creation could be an event in social and political life of a country, modern culture concepts, and action of mental activity, perceived through lens of individual view. After generation in the consciousness of a person, a new word is embodied into a form. Carried out analyses shows that the most useful are the models of compressive word creation, which are used by word creators for description of social and political life of a country and personal life of a person on the Internet, that is evidence of creative potential, freedom of language behavior and presence of linguistic sense of native speaker, who strives to self-expression through the creation of a new word.

In prospect the research of new words seems to be interesting from diachronic point of view. The results could be used for teaching Russian students, whose major is Philology, in courses such as "Lexicology" or "Word creation" and also for lessons of Russian as foreign language. Moreover, the research is valuable for research of sociolinguistic changes in the society.

References

- Arkhangel'skii, A.A. (2012), Yazyk politiziruetsya tam, gde otsustvuet politika [Language politicizes there, where there is no politics]. *Ogonyok*, No. 51, pp. 20-21. (in Russian)
- Cherneiko, L.O. (2005), Problema diskursa v svete kontseptsii vnutrennei formy slova, yazyka, rechi [Problem of discourse in the light of the concept of inner shape of a word, language, speech]. *Tekst: struktura i semantika* [Text: structure and se-

- mantics*], Proceedings of the International Conference, Moscow, pp. 154-166. (in Russian)
- Gridina, T.A. (2002), Yazykovaya igra kak lingvokreativnaya deyatelnost' [Language game as a linguo-creative activity]. Gridina, T.A. (Ed.) *Yazyk. Sistema. Lichnost'. Yazykovaya igra kak lingvokreativnaya deyatelnost'. Formirovanie yazykovoï lichnosti v ontogeneze* [Language. System. Personality. Language game as a linguo-creative activity. Formation of linguistic persona in ontogeny], materials of reports of the All-Russian scientific conference, Yekaterinburg, pp. 26-27. (in Russian)
- Gridina, T.A. (1996), *Yazykovaya igra: stereotip i tvorchestvo* [Language game: stereotype and creativity], Yekaterinburg, 225 p. (in Russian)
- Issers, O.S. (2015), From Serious Stuff - to Funny Things: Language Pun Potential of the Russian "Word of the Year". *Political Linguistics*, No. 4 (54), pp. 25-31. (in Russian)
- Issers, O.S. (2013), Diskursivnye igry "Bolotnogo perioda" [Discursive game of a "Swamp period"]. *Rusistika* [Russian studies], Collection of scientific works, Iss. 13, Kyiv, Taras Shevchenko National University of Kyiv Publ., pp. 9-13. (in Russian)
- Kitaigorodskaya, M.V., Rozanova, N.N. (1996), Sovremennaya politicheskaya kommunikatsiya [Modern political communication]. *Russkii yazyk kontsa 20 stoletiya (1988-1995)* [Russian language of the end of the 20th century (1988-1995)], Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., pp. 151-240. (in Russian)
- Kronhaus, M.A. (2011), *Russkii yazyk na grani nervnogo sryva* [Russian language on the verge of a breakdown], Moscow, Astrel' Publ., 480 p. (in Russian)
- Mikhailova, O.A., Mikhailova, Yu.N. (2015), Semantic Variations of Urgent Vocabulary: Lexemes Ekstremizm and Terrorizm in Modern Russian. *Political Linguistics*, No. 1 (51), pp. 252-258 (in Russian)
- Mustajoki, A., Walter, H., Vepreva, I. (2016), Word of the Year 2015. *Quaestio Rossica*, Vol. 4, No. 4, pp. 121-133. DOI: 10.15826/qr.2016.4.195. (in Russian)
- Sannikov, V.Z. (2002), *Russkii yazyk v zerkale yazykovoï igry* [Russian language in the mirror of a language game], Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 552 p. (in Russian)
- Tsyganova, N.D. (2015), *Poliaspectnoe opisanie neoleksem (po materialam slovtvorcheskikh internet-saitov)* [Polyaspect description of neo-lexical units (based on the materials of word creative Internet websites)], Author's abstract, Abakan, 22 p. (in Russian)
- Vepreva, I., Kupina, N. (2016), The queue for Serov: the phenomenon of Russianness. *Quaestio Rossica*, Vol. 4, No. 2, pp. 95-108. DOI: 10.15826/qr.2016.2.160. (in Russian)
- Vidanov, E. (2014), Semantic and derivative potential of the epoch key-word, or passion for the Olympics. *Ural Journal of Philology. Psycholinguistics in Education*, No 2, pp. 85-91. (in Russian)
- Zemskaya, N.D. (2005), *Slovoobrazovanie kak deyatelnost'* [Word creation as an activity], Moscow, KomKniga Publ., 224 p. (in Russian)
- Zhuravlyov, A.F. (1982), Tekhnicheskie vozmozhnosti russkogo yazyka v oblasti predmetnoi nominatsii [Technical abilities of the Russian language in objective nomination]. Shmelyov, D.N. (Ed.) *Sposoby nominatsii v sovremennom russkom*

yazyke [Means of nomination in the modern Russian language], Moscow, Nauka Publ., pp. 45-109. (in Russian)

Sources

Dictionary of changes, available at: <https://www.facebook.com/notes/%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C-%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%BD/%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C-%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%BD-2015/776172429135957> (accessed date: October 30, 2017). (in Russian)

Word of the year, available at: <https://www.facebook.com/groups/slovogoda/> (accessed date: October 30, 2017). (in Russian)

НОВОЕ СЛОВО: СОЦИАЛЬНО-ЯЗЫКОВОЙ КРЕАТИВ СОВРЕМЕННОСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ)

Ю.А. Мельник¹, А.В. Кирова²

¹ Омский автобронетанковый инженерный институт (Омск, Россия)

² Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия)

Аннотация: Анализируются окказиональные слова, отраженные в социолингвистических проектах «Слово года». Исследуется функциональный и словообразовательный аспекты словотворческой деятельности. Проведенный анализ показывает, что наиболее часто авторами используются модели компрессионного словообразования, что свидетельствует о творческом потенциале, раскрепощенности речевого поведения и наличии лингвистического вкуса у носителя языка, стремящегося к самовыражению посредством создания нового слова. Новообразования, произведенные при помощи приемов паронимической аттракции и контаминации, сохраняют смысловую связь с исходными словами, т. е. включают в свое значение семантику мотивирующих слов, получая преимущество перед описательными выражениями. Креативная речедетельностная активность связывается с языковой игрой. Одним из главных правил такой игры является понимание условности того или иного речевого (игрового) кода как создателем слова, так и его собеседником. Отмечено, что большой вклад в процесс изменения и пополнения лексического состава языка вносят участники медиа-дискурса: журналисты, блогеры, люди с активной гражданской позицией, творческая интеллигенция и другие пользователи. Таким образом, в современном словотворчестве оказываются востребованными такие способы словообразования, которые позволяют описать события общественно-политической жизни страны и личной жизни человека при помощи нового яркого слова, содержащего оценочный компонент.

Ключевые слова: неология, окказионализм, креативная речедетельностная активность, языковая игра, словотворчество.

Для цитирования:

Мельник Ю.А., Кирова А.В. Новое слово: социально-языковой креатив современности (по материалам социолингвистических проектов) // Коммуникативные исследования. 2018. № 2 (16). С. 79–87. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.2.79-87. (На англ. яз.)

Сведения об авторах:

¹ **Мельник Юлия Александровна**, преподаватель кафедры иностранных и русского языков

² **Кирова Анастасия Владимировна**, аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики

Контактная информация:

¹ Почтовый адрес: 644098, Россия, Омск, 14-й Военный городок, 119

² Почтовый адрес: 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а

¹ E-mail: uliya0783@mail.ru

² E-mail: anastasia.kirova@gmail.com

Дата поступления статьи: 03.01.2018

ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИЗЪЯСНИТЕЛЬНОЙ КОНСТРУКЦИИ (НА ПРИМЕРЕ: Я ГОВОРЮ, ЧТО...)

Т.И. Стексова

*Новосибирский государственный педагогический университет
(Новосибирск, Россия)*

Аннотация: Изучается смысловое наполнение сложноподчиненного изъяснительного предложения. На примере одной конструкции выявляются возможные варианты интерпретации модусного значения главной предикативной единицы. Исследуется функционирование конструкции «я говорю, что» в речевом режиме интерпретации, когда она выражает смысл говорения и поэтому в норме должна быть имплицитной. Экспликация смысла говорения сигнализирует либо об особенностях коммуникативной ситуации, либо (чаще всего) о дополнительных прагматических задачах. Среди прагматических задач использования исследуемой конструкции выделяются следующие: уточнение своего коммуникативного намерения; противопоставление своей точки зрения другой; усиление категоричности, настаивание на своей точке зрения; снижение категоричности, предположение и мотивированность высказывания. Отмечается возможность этой конструкции выражать рефлексию говорящего по поводу своей речевой деятельности, при этом конструкция используется в качестве «извинения» за выбор и использование нетрадиционных языковых средств, за языковое творчество. Наличие выделенных смыслов проверено введением отрицания. Делается вывод об использовании этой конструкции в речи для оптимизации процесса коммуникации в ситуациях, способных привести говорящего к коммуникативной неудаче.

Ключевые слова: сложное предложение, модус, коммуникативная неудача, режим интерпретации.

Для цитирования:

Стеклова Т.И. Интерпретационный потенциал изъяснительной конструкции (на примере: *я говорю, что...*) // Коммуникативные исследования. 2018. № 2 (16). С. 88–100. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.2.88-100.

Сведения об авторе:

Стеклова Татьяна Ивановна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры современного русского языка и методики его преподавания

Контактная информация:

Почтовый адрес: 630126, Россия, Новосибирск, ул. Вилюйская, 28, корпус 3

E-mail: steksova@inbox.ru

Дата поступления статьи: 22.11.2017

Как известно, нет ни одного высказывания, ни одного текста, не порожденного коммуникативными намерениями говорящего. При наличии комплекса различных языковых средств для выражения определенного смысла говорящий должен выбрать не только нужную ему лексику, но и подходящую структуру, так как «грамматическая структура – это взаимодействие форм, но она подчинена обслуживанию коммуникативной функции языка» [Синтаксис 2016: 9]. И поэтому справедливым представляется утверждение, что «один из основных инструментов коммуникативной грамматики – выявление позиции говорящего в отборе речевых ресурсов и организации текста» [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 20]. Попытаемся подтвердить это положение анализом изъяснительной конструкции.

Под сложноподчиненным изъяснительным предложением, в соответствии с разработанной В.А. Белошапковой типологией сложного предложения, в русском синтаксисе понимается полипредикативная конструкция с присловной связью. Опорными в главной части являются слова, относящиеся к определенным семантическим группам, «из которых наиболее обширными являются группы слов со значениями: 1) речи, мысли, восприятия, чувства; 2) оценки; 3) бытия, обнаружения» [Грамматика 1970: 701]. М.И. Черемисина видит «важнейшую, определяющую типологическую особенность изъяснительной конструкции... в том, что ее структурные звенья принадлежат разным уровням рефлексии», причем под словом рефлексия автор «подразумевает вторичную обработку сознанием чувственной или вербальной информации» [Черемисина 2015: 14]. Другими словами, изъяснительными конструкциями исследователь называет синтаксические формы, «содержащие “модусное” управляющее звено и зависимое звено, представляющее собой событие – объект» [Черемисина 2015: 16]. Итак, в семантическом отношении сложноподчиненные изъяснительные предложения представляют собой эксплицитную модус-диктумную конструкцию [Шмелева 1995; Гаврилова 2001]. Неслучайно такую конструкцию называют королевой модуса: первая предикативная единица является показателем авторизации и сообщает способ получения информации, а вторая предикативная единица, восполняя объектную валентность глагола, сообщает о диктумном событии, ср.: *Он сказал, что придет завтра. Я увидела, как столкнулись две машины.*

Смысловая вариативность конструкции во многом обусловлена лексическим значением опорного глагола. Остановимся на анализе тех предложений, где в главной предикативной единице используется глагол ре-

чи *говорить*. По мнению Е.В. Рахилиной, семантическая сложность некоторых конструкций становится очевидна только тогда, когда бросается в глаза неполное их соответствие нашей современной норме. К таким конструкциям она относит и фразы *я (тебе) говорю, говорю я* и замечает, что давно и хорошо освоенные лингвистами глаголы речи смотрятся настолько обыденно, что требуется специальный инструмент, чтобы вскрыть их нетривиальность [Рахилина 2017].

Понятно, что глагол *говорить* может функционировать в разных временных формах, разных лицах и числах. Нас будет интересовать только один частный случай конструкции: 1 л. наст. вр. (*я говорю*). Для объяснения этого выбора вспомним понятие режима интерпретации, введенное в научный оборот Е.В. Падучевой, выделившей речевой, нарративный и синтаксический режимы [Падучева 1996, 2001]. Следует согласиться с автором, что «местоимение 1-го лица еще не обязательно свидетельствует о том, что текст предполагает интерпретацию в речевом режиме» [Падучева 1996: 287]. Для того чтобы говорить о модусной функции предиката *говорю*, нужно обратиться только к речевому режиму интерпретации. И поэтому нарратив, пересказ или рассказ о прошлом остаются за рамками нашего исследования:

Спросишь его: «Что болит? Покажи!» Показывает мордой: «Живот!» Даю таблетку, говорю, что сейчас всё пройдет. Эффект, как правило, мгновенный. Собака тут же успокаивается и ложится, ждёт, такая вот вера в медицину. С подросшей собакой интересно гулять по лесу [Лариса Надеждина. Собака с нестандартным мышлением // Наука и жизнь. 2009]¹.

Данный пример характеризуется нарративным режимом интерпретации, при котором «видо-временная форма интерпретируется не относительно момента речи, а относительно другой точки отсчета» [Падучева 1996: 286].

В речевом режиме интерпретации конструкция *я говорю, что* выражает смысл говорения, что вполне очевидно, и поэтому в норме эта конструкция должна быть имплицитной [Шмелева 1994]. Нам не нужно каждое наше высказывание предварять словами *я говорю*. Однако речевая практика показывает, что говорящие достаточно часто используют эту конструкцию в реальной коммуникации. Возникает вопрос, в связи с чем это происходит? Что маркирует говорящий вербализацией этой конструкции? Можно утверждать, что функционирование ее связано не только с плохим развитием коммуникативных способностей (что тоже возможно), но и с выполнением каких-либо дополнительных функций, кроме смысла говорения, которые анализируемая конструкция выполняет только в речевом режиме интерпретации.

¹ Здесь и далее все примеры с указанием источника взяты из Национального корпуса русского языка (<http://ruscorpora.ru>).

Как показывает анализ языкового материала, экспликация свидетельствует либо об **особенностях коммуникативной ситуации**, либо (чаще всего) о **дополнительных прагматических заданиях**. Подтвердим данное утверждение анализом примеров.

*Я не расслышал, как в столовую вошла мама, и вздрогнул, услышав её голос: – Ну, знаешь, дорогой, это никуда не годится! – Что? – спросил я, не поднимая головы от книги. – **Я говорю**, что это никуда не годится! – Это ты, мама? – пробормотал я, всё ещё не в силах оторвать глаз от страницы. – Нет, это не я! – сердито сказала мама. – Ты уже пришла с работы? [Виталий Губарев. Трое на острове (1950–1960)].*

В данном примере причиной вербализации смысла говорения является особая коммуникативная ситуация: адресат не был готов к коммуникации, поэтому не смог адекватно воспринять обращенную к нему реплику говорящего. Его переспрос заставил повторить первоначальную реплику уже с использованием изъяснительной конструкции, и оборот «я говорю, что» не только выражает смысл говорения, но и работает на усиление категоричности. Другими словами, использование этой конструкции вызвано реакцией адресата.

В других случаях эта конструкция вербализуется и в стандартной речевой ситуации. При этом говорящий изначально нагружает анализируемую нами конструкцию дополнительными модусными смыслами. Рассмотрим некоторые из них.

Уточнение коммуникативного намерения

Речевая коммуникация в норме строится таким образом, что коммуникативное намерение говорящего должно быть понятно собеседнику. Однако это происходит не всегда, и тогда для того чтобы наладить общение, возникает необходимость эксплицитировать свое коммуникативное намерение, как это можно видеть в следующих примерах.

*Я не обсуждаю сейчас, правы они или не правы, **я говорю**, что они есть и что их много [коллективный. Форум: Сепаратисты провезли по Петербургу Маннергейма (2012)].*

В данном примере говорящий отказывается обсуждать правоту третьих лиц, а только констатирует их наличие.

*Жарко же! – Не прикидывайся идиоткой. – Я не прикидываюсь. **Я честно тебе говорю**, что мы будем пить холодное вино. Ленкин папа пообещал принести. Ленкин папа тоже не что-то там, а хирург. Отделением заведует [Татьяна Соломатина. Большая собака, или «Эклектичная живописная вавилонская повесть о зарытом» (2009)].*

*– Ну вот, человек решился. Что же вы его клюете? – Мы не клюем. **Я просто говорю**, что это неправда, что он делал анализы. Еще посмотрим, как дело пойдет. Сейчас он завезет эти китайские химикаты... – Вы завезете китайские химикаты? [Ольга Андреева. Стланная стлана // «Русский репортер», 2014].*

В этих и подобных примерах говорящий отвергает приписываемое ему коммуникативное намерение (*не прикидываюсь, мы не клеюм*) и уточняет свое. В подобных случаях зачастую в речи появляются конкретизаторы коммуникативного намерения (*честно, просто*). Во всех проанализированных примерах уточнение коммуникативного намерения вызвано тем, что собеседник каким-либо образом сигнализирует о том, как он понял речевое поведение говорящего. Но не всегда эти сигналы могут быть вербальными, иногда невербального поведения собеседника говорящему достаточно, чтобы понять, что его высказывание может быть неверно интерпретировано, как это видно в следующем примере:

А ты? Смог бы без меня? От испуга глаза Эви позеленели: – Я же говорю, что пошутил! – Ладно, – успокоилась Мира. – Пойдем. Только по-тихоньку [Юлия Лавряшина. Улитка в тарелке (2011)].

Противопоставление своей точки зрения другой

В речевой коммуникации очень часто с помощью данной изъяснительной конструкции говорящий противопоставляет свою точку зрения другой. Чаще всего при этом в предыдущем контексте используется показатель авторизации «кто-то говорит», а затем вводится изложение своего мнения. При этом характерно использование противительного союза **а**: *он скажет, а я говорю; говорят, а я говорю*.

Ипохондрика сделаете из нормального парня – затаскаете его по больницам. Тем более что на любом МРТ-снимке или на заключении УЗИ написано: «Диагнозом не является», это дается на рассмотрение лечащему врачу. Он вам, скорее всего, скажет: «Резать, корсет, ограничить нагрузку». А я говорю, что нет необходимости в операции. Ему надо больше заниматься на тренажерах. – Нам неудобно ездить каждый день сюда, мы живем в Подмосковье. – Купите тренажер и поставьте дома, а сюда будете приезжать раз в неделю на мастер-класс [Вера Краснова. Двигайся или заболеешь // «Эксперт», 2014].

Что изменилось-то? Сейчас возможностей не меньше. Говорят, например, что у нас хороший бюджет. А я говорю, что нет – с точки зрения достижения результата. Приходится фактически в ручном режиме управлять регионом, изобретать решения. Я много езжу по области не от нечего делать, борюсь с системой, которая настроена не на результат, а совсем на другие цели: освоить средства как получится, отчитаться по-эффектнее, изобрести громкий прожект. Система должна работать на комплексное решение по развитию [Сергей Чернышов, Сергей Ерощенко. Перенастройка региона // «Эксперт», 2013].

Противоположная точка зрения может быть вербализована и после своей, как в следующем примере:

Слушайте, ну что вы мне-то рассказываете сказки вашего главврача? Я вам говорю, что федеральная надбавка не отменена. Вы с упорст-

вом, достойным лучшего применения, **утверждаете**, что «нет, отменена». Ну, если верите – я здесь при чем? Не хотите – не делайте ничего в конце концов [коллективный. Форум: Укрупнение терапевтического участка. В чем подвох? (2013)].

В диалоге конструкция *а я говорю, что* может использоваться и в том случае, когда противоположная точка зрения выражается без вербализации смысла говорения:

Красиво, но к искусству не имеет никакого отношения! – А я говорю, что это искусство! – Гизо сердито откусывает кусок колбасы [Григорий Горин. Чем открывается пиво? (1960–1985)].

Но во всех проанализированных случаях важно, что говорящий повышает категоричность своих утверждений, настаивает на своем мнении, что характерно для ситуации дискуссии, спора. Эта прагматическая функция реализуется и в других ситуациях, когда говорящий излагает свою точку зрения, не обязательно противопоставляя ее другой, но усиление категоричности служит показателем убежденности говорящего в своей правоте.

Усиление категоричности, настаивание на своей точке зрения

В подобных случаях говорящий вводит в данную конструкцию лексические показатели неизменности своей точки зрения (*и сейчас, всегда, говорил и буду говорить* и под.):

А во-вторых, я и сейчас говорю, что если бы повторилась предвыборная ситуация, то абсолютно железобетонно повторил бы всё то, что делал тогда [Анатолий Чубайс, Елена Трегубова. Власть должна быть жесткой // «Коммерсантъ-Власть», 2000];

Я всегда говорю, что Мстислав Ростропович эмигрировал из-за Фрадкиса... [И.Э. Кио. Иллюзии без иллюзий (1995–1999)].

Данный пример можно подтвердить достаточно частотной ситуацией в устной речевой практике общения взрослых с детьми, когда дети не сразу реагируют на требования взрослых и те для усиления категоричности вводят смысл говорения: *Я кому говорю, делай уроки!* Как отмечает Е.В. Рахилина, это значение конструкции *я (тебе / вам) говорю* хорошо сохранилось в императиве, как своего рода маркер «строгости» приказания [Рахилина 2017].

Мотивированность высказывания

В нормативной коммуникации предполагается, что собеседнику должен быть понятен мотив вашего речевого действия и нет необходимости его эксплицировать. Но в ситуациях риска, когда говорящий предполагает, что его мотив могут неверно понять, он мотивирует свое высказывание, вводит вербальные показатели (*к тому говорю, поэтому и говорю* и под.):

Да счастливо откушамши! Мне что! Я не осуждаю. Я завтра причащаться иду, я только к тому говорю, что нехорошо и довольно стыдно. – Вам бы, няничка, отдохнуть! – лебезила горничная. – Вот ужю ноги протяну, належусь в гробу. Наотдыхаюсь [Н.А. Тэффи. Покаянное (1910)];

*Ну, это как посмотреть. Я уже упоминал здесь Крылова. Если ис-
кать, за что уцепиться в глотку соседу, всегда можно найти кучу причин. Поэтому я и говорю, что именно христианство должно удержать нас от подобной вакханалии вендетты. Кузнецов Михаил Дмитриевич. За неимением учебника его пришлось скачать в интернете. Цитирую: Этнос (от греч. *ethnos*) – исторически сложившаяся, устойчивая общность людей, объединяемых языком, территорией, хозяйством, культурой, национальным самосознанием [коллективный. Форум: Православие и «Русский марш» (2012)].*

И.М. Кобозева, анализируя предикаты восприятия, знания, мнения, справедливо заметила, что «отрицательные предложения представляют ценный материал для анализа семантики предикатов. В них получают косвенное поверхностное проявление семантические характеристики предиката, скрытые от наблюдения в утвердительных предложениях...» [Кобозева 1988: 82]. Это замечание, на наш взгляд, вполне распространяется и на исследуемую конструкцию с глаголом речи. Введение отрицания в анализируемую конструкцию позволяет актуализировать те же модусные смыслы:

– Я не говорю, что капризничаете, но вам, кажется, предлагают какие-то варианты, а вы на них не соглашаетесь [Владимир Войнович. Иванькиада, или Рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру (1976)].

Я не говорю, что нет происков США, – я говорю, что в массовом сознании почти ничего, кроме происков США, не существует [Петр Скоробогатый, Валерий Федоров. Украина на российских кухнях // «Эксперт», 2014].

Я вовсе не говорю, что стволовыми клетками не надо заниматься, но это очень далекая перспектива [Игорь Харичев, Сергей Дземешкевич. О сердце и не только // «Знание – сила», 2011].

Данные и подобные им примеры показывают, что говорящий отказывается от приписываемых ему слов, оценок, тем самым уточняет свою собственную позицию, зачастую противопоставляя ее общепринятой точке зрения, как в следующем случае:

Среди художников бытует мнение, что если на твоих картинах есть ещё и сопроводительные слова, значит – не слишком-то ты хороший художник, все эмоции должно выражать само полотно. – Так в том-то и сложность. Я же не говорю, что текст под фото должен рассказывать, что на нём изображено. Фотография говорит одно, текст – другое, так, чтобы создавалась общая картина. Для себя я решил, что фотографу нужно уметь писать, и теперь я буду учиться этому. К слову, во второй час-

ти мастер-класса, которая пройдёт в июне в Санкт-Петербурге, каждый из участников выбрал себе тему для работы [Мария Клапатнюк. Во саду ли, в огороде... (2013) // «Новгородские ведомости», 2013.04.29].

Речевой режим интерпретации допускает использование глагола *говорить* не только в форме настоящего времени. Особо стоит отметить функционирование данного глагола в форме сослагательного наклонения: **Я бы сказал, что...** В речевой коммуникации возможно использование этой конструкции с разными прагматическими задачами.

«Извинение» за выбор и использование нетрадиционных языковых средств, за языковое творчество

Одно из правил речевого поведения требует, чтобы говорящий использовал стандартные речевые средства, понятные всем коммуникантам, т. е. соблюдал правило стандарта [Шмелева 1983]. Если говорящий проявляет языковую вольность, использует нестандартные языковые средства, то он должен ввести некий маркер, «извинение» за нарушение правила коммуникации. Одним из таких маркеров и является изъяснительная конструкция.

– *Что вас не устраивает в организации высшей исполнительной власти в стране? – Правительство, как ни странно, работает в большей степени как учреждение, а не как штаб управления страной. Нет понимания того, что высший орган исполнительной власти – не надминистерский аппарат, а совокупность министерств, решающих общую задачу, стоящую перед государством. Я бы сказал, что экономическая стабильность последних трех лет как бы усыпила нашу экономическую элиту. Нет никакой новации, кроме безоглядного стремления в ВТО и своего рода мнимого привлечения иностранных инвестиций в отечественную экономику. Главной целью внутренней экономической политики мы провозглашаем, как это ни странно, бездефицитный бюджет страны. Значительным упущением является слабое присутствие регионального аспекта в социально-экономической политике страны* [Определить присутствие государства в экономике (2003) // «Время МН», 2003.08.07].

Использование метафоры (*стабильность усыпила элиту*) в серьезном интервью на экономические темы осознаётся говорящим как языковая вольность, которую он помечает «извинительным» оборотом (*я бы сказал, что...*).

Снижение категоричности, предположение

В следующем и подобных примерах исследуемая конструкция служит для снижения категоричности высказывания. Говорящий не может точно утверждать, но он предполагает:

– *Каких шагов от нового председателя КС, по вашему мнению, ожидают коллеги-судьи? – Пока точно сказать не могу... Скоро состоится*

пленум, на котором мы как раз и поговорим о наших проблемах и о том, как их решать. **Я бы сказал, что нас ожидает движение без революции.** Что же касается моего собственного представления о месте и роли председателя в Конституционном суде, то это первый среди равных. У нас не министерство, и остальные восемнадцать судей не являются моими подчиненными. Мы равны и независимы, но председатель имеет некоторые дополнительные функции [Светлана Сухова. Конституция и революция (2003) // «Итоги», 2003.03.04].

Соблюдение правила речевого поведения «не преувеличивай»

Проверим наличие выделенных смыслов введением отрицания. Анализ языкового материала показывает, что конструкции с отрицанием выражают те же модусные смыслы:

– **Я не сказал бы, что плохо, удовлетворительно** [И. Грекова. Дамский мастер (1963)].

Плохо, по мнению говорящего, это преувеличение, более адекватна удовлетворительная оценка.

Несогласие с возможным предположением

Сразу же обращало на себя внимание негодное качество металла. Внешне это выразилось в абсолютном отсутствии какого-либо воронения или оксидировки. Из-за этого наружные поверхности автомата мгновенно покрывались ржавчиной даже при отсутствии дождя и даже в то время, когда автомат не носили и он висел на гвозде. **Хотя я не сказал бы, что в Грузии такой уж влажный воздух.** Таким же плохим было качество обработки поверхностей. Практически отсутствовала какая-либо подгонка отдельных деталей, в том числе и деталей автоматики: ударно-спускового механизма, затворной рамы и самого затвора, а также деталей магазина: пружины и подавателя. Пружины примерно в половине магазинов «садились», и их время от времени приходилось растягивать. [Записки украинского наемника (2004) // «Солдат удачи», 2004.07.07]

Наличие ржавчины на металле естественным образом вызывает предположение о высокой влажности. И хотя это предположение не высказано (текст представляет собой монолог, а не диалог), говорящий допускает возможность такого предположения и спешит его опровергнуть.

В следующем примере подобная ситуация: подъем интереса к ресторанному бизнесу обычно объясняют доходностью этого бизнеса, с чем говорящий не согласен, и он сразу отмечает это предположение в качестве причины роста интереса:

Но я не сказал бы, что ресторанный бизнес – очень доходный, так что подъем интереса связан, наверное, с грядущей экспансией столичного капитала [Юлия Торгашева. Александр Терентьев ищет кухню (2002) // «Дело» (Самара), 2002.06.10].

Снижение категоричности

Имеет целью избежать нанесения коммуникативного ущерба собеседнику:

Странное имя. Какое-то... Нерусское. Я не сказал бы, что оно мне нравится. Скорее наоборот... [Олег Дивов. Молодые и сильные выживут (1998)];

Говоря откровенно, я не сказал бы, что его рассказ блистал объективностью [Юрий Жуков. Двенадцать дней в Испании // «Огонек». № 5, 1970].

Строго говоря, говорящему имя совсем не нравится, а в следующем примере говорящий считает, что обсуждаемый рассказ не объективен, но и в том и другом случае снижается категоричность, чтобы не обидеть собеседника и не разорвать коммуникацию. Более того, во втором примере говорящий использует оборот *говоря откровенно* как маркер того, что он говорит неприятные слова, осознает их неприятность и просит за это прощения.

Итак, предпринятое исследование позволяет расширить представление о семантике изъяснительной конструкции, которая во многом обусловлена семантикой опорного глагола. Использование глагола речи в главной предикативной конструкции в речевом режиме интерпретации не всегда является показателем низкой речевой культуры говорящего, сознательная вербализация смысла говорения всегда обусловлена особенностями речевой ситуации и призвана решить дополнительные прагматические задачи.

Список литературы

- Гаврилова Г.Ф. О коммуникативно-функциональном потенциале придаточной части // Традиционное и новое в русской грамматике: сб. статей памяти Веры Арсеньевны Белошапковой / сост. Т.В. Белошапкова, Т.В. Шмелева. М.: Индрик, 2001. С. 236–243.
- Грамматика 1970 – Грамматика современного русского литературного языка / отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1970. 767 с.
- Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Ин-т рус. яз. РАН им. В.В. Виноградова, 2004. 540 с.
- Кобозева И.М. Отрицание в предложениях с предикатами восприятия, мнения и знания // Логический анализ языка. Знание и мнение / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Наука, 1988. С. 82–98.
- Падучева Е.В. Модальность сквозь призму дейксиса // Традиционное и новое в русской грамматике: сб. статей памяти Веры Арсеньевны Белошапковой / сост. Т.В. Белошапкова, Т.В. Шмелева. М.: Индрик, 2001. С. 184–187.
- Падучева Е.В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
- Рахилина Е.В. Говорю я, Карл... // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции

- «Диалог» (Москва, 31 мая – 3 июня 2017 г.). Вып. 16 (23): в 2 т. / редкол.: В.П. Селегей и др. М.: Изд-во РГГУ, 2017. Т. 2: Компьютерная лингвистика: лингвистические исследования. С. 384–393.
- Синтаксис 2016* – Современный русский язык. Синтаксис: учебник и практикум для академического бакалавриата / под общ. ред. С.Г. Ильенко. М.: Юрайт, 2016. 393 с.
- Черемисина М.И.* Об изъяснительной конструкции с факультативным управляемым местоимением *to* // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2015. Т. 14. № 9. С. 11–24.
- Шмелева Т.В.* Субъективные аспекты русского высказывания: дис. в виде науч. докл. ... д-ра филол. наук. М., 1995. 35 с.
- Шмелева Т.В.* Семантический синтаксис: текст лекций. Красноярск: КГУ, 1994. 47 с.
- Шмелева Т.В.* Кодекс речевого поведения // Русский язык за рубежом. 1983. № 1. С. 72–77.

References

- Cheremisina, M.I. (2015), On constructions with object clauses with optional governed pronoun *to*. *Vestnik Novosibirsk State University. Series: History and Philology*, Vol. 14, No. 9, pp. 11-24. (in Russian)
- Gavrilova, G.F. (2001), O kommunikativno-funktsional'nom potentsiale pridatochnoi chasti [On the communicative-functional potential of the subordinate part]. Beloshapkova, T.V., Shmelyova, T.V. (Comps.) *Traditsionnoe i novoe v russkoi grammatike* [Traditional and new in the Russian grammar], Collection of articles dedicated to Vera Arsen'evna Beloshapkova, Moscow, Indrik Publ., pp. 236-243. (in Russian)
- Il'enko, S.G. (Ed.) (2016), *The modern Russian language. Syntax*, textbook, Moscow, Yurait publ., 393 p. (in Russian)
- Kobozeva, I.M. (1988), Otritsanie v predlozheniyakh s predikatami vospriyatiya, mneniya i znaniya [Negation in sentences with predicates of perception, opinions and knowledge]. Arutyunova, N.D. (Ed.) *Logicheskii analiz yazyka. Znanie i mnenie* [Logical analysis of the language. Knowledge and opinion], Moscow, Nauka Publ., pp. 82-98. (in Russian)
- Paducheva, E.V. (2001), Modalnost' skvoz' prizmu deiksisa [Modality through the prism of deixis]. Beloshapkova, T.V., Shmelyova, T.V. (Comps.) *Traditsionnoe i novoe v russkoi grammatike* [Traditional and new in the Russian grammar], Collection of articles dedicated to Vera Arsen'evna Beloshapkova, Moscow, Indrik Publ., pp. 184-187. (in Russian)
- Paducheva, E.V. (1996), *Semanticheskie issledovaniya. Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrativa* [Semantic research. Semantics of the time and form in Russian. Semantics of the narrative], Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 464 p. (in Russian)
- Rakhilina, E.V. (2017), Govoryu ya, Karl... [I say, Carl...]. Selegei, V.P. et al. (Eds.) *Computational Linguistics and Intellectual Technologies*, Papers from the Annual International Conference “Dialogue” (Moscow, May 31 - June 3, 2017),

- Iss. 16, in 2 volumes, Moscow, RGGU publ., Vol. 2. Computational Linguistics: Linguistic Research, pp. 384-393. (in Russian)
- Shvedova, N.Yu. (Ed.) (1970), *Grammar of the modern Russian literary language*, Moscow, Nauka Publ., 767 p. (in Russian)
- Shmeleva, T.V. (1995), *Subyektivnye aspekty russkogo vyskazyvaniya* [*Subjective aspects of the Russian utterance*], Dissertation, Moscow, 35 p. (in Russian)
- Shmeleva, T.V. (1994), *Semanticheskii sintaksis* [*Semantic Syntax*], text of lectures, Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State University Publ., 47 p. (in Russian)
- Shmeleva, T.V. (1983), Kodeks rechevogo povedeniya [*Code of Speech Behavior*]. *Russian Language Abroad*, No. 1, pp. 72-77. (in Russian)
- Zolotova, G.A., Onipenko, N.K., Sidorova, M.Yu. (2004), *Communicative grammar of the Russian language*, Moscow, Vinogradov Institute of Russian Language of Russian Academy of Science Publ., 540 p. (in Russian)

**INTERPRETATION POTENTIAL
OF AN EXPLANATORY CONSTRUCTION
(BASED ON THE EXAMPLE: YA GOVORYU, CHTO... (I SAY THAT...))**

T.I. Steksova

Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia)

Abstract: The purpose of the article is to study the semantic content of a complex explanatory sentence with a subordinate object. The example of one construction is taken to reveal possible variants of the interpretation of the modus meaning of the main predicative unit. The author examines the functioning of the construction “ya govoryu, chto” (I say that) in the speech mode of interpretation. It is known that the construction “ya govoryu, chto” expresses speech, which is obvious and that’s why this construction should be implicit. Explication of the meaning of speaking signals either about the specific features of the communicative situation, or (more often) about additional pragmatic tasks. Among the pragmatic tasks of using the studied construction, the author of the article distinguishes the following: clarification of your communicative intention; contrasting your point of view with another; strengthening categorical, insisting on your point of view; reduction of categoriality, guess and motivation of the utterance. The possibility of this construction to express the speakers’ reflection on their speech activity is noted, while the construction is used as an “apology” for the choice and use of non-traditional language tools, for linguistic creativity. The presence of distinguished meanings is verified by introducing negation. The author comes to the conclusion about using this construction in speech to optimize the communication process in situations capable of leading the speaker to a communicative failure.

Key words: complex sentence, modus, communicative failure, interpretation mode.

For citation:

Steksova, T.I. (2018), Interpretation potential of an explanatory construction (based on the example: *ya govoryu, chto... (I say that...)*). *Communication Studies*, No. 2 (16), pp. 88-100. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.2.88-100. (in Russian)

About the author:

Steksova Tatiana Ivanovna, Prof., Professor of the Chair of Modern Russian Language and Methods of Teaching

Corresponding author:

Postal address: corpus 3, 28, Vilyuiskaya ul., Novosibirsk, 630126, Russia

E-mail: steksova@inbox.ru

Received: November 22, 2017

**МЕСТОИМЕННОЕ СЛОВО *ТАКОЙ*
В НОМИНАТИВНЫХ СОЧЕТАНИЯХ:
ПОПЫТКА ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ КЛАССИФИКАЦИИ**

Е.Я. Шклярук

*Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)*

Аннотация: Особенности функционирования единицы *такой* в номинативных сочетаниях в русской устной спонтанной речи выявляются и описываются на материале корпуса повседневной русской речи «Один речевой день». Конкретному анализу подвергнут 21 речевой эпизод, выбранный случайным образом, выявлено 116 сочетаний слова *такой* с существительными и местоимениями: 65 контекстов с *такой* в препозиции (*такой дом*) и 51 – в постпозиции (*мы такие, умник такой*), – как показало исследование, этот параметр достаточно хорошо коррелирует с функцией слова *такой* в устном дискурсе. Выделяются функции рассматриваемой единицы, которые не указаны в словарях и грамматиках: если академические издания описывают его исходя из морфологических характеристик местоименного слова и позволяют выделить лишь указательную, анафорическую и усилительную функции, то в целом на данном этапе исследования удалось выявить следующие: указательный маркер; усилительный маркер; маркер энантиосемии; гезитативный маркер; изобразительный маркер; маркер-ксенопоказатель, – т. е. вполне «словарными» являются первые две, остальные же выделены исключительно на корпусном материале и требуют специального исследовательского внимания и подробного лексикографического описания.

Ключевые слова: устная речь, звуковой корпус, указательный маркер, усилительный маркер, изобразительный маркер, маркер энантиосемии, маркер-ксенопоказатель, гезитативный маркер.

Для цитирования:

Шклярук Е.Я. Местоименное слово *такой* в номинативных сочетаниях: попытка функциональной классификации // Коммуникативные исследования. 2018. № 2 (16). С. 101–112. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.2.101-112.

Сведения об авторе:

Шклярук Екатерина Ярославовна, студентка

Контактная информация:

Почтовый адрес: 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11

E-mail: katrinash21051997@gmail.com

Дата поступления статьи: 07.10.2017

Устная речь, функционирование в ней различных единиц привлекают всё большее внимание лингвистов. Предметом настоящего исследования стало функционирование местоименного слова *такой* в русской устной спонтанной речи.

В академических изданиях *такой* характеризуется как указательное [БАС: 58–59] или определительное [БАС: 58–59; МАС 4: 334] местоимение, как существительное в форме среднего рода [БАС: 58–59] или как местоименное прилагательное [БТС: 1303]. Словари определяют данную единицу через ее морфологическую характеристику (лексико-грамматическое значение), но дефиниции включают и прагматическое значение слова *такой*, т. е. его функции в тексте. Именно функционирование единицы *такой*, прагматика устной речи представляются более всего интересными для исследования.

«Словарными» функциями слова *такой* являются **собственно-указательная**, или дейктическая, **анафорическая** и **усилительная**. Однако в спонтанной речи мы зачастую встречаем эту единицу в таких функциях, которые пока не зафиксированы академическими изданиями. Следовательно, при описании русской разговорной речи имеющиеся лексикографические описания оказываются явно неполными. Выявить специфику функционирования данной единицы в спонтанной речи позволяет корпусный подход к материалу.

Источником материала для настоящего исследования стал корпус повседневной русской речи «Один речевой день» (ОРД), который содержит записи речи самых разных носителей языка в различных коммуникативных ситуациях (130 информантов, более 1 000 их коммуникантов, более 1 250 часов звучания, 1 млн словоупотреблений в расшифровках; подробнее о нем см.: [Богданова-Бегларян и др. 2015, 2017; Русский язык повседневного общения... 2016]). Корпус ОРД фиксирует все особенности русской разговорной речи, что делает данный ресурс наиболее представительным для изучения повседневной речи.

В ходе настоящего исследования была проанализирована речь 7 информантов разного пола и возраста (21 речевой эпизод, выбранный случайным образом). Всего было отобрано 116 контекстов, включающих сочетания единицы *такой* с существительным или местоимением. В их числе оказалось 65 употреблений (56,03 %) *такой* в препозиции (сочетания типа *такой стол, такие дела*) и 51 употребление (43,97 %) – в постпозиции (*он такой, стол такой*). Как оказалось, данный параметр самым явным образом коррелирует с функциями слова *такой*.

Как показало проведенное исследование, местоименное слово *такой* в спонтанной речи часто теряет свои семантические свойства и приобретает новые – прагматические. В настоящей статье его употребления рассматриваются как определенные маркеры: указательный, усилительный, маркер энантиосемии, гезитативный (или гезитативно-рефлексивный), изобразительный и маркер-ксенопоказатель.

В большинстве случаев *такой* – и это вполне ожидаемо и понятно – употребляется в своих «словарных» функциях, а именно в качестве указательного и усилительного маркеров. Рассмотрим конкретные примеры из материала исследования.

В качестве **указательного маркера** *такой* выполняет следующие функции: указывает на качество, свойство, называемое в предшествующей или последующей речи или устанавливаемое из каких-либо обстоятельств или ситуации, вводит последующий текст, указывает на качество, свойство лица, предмета. Фактически такие употребления объединяют в себе дейктическую и анафорическую функции, приписываемые единице *такой* [Синько 2008: 88], ср.:

(1) *В языковой день // так скажем / да ? *П вот мне дали такую шуковину / *П и я хожу / она на мне висит // *П все разговоры / *П записывает*¹.

В примере (1) слово *такой* относится к существительному *шуковина*. Можно предположить, что говорящий во время разговора указывает на объект (*шуковину*), следовательно, *такой* выполняет здесь собственно **дейктическую функцию**. Таких употреблений в материале исследования оказалось больше всего – 44 (37,93 % от общего массива материала)².

Рассмотрим еще один пример из материала исследования:

(2) *вероятно // *П вот / ну вот он и (э...э) редактор журнала / такой журнал «Автобус» есть / я тебе говорила не раз / вот *П *Н печатается / *П вот // *П некто Воеводский*.

В контексте (2) единица *такой* относится к слову *журнал*, а далее говорящий произносит название этого журнала («Автобус»), т. е. указательная функция *такой* соотносится здесь с **анафорической функцией** местоимения. Видно, что *такой*, как и многие другие единицы устного дискурса, характеризуется некоторой **полифункциональностью**.

Следующей по распространенности в материале исследования является **усилительная функция** слова *такой*: 30 употреблений (25,86 %). В качестве усилительного маркера *такой* выражает сильную степень проявления свойства, качества или оценки предмета, ср.:

¹ Подробнее о специальных обозначениях в расшифровках ОРД см.: [Русский язык повседневного общения... 2016: 242–243].

² Общая сумма оказывается несколько больше 100 % (104,3 %), что объясняется полифункциональностью некоторых употреблений слова *такой* в устной речи. Это будет показано в статье ниже.

(3) *голова болит / ну ещё бы / *П тут **такая** духотень / а ты... // *П хоть бы форточку открыла что ли / Машенька%*

(4) *ох как хорошо ! ой / чёрт ! *П я не туда ! *П ну кто всегда выключает ! да что ж это я за (...) гадина **такая** ! так !*

И в пре-, и в постпозиции *такой* в качестве усилительного маркера подчеркивает, усиливает оценку, даваемую чему-либо говорящим. Отметим также, что и сами существительные, к которым в этих контекстах относится *такой*, уже выражают, как правило, бóльшую степень проявления какого-либо признака: слова *духотень* и *гадина* сами по себе обладают некоторой оценочностью¹.

Близким по функции к усилительному является **маркер энантиосемии**² (2 употребления в материале исследования; 1,72 %). Он также усиливает признак или свойство предмета, однако указывает при этом на противоположность лексической оценки:

(5) **В / да / культурный у нас город // кругом **такая** культура ! и здесь культура и там культура;*

(6) *пино гри // *П # есть большая / оно тоже ничего / но это всё-таки () не то // *П # тогда мы последние бутылки купили / давно // *П # и всё выпили // # да / мы **такие** пьяницы / Наташа.*

Из контекстов (5) и (6) понятно, что говорящие иронизируют. В примере (5) явно подразумевается отсутствие культуры, а в примере (6) собеседники (напомним, что знак # в расшифровках ОРД означает мену говорящих) подчеркивают тот факт, что употребляют они алкоголь довольно редко.

Следующим по количеству употреблений после усилительного идет **маркер-ксенопоказатель**³ (18 употреблений; 15,52 %). Функция данного маркера – ввод говорящим в свое повествование чужой (или своей, но сказанной ранее, а сейчас только передаваемой) речи, ср. (субъект речи во всех случаях подчеркнут):

(7) *ну / *П нормально так / выехали по трассе / там поехали // так останавливайся / заводись // останавливайся / короче говоря / потом он **такой** / *В так / смотрим / поворачиваем;*

(8) *я вчера их встречаю / на улице / ну в «Пятёрочку» / я шла как раз в магазин / а был вечер / полдесятого // я **такая** / о-о / вы приехали // а у*

¹ Слова *духотень* в словарях найти не удалось, хотя его оценочный характер вряд ли подлежит сомнению (ср. его употребления в Интернете: *жара и духотень, жАрееень-духотень* и под.); указание на экспрессивность слова *гадина* см., напр., в: [МАС 1: 296; Химик 2004: 105]. Ср. также другие подобные словосочетания из материала исследования: *такой гадюшник, такая ерунда* и др.

² Под энантиосемией (от греч. *enantios* – ‘противоположный’ + *sema* – ‘знак’) в лингвистике понимают наличие противоположных значений у одного и того же слова (<http://slovarfilologa.ru/241/>).

³ Термин «ксенопоказатель» был введен Н.Д. Арутюновой для описания функционирования единиц *де, дескать* и *мол* [Арутюнова 2000: 437]. Вслед за Н.Д. Арутюновой мы используем данный термин для обозначения единицы, передающей чужую речь.

вас завтра занятия будут? / они такие / будут / я говорю / да-а / не повезло мне // а что такое? // а у меня завтра у вас три ... два семинара.

Интересно отметить, что в контексте (8), где говорящий передает довольно протяженный диалог, состоявшийся *вчера <...> на улице*, маркеры-ксенопоказатели используются в одном ряду с глаголом говорения (*я говорю*) или с конструкцией несобственно-прямой речи¹ в форме диалога (обмена репликами): *а что такое? // а у меня завтра у вас три ... два семинара*.

Следующим по количеству употреблений в материале исследования является **хезитативный маркер** (15 употреблений; 12,93 %). Такой в качестве **вербального хезитатива**² указывает на речевые колебания говорящего, сопровождающие поиск нужного ему слова, ср.:

(9) *давайте ждём / потому что свищ у вас да / свищ нехорошо // угу // ну хорошо // *Ш болит постоянно // *Ш может быть / *П может // @ *Н @ там хронь / *П там хронь / и там мы его перedelывали же / мы же его не просто... # я помню что вы ещё тогда говорили / что он такой / *П @ сомнительный @ сложный / да / он сложный / я помню его / я помню.*

Здесь говорящий не может сразу подобрать подходящее слово, хезитирует, на что указывает не обусловленная синтагматически пауза в его речи (*П). Затем собеседники дружно произносят два разных варианта этого слова: @ *сомнительный* @ *сложный* (напомним, что знак @ в расшифровках ОРД означает наложение речи)³, – и говорящий выбирает из них то, которое счел наиболее подходящим: *сложный / да / он сложный*. Заметим, что свой выбор он еще и вербально утверждает: *да / он сложный*, – осуществляя тем самым некоторый **металингвистический комментарий** своей речи⁴.

¹ Несобственно-прямая речь (НСПР) – «это чужая речь, непосредственно включенная в авторское повествование, сливающаяся с ним и не отграничивающаяся от него; она не оформляется как придаточная часть (в отличие от косвенной речи) и не вводится специальными словами автора (в отличие от прямой речи); не имеет типизированной синтаксической формы» [Звуковой корпус... 2013: 47–48] (см. также: [Крючков, Максимов 1977: 173–175]): *Друзья побывали в театре. Очень уж понравился им этот спектакль!* Как показали исследования, проведенные на материале Звукового корпуса русского языка, такая речь может быть двух типов: НСПР-реплика и НСПР-диалог [Звуковой корпус... 2013: 48].

² О вербальных хезитативах см., напр.: [Богданова-Бегларян 2013].

³ Подобное построение одной синтаксической структуры сразу двумя говорящими довольно часто встречается в разговорной речи и получило в лингвистике название *backchannel* (об этом см., напр.: [Гренобль 2008]).

⁴ Ср. замечание У. Чейфа на этот счет: «Разрыв между мыслями и языком... наблюдается в речевых колебаниях, фальстартах и переформулировках, которыми изобилует обиходная речь. Что интересно, и интроспекция, и речевые сбои показывают, что люди постоянно сравнивают свои мысли с их словесным выражением и другими возможными вариантами этого выражения. Очевидно, люди осуществляют мысленный мониторинг вербальных вариантов, которые могут быть использованы для организации и выражения их мыслей, взвешивают разные возможности» [Чейф 2015: 64].

Однако в хезитативной функции слово *такой* способно выступать и в постпозиции по отношению к искомому слову, ср.:

(10) *вот такой тортик / *П там четыре пирожных // *Пузу // @ кусочек мяты ! @ вкусный / он (...) в пластмассовой / прозрачной (...) упаковке... **коробочке такой** ... # ой слушай / а у меня шампанское кончилось ! *П это () мы можем легко (...) поправить.*

В примере (10) *такой* стоит после довольно протяженной поисково-хезитационной конструкции (*он (...) в пластмассовой / прозрачной (...) упаковке... **коробочке такой** ...*), когда поиск уже фактически завершен (найденное слово подчеркнуто). Можно сказать, что в данном случае слово *такой* указывает на завершение поиска и выражает своеобразный рефлекс говорящего на произведенный поиск: снова перед нами полифункциональность исследуемой единицы – она выступает одновременно как **хезитатив** и как **рефлексив**¹.

Еще одной функцией, которую удалось выделить в ходе анализа материала, является **изобразительная** (12 употреблений; 10,34 %). В данной функции *такой* появляется в речи, когда говорящий чувствует необходимость в характеристике или оценке предмета, но не всегда может выразить ее самостоятельным словом, ср.:

(11) *Дыма / ну что ты так бодаешься ? *П вот ты мордаха **такая** / а ? *П вай вай / ой ой ой ! *П ой;*

(12) *и блин ! *П дверь открывается / заходит эта старушка // *П **такая** блин / по-моему уже и дальше некуда !*

Выше уже отмечались случаи сочетания в одном употреблении слова *такой* двух разных функций (указательная и анафорическая, а также хезитативная и рефлексивная). Подобных полифункциональных употреблений в материале исследования встретилось еще некоторое количество, как в препозиции, так и в постпозиции, ср.:

(13) *то есть вот // *П (э-э) раньше я вообще думала / что у них письменности нету // а у них еще **такие легенды** / там (...) в общем (э) боги у них такое творят // *С тоже;*

(14) *ну вообще страшно / там стоит один / *В Volkswagen / а другой BMW // прикинь ? между ними въе... а если в них въедешь ! там же вообще / мамочка ! да ? так это / *В я так тын-дын-тын-тын-тын / но въехала // он такой / он **такой** / ну(:) молодца ! ну поехали отсюда.*

В контексте (13) единица *такой* выполняет функции одновременно хезитативного и указательного маркеров. С одной стороны, *такой* здесь явно указывает на последующий текст, но при этом говорящий хезитирует, подбирая продолжение фразы (*там (...) в общем (э)*), на что также может указывать слово *такой*.

В примере (14) *такой* совмещает в себе функции хезитативного маркера и маркера-ксенопоказателя. Говорящий передает чужую речь, но в

¹ О рефлексивах в таком понимании см.: [Богданова-Бегларян 2015].

то же время припоминает эту чужую речь, на что и указывают повтор и небольшие паузы: *он такой / он такой*.

В материале исследования встретились также сочетания существительных со словом *такой*, которые, как представляется, имеют некоторую тенденцию к **идиоматизации**: *таким образом, такое впечатление, такое ощущение, (что-нибудь) в таком духе*. В академических словарях зафиксировано из них только сочетание *таким образом* – в частности, как вводное [МАС 4: 334]. Объем проанализированного материала не позволяет с уверенностью говорить о наличии такой тенденции и для остальных сочетаний, однако возможность существования данной гипотезы подтверждается, в частности, некоторыми подсчетами и соображениями. Продемонстрируем это на примере словосочетания *такое впечатление*.

Согласно **теореме умножения вероятностей**, вероятность одновременного наступления двух независимых событий равна произведению вероятностей этих событий (см., напр.: [Manning, Schütze 1999]). С помощью поиска по устному подкорпусу Национального корпуса русского языка были получены следующие данные:

- $f_1 = 0,001$ – вероятность (относительная частота встречаемости в корпусе) слова *такое* – 13 089 вхождений на 12 113 491 словоупотребление в этом подкорпусе;

- $f_2 = 0,00008$ – вероятность слова *впечатление* – 995 вхождений на то же количество словоупотреблений;

- $f_3 = 0,000018$ – вероятность сочетания *такое впечатление* – 213 вхождений.

Если слова в речи (*такое* и *впечатление*) встречаются независимо друг от друга (нет элемента идиоматизации), то $f_3 = f_1 \times f_2 = 0,00000008$. Но в нашем случае $f_3 = 0,000018$, что существенно выше, чем $0,00000008$, значит, эти слова встречаются вместе явно неслучайно.

Аналогичным образом можно убедиться в «неслучайности» (т. е. некоторой идиоматичности) и оставшихся словосочетаний: *такое ощущение* и *в таком духе* или *что-нибудь в таком духе*. Думается, что подобные данные позволяют с большей или меньшей долей уверенности говорить о наличии тенденции к идиоматизации рассматриваемых словосочетаний.

Выше было представлено общее распределение всех выделенных функций слова *такой* в материале исследования. Видно, в частности, что в наибольшем количестве своих употреблений *такой* реализует «словарные» функции, а именно функции указательного и усилительного маркеров (37,93 и 25,86 % соответственно). Вместе с тем среди «несловарных» функций (49 употреблений из всего массива материала) наибольшее количество употреблений приходится на функции маркера-ксенопоказателя (36,73 %) и хезитативного маркера (34,69 %) (см. табл. 1).

Таблица 1

**Соотношение «несловарных» функций
местоименного слова *такой* в материале исследования, %**

<i>Тип маркера</i>	<i>Кол-во употреблений</i>
Энантиосемии	4,08
Изобразительный	24,48
Хезитативный	34,69
Ксенопоказатель	36,73

Интересна также корреляция функционирования *такой* и положения данной единицы по отношению к определяемому существительному или местоимению (см. табл. 2).

Таблица 2

Соотношение функции слова *такой* и его позиции во фразе, %

<i>Тип маркера</i>	<i>Кол-во употреблений в препозиции</i>	<i>Кол-во употреблений в постпозиции</i>
Указательный	51,30	19,60
Усилительный	38,46	7,84
Энантиосемии	3,07	–
Хезитативный	9,23	21,56
Ксенопоказатель	–	35,29
Изобразительный	–	23,52

Из табл. 2 хорошо видно, что в препозиции слово *такой* чаще выступает в своих «словарных» значениях / функциях: указательного и усилительного маркеров (51,30 и 38,46 % соответственно). В качестве маркера энантиосемии функционирует только препозитивное употребление *такой*. В качестве хезитативного маркера *такой* выступает как в пре-, так и в постпозиции, с некоторым преобладанием последней (9,23 и 21,56 % соответственно). А в качестве маркера-ксенопоказателя и изобразительного маркера выступают только постпозитивные употребления слова *такой*.

В заключение можно предположить, что в номинативных сочетаниях в спонтанной речи позиция слова *такой* может указывать на прагматикализацию данной единицы в конкретном контексте. Единица *такой* в речи не утрачивает своей семантики. В большинстве случаев употреблений *такой* встречается в указательной и усилительной функциях, которые тесно связаны с теми значениями, которые дают местоимению или местоименному прилагательному *такой* толковые словари. Однако в устной речи *такой* всё же приобретает новые функции, при этом семантика данной единицы ослабляется, т. е. единица явно прагматикализуется.

Список литературы

- Арутюнова Н.Д.* Де, дескать, мол // Язык о языке / под общ. рук. и ред. Н.Д. Арутюновой. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 437–452.
- БАС* – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / под ред. В.И. Чернышева. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965. Т. 15: Т–тятя. 1963. 1286 с.
- Богданова-Бегларян Н.В.* Рефлексив в системе дискурсивных единиц русской устной речи // Мир русского слова. 2015. № 3. С. 11–17.
- Богданова-Бегларян Н.В.* Кто ищет – всегда ли найдет? (о поисковой функции вербальных хезитативов русской спонтанной речи) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (2013) (Бекасово, 29 мая – 2 июня 2013 г.). Вып. 12 (19): в 2 т. / гл. ред. В.П. Селегей. М.: РГГУ, 2013. Т. 1: Основная программа конференции. С. 125–136.
- Богданова-Бегларян Н.В., Шерстинова Т.Ю., Блинова О.В., Мартыненко Г.Я.* Корпус «Один речевой день» в исследованиях социолингвистической вариативности русской разговорной речи // Анализ разговорной русской речи (АР³-2017): труды седьмого междисциплинарного семинара / науч. ред. Д.А. Кочаров, П.А. Скредин. СПб.: Политехника-принт, 2017. С. 14–20.
- Богданова-Бегларян Н.В., Асиновский А.С., Блинова О.В., Маркасова Е.В., Рыко А.И., Шерстинова Т.Ю.* Звуковой корпус русского языка: новая методология анализа устной речи // Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. Вып. 2 / ред. Д. Шумска, К. Озга. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2015. С. 357–372.
- БТС* – Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
- Гренобль Л.А.* Синтаксис и совместное построение в устном русском диалоге // Вопросы языкознания. 2008. № 1. С. 25–36.
- Звуковой корпус как материал для анализа русской речи: коллективная монография: в 2 ч. / отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2013–2015. Ч. 1: Чтение. Пересказ. Описание. 2013. 532 с.
- Крючков С.Е., Максимов Л.Ю.* Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения. М.: Просвещение, 1977. 188 с.
- МАС* – Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык: Полиграфресурсы, 1999. Т. 1: А–Й. 698 с.; Т. 4: С–Я. 794 с.
- Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах: коллективная монография / отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: ЛАЙКА, 2016. 244 с.
- Синько Л.А.* Местоимение в синтаксической системе: основные функции // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 11 (71). С. 80–88.
- Химик В.В.* Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004. 762 с.
- Чейф У.* На пути к лингвистике, основанной на мышлении // Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика / сост. А.А. Кибрик, А.А. Кошелев. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 60–88.

Manning Ch., Schütze H. Foundations of Statistical Natural Language Processing. Cambridge, MA; London: MIT Press, 1999. xxxvii, 680 p.

References

- Arutyunova, N.D. (2000), De, deskat', mol [Particles indicating reported speech: de, deskat', mol]. Arutyunova, N.D. (Ed.) *Yazyk o yazyke [Language about the Language]*, Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., pp. 437-452. (in Russian)
- Bogdanova-Beglaryan, N.V. (Ed.) (2016), *Russkii yazyk povsednevnogo obshcheniya: osobennosti funktsionirovaniya v raznykh sotsial'nykh gruppakh [Everyday Russian Language: Features of Functioning in Different Social Groups]*, Collective Monograph, St. Petersburg, LAIKA Publ., 244 p. (in Russian)
- Bogdanova-Beglaryan, N.V. (2015), Reflexive Items in Russian Speech Discursive Units System. *The World of Russian Word*, Iss. 3, pp. 11-17. (in Russian)
- Bogdanova-Beglaryan, N.V. (2013a), Kto ishchet – vseгда li naidyot? (o poiskovoi funktsii verbal'nykh khezitativov russkoi spontannoi rechi) [Those Who Seek, will They Find? (Search Function of Verbal Hesitations in Russian Spontaneous Speech)]. Selegei, V.P. (Ed.) *Computational Linguistics and Intellectual Technologies*, Papers from the Annual International Conference “Dialogue” (Bekasovo, May 29 - June 2, 2013), Iss. 12, in 2 volumes, Moscow, RGGU Publ., Vol. 1. Main conference program, pp. 125-136. (in Russian)
- Bogdanova-Beglaryan, N.V. (Ed.) (2013b), *Zvukovoi korpus kak material dlya analiza russkoi rechi [Speech Corpus as a Base for Analysis of Russian Speech]*, Collective Monograph, in 2 parts, Pt. 1. Reading. Retelling. Description, St. Petersburg, SPbGU Faculty of Philology Publ., 532 p. (in Russian)
- Bogdanova-Beglaryan, N.V., Sherstinova, T.Yu., Blinova, O.V., Martynenko, G.Ya. (2017), Korpus “Odin rechevoi den” v issledovaniyakh sotsiolingvisticheskoi variativnosti russkoi razgovornoj rechi [Corpus “One Speaker’s Day” in Studies of Sociolinguistic Variability of Russian Colloquial Speech]. Kocharov, D.A., Skrelin, P.A. (Eds.) *Analiz razgovornoj rechi (AR³-2017) [Analysis of Spoken Russian Speech (AR³-2017)]*, Proceedings of the 7th Interdisciplinary Seminar, St. Petersburg, Politekhniko-print Publ., pp. 14-20. (in Russian)
- Bogdanova-Beglaryan, N.V., Asinovskii, A.S., Blinova, O.V., Markasova, E.V., Ryko, A.I., Sherstinova, T.Yu. (2015), Zvukovoi korpus russkogo yazyka: novaya metodologiya analiza ustnoi rechi [Speech Corpus of Russian Language: a New Methodology for Analyzing of Oral Speech]. Shumska, D., Ozga, K. (Eds.) *Yazyk i metod: Russkii yazyk v lingvisticheskikh issledovaniyakh 21 veka [Language and Method: The Russian Language in the Linguistic Studies of the 21st Century]*, Iss. 2, Krakow, Jagiellonian University Publ., pp. 357-372. (in Russian)
- Chafe, W. (2015), Toward a thought-based linguistics. Kibrik, A.A., Koshelev, A.D. (Comps.) *Language and thought: Contemporary cognitive linguistics*, Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., pp. 60-88. (in Russian)
- Chernyshev, V.I. (Ed.), (1963), *The Dictionary of the Modern Russian Literary Language*, Vol. 15, Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1286 p. (in Russian)
- Evgen'eva, A.P. (1999), *Dictionary of the Russian language*, in 4 volumes, Moscow, Russkii yazyk Publ., Poligrafresursy Publ., Vol. 1, 698 p.; Vol. 4, 794 p. (in Russian)

- Grenoble, L.A. (2008), *Sintaksis i sovmestnoe postroenie v ustnom russkom dialoge* [Syntax and (Co)-construction in the Oral Russian Dialogue]. *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the study of language], No. 1, pp. 25-36. (in Russian)
- Khimik, V.V. (2004), *Large Dictionary of the Russian Colloquial Expressive Speech*, St. Petersburg, Norint Publ., 762 p. (in Russian)
- Kryuchkov, S.E., Maksimov, L.Yu. (1977), *Sovremennyi russkii yazyk. Sintaksis slozhnogo predlozheniya* [Modern Russian Language. Syntax of a Complex Sentence], Moscow, Prosveshchenie Publ., 188 p. (in Russian)
- Kuznetsov, S.A. (Ed.) (2000), *The Great Explanatory Dictionary of the Russian Language*, St. Petersburg, Norint Publ., 1536 p. (in Russian)
- Manning, Ch., Schütze, H. (1999), *Foundations of Statistical Natural Language Processing*, Cambridge, MA, London, MIT Press, xxxvii, 680 p.
- Sin'ko, L.A. (2008), *Mestoimenie v sintaksicheskoi sisteme: osnovnye funktsii* [Pronoun in the Syntactic System: Basic Functions]. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Sciences*, Iss. 11, pp. 80-88. (in Russian)

**A PRONOMINAL WORD *TAKOI* (SUCH)
IN THE NOMINATIVE COLLOCATIONS:
AN ATTEMPT OF FUNCTIONAL CLASSIFICATION**

E.Ya. Shklyaruk

St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

Abstract: The features of the functioning of the word *takoi* in the nominative collocations in Russian colloquial speech are identified and described on the material which was taken from the corpus of everyday Russian speech “One Speech Day”. The specific analysis was subjected to 21 speech episodes randomly selected. On this material it was possible to identify 116 collocations of the word with nouns and pronouns: 65 contexts with *takoi* in the preposition (*takoi dom*) and 51 in the postposition (*my takie, umnik takoi*) and as the study showed, this parameter correlates well enough with the function of a word *takoi* in oral discourse. There were seen some functions, which are not described in academic publications (dictionaries and grammars). When academic publications describe this unit, basing on its morphological characteristics of an pronominal word and allow us to identify only the index, anaphoric and amplifying functions, at this stage of the study it is possible for us to identify the following functions: an index marker; an amplifying marker; a marker of enantiosemy; a hesitative marker; a descriptive marker; a xenomarker so the first two functions can be called quite “dictionary”, the rest are distinguished exclusively on corpus material and require special research attention and a detailed lexicographic description.

Key words: oral speech, speech corpus, index marker, amplifying marker, descriptive marker, marker of enantiosemy, xenomarker, hesitative marker.

For citation:

Shklyaruk, E.Ya. (2018), A pronominal word *takoi* (*such*) in the nominative collocations: an attempt of functional classification. *Communication Studies*, No. 2 (16), pp. 101-112. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.2.101-112. (in Russian)

About the author:**Shklyaruk Ekaterina Yaroslavovna**, student***Corresponding author:***

Postal address: 11, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

E-mail: katrinash21051997@gmail.com***Received:*** October 7, 2017

Раздел III

**КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ
СОВРЕМЕННЫХ MASS MEDIA**

Part III

**COMMUNICATIVE PRACTICES
OF THE MODERN MASS MEDIA**

РЕЧЕВЫЕ СТРАТЕГИИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ И УДЕРЖАНИЯ ВНИМАНИЯ АДРЕСАТА В РАЗВЛЕКАТЕЛЬНОМ РАДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

В.А. Егошкина

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия)

Аннотация: Обозначаются изменения в современном радиовещании, такие как отход от канонов и традиций, развитие игрового начала, установка на развлечение, переход от чистого информирования к инфотейнменту, и факторы, такие как совершенствование технических возможностей радиостанций, их очевидная коммерциализация, стремление найти новые формы взаимодействия со слушателем и разнообразить контент радиопередачи в частности и радиостанции в целом, влияющие на программу вещания каждой радиостанции, ее позиционирование, речевое оформление, коммуникацию со слушателями. На основании анализа расшифрованных текстов радиопрограмм «Бригада У» («Европа+»), «Вейкаперы» (RECORD), «Подъемники» («Наше радио»), «Сергей Стиллавин и его друзья» («Маяк»), «Йетишоу» («Радио Сибирь», г. Омск) делается вывод, что одними из доминирующих речевых стратегий в развлекательном радиодискурсе являются стратегии привлечения и удержания внимания адресата. Приводится обоснование выделения развлекательного радиодискурса в структуре медиадискурса. Анализируются речевые стратегии привлечения и удержания внимания адресата, характеризуются репрезентирующие их речевые тактики, такие как адресация, анонсирование, установление контакта, имитация дружеского общения, контроль над темой и эмоционально настраивающая тактика.

Ключевые слова: дискурс, радиодискурс, развлекательный радиодискурс, речевая стратегия, речевая тактика.

Для цитирования:

Егошкина В.А. Речевые стратегии привлечения и удержания внимания адресата в развлекательном радиийном дискурсе // Коммуникативные исследования. 2018. № 2 (16). С. 115–126. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.2.115-126.

Сведения об авторе:

Егошкина Виолетта Александровна, аспирант, преподаватель кафедры журналистики и медиалингвистики

Контактная информация:

Почтовый адрес: 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а

E-mail: v.egoshkina@yandex.ru

Дата поступления статьи: 18.12.2017

Введение

В современной лингвистике и смежных с ней отраслях науки весьма актуальным является дискурсивный подход к исследованию текста. Термин «дискурс» был введен в научный обиход еще во второй половине XX в., но, несмотря на высокий интерес исследователей к данному понятию и достаточно широкое его употребление, на протяжении многих лет лингвистическое сообщество так и не дало однозначного, общепринятого определения указанному термину. Ученые отмечают, что дискурс стал «размытой категорией» [ван Дейк 1989: 46].

Широкий спектр существующих трактовок термина «дискурс» объясняется как методологическими расхождениями, так и различиями в постановке задач конкретных исследований. Тем не менее разные подходы к изучению дискурса не исключают друг друга. Очевидно, что каждое направление лингвистической науки актуализирует для себя определенную сторону такого многогранного явления, как дискурс.

В связи с этим «вопрос о выделении типов дискурсов, о классификационных основаниях такого выделения и о существовании конкретных типов дискурса вообще в современной лингвистической науке остается открытым и дискуссионным» [Мальшева 2011: 15]. Так, востребованным и общепринятым оказалось выделение личностно-ориентированного и статусно-ориентированного типов дискурса, которое обосновано характером отношений между участниками коммуникации [Карасик 2004: 239].

Наиболее распространенным критерием для выделения типов институционального дискурса является тематическая общность текстов, входящих в поле данного дискурса. Однако существуют и другие основания для типологии дискурсов и дискурсивных пространств: цель, участники, сфера реализации и т. д.

В связи с этим уместно говорить о существовании такого типа дискурса, как медиадискурс. Он может быть рассмотрен «как любой вид дискурса, реализуемый в поле массовой коммуникации, продуцируемый СМИ. Так, можно говорить о политическом, религиозном, педагогическом и прочих медиадискурсах, подразумевая, что для своей реализации указанные типы институционального дискурса предполагают наличие относительно устойчивого набора практик производства, трансляции и интерпретации массовой информации» [Кожемякин 2010: 16].

Как отмечает Н.Г. Нестерова, «медиадискурс характеризуется выраженной институциональностью: он является результатом деятельности соответствующих социальных институтов, распространяющих посредством медиаканалов создаваемую ими информацию массовому, рассредоточенному в пространстве адресату» [Нестерова 2015: 16].

В сложную структуру медиадискурса могут входить его частные разновидности, например телевизионный, печатный и исследуемый нами радиийный дискурсы. Радиодискурс понимается как «сложное, неоднородное образование, являющееся результатом взаимодействия речевых структур разных жанров, со свойственной им социальной обусловленностью, стратегической целью радиостанции, индивидуальными предпочтениями ведущих радиоэфира» [Нестерова 2009: 39].

Конкретизировать данный тип дискурса можно по следующим основаниям: базовая цель, коммуникативные характеристики адресанта и адресата, общая интенция коммуникации, генеральная коммуникативная стратегия. Именно базовая цель коммуникации в радиийном дискурсе позволяет нам выделять разные виды радиодискурсов: новостной, информационный, просветительский, – которые, в свою очередь, могут разделяться на более конкретные разновидности в зависимости, например, от тематической характеристики. Так, выделяют «просветительский радиодискурс о русском языке» [Арсеньева 2013]. В соответствии с указанными параметрами полагаем уместным говорить о существовании развлекательного радиийного дискурса.

Развлекательный радиийный дискурс можно трактовать как разновидность радиодискурса, отличающуюся четкой, ярко выраженной установкой на развлечение, которая влияет на формат радиостанции, радиопрограммы, набор медиажанров, речевых жанров, выбор речевых стратегий и тактик, круг тем, цель участников коммуникации, характер речевого поведения субъектов коммуникации.

Н.Г. Нестерова, исследуя феномен радиийных дискурсивных практик, неоднократно подчеркивает, что «генеральной целью массовой коммуникации является воздействие на массовую аудиторию: на интеллектуальное и физическое поведение реципиента, на его ментальную сферу и коммуникативное поведение. Выявление стратегий взаимодействия с аудиторией ставит в число центральных задач уточнение целей и форм воздействия, т. е. коммуникативных тактик, обеспечивающих порождение текста определенной интенциональности – с отбором языковых средств, способствующих эффективности воздействия». И поскольку «в основе стратегий разговорного радиодискурса лежат коммуникативные интенции авторов, нацеленные на привлечение слушательской аудитории к радиостанции или программе», то очевидно: коммуникативные стратегии отражают целенаправленную коммуникативную деятельность от адресанта к адресату, «осуществление коммуникативных стратегий и тактик

в радиодискурсе формирует дискурсивные практики, свойственные данному типу медиадискурса» [Нестерова 2015: 54].

Характеристика реализации речевых стратегий привлечения и удержания внимания адресата в развлекательном радиодискурсе

Под речевой стратегией в данной работе мы понимаем «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели, а под речевой тактикой – одно или несколько речевых действий, которые способствуют реализации стратегии» [Иссерс 1999: 54].

В целом мы согласны с утверждением О.С. Иссерс, что «конечная цель любой коммуникативной стратегии – коррекция модели мира адресата». С помощью различных средств участники общения «вводят в разговор свои собственные интерпретации (проблем, тем, событий, образов и т. д.), желая сделать их общими и тем самым добиться реализации своего замысла» [Иссерс 1999: 109]. Однако заметим, что в развлекательном радиодискурсе коммуникативные стратегии направлены, скорее, на корректировку сиюминутного настроения адресата, его отношения к происходящему «здесь» и «сейчас», его восприятия окружающей действительности, нежели на глобальную «коррекцию картины мира».

В зависимости от изменения хода коммуникации участник общения может применять различные речевые тактики, оставаясь при этом в рамках изначально выбранной речевой стратегии. Речевые тактики подвижны, что позволяет всем участникам беседы быстро ориентироваться в ситуации и выбирать наиболее подходящую и эффективную для данного периода общения речевую тактику.

Анализ текстов расшифрованных радиопрограмм позволяет сделать вывод, что основными речевыми стратегиями в развлекательном радиодискурсе являются стратегии формирования целевой аудитории, побуждения к действию, привлечения и удержания внимания адресата.

Данные стратегии способствуют установлению контакта между адресантом и адресатом, активному взаимодействию слушателя с ведущим, формированию имиджа радиопрограммы в частности и радиостанции в целом.

Важно отметить, что набор указанных речевых стратегий не является конечным и исчерпывающим. По мнению Н.Г. Нестеровой, «выделение коммуникативных стратегий и тактик носит в определенной степени условный характер. <...> Мы исходим из того, что в таком широком и разнородном дискурсивном пространстве, каким является радиодискурс, постановка задачи абсолютно полного описания коммуникативных стратегий и тактик невозможна» [Нестерова 2015: 57].

Значимым является и тот факт, что конкретная коммуникативная стратегия по-разному будет реализовываться в различных ситуациях общения. Так, в рамках неформальной коммуникации и в ситуации офици-

ального диалога одна и та же стратегия может иметь разное значение, функции и средства реализации. От правильно выбранной речевой стратегии и приемов ее реализации зависит успешность или, наоборот, неуспешность коммуникации.

Нами выделено шесть основных речевых тактик, реализующих стратегии привлечения и удержания внимания адресата.

Тактика адресации способствует привлечению внимания слушателя, расположению его к себе и, соответственно, побуждению к действию.

Современная ситуация устного публичного общения, к которому относится радиопередача, отмечается смещением акцента с называния лица на привлечение внимания, что делает актуальным изучение специфики реализации стратегии адресации в этой сфере коммуникации.

Специфика обращений, звучащих в радиоэфире, связана с массовым адресатом. Традиционным и универсальным обращением на радио с момента его появления как средства массовой коммуникации являются формулы «уважаемые радиослушатели» и «дорогие радиослушатели», которые остаются основным способом установления контакта радиоведущих с аудиторией и сегодня. Однако «в новых социокультурных условиях, отразившихся существенным образом на устной публичной коммуникации и на устных средствах массовой коммуникации, прежде всего, арсенал обращений на радио существенно расширился, и структура их претерпела заметные изменения» [Нестерова, Артамонова 2013: 50]. Это связано с установкой современных СМИ на коммуникацию и усилением позиций развлекательного радиовещания. В условиях коммерциализации радио и, как следствие, борьбы за аудиторию основные функции обращения в речи на радио смещаются с называния собеседника на привлечение внимания широкой слушательской аудитории.

Например, частотны такие обращения, как «друзья», «слушатели», «все, кто настроился на нашу волну», «подписчики страницы», «товарищи из friendзоны», «ребята», «люди», «страна», «френды». Подчеркнем, что обращения «друзья», «товарищи» и прочие свидетельствуют о доброжелательном отношении к адресатам. Остальные же номинации подчеркивают охват целевой аудитории, а также канал трансляции программ.

Очень часто при реализации речевой тактики адресации ведущие обращаются к дозвонившимся слушателям по имени, причем используют его уменьшительно-ласкательные, разговорные варианты:

А вот в студию дозвонилась Натали. Натали, привет! На-та-ли (нараспев)! Кстати, почему Натали? Не Наташечка, не Натусик, не Натка, на худой конец, а вот прям Натали? (Подъемники. 5.04.2017);

Звонок у нас есть в студию. Сергей хочет нам что-то сказать. Здравствуй, Серёженька, друг мой, слушаем тебя (Сергей Стиллавин и его друзья. 16.05.2017).

Речевая тактика **анонсирования** служит преимущественно для удержания внимания адресата. Объектом анонса могут стать музыкальные композиции, розыгрыши призов, проведение опросов, астрологический и метеопрогнозы, реклама, новостной выпуск, приглашенный гость, отдельная рубрика и проч. Чаще всего анонс посвящен событиям ближайшего будущего и репрезентируется в речи ведущих путем использования наречий «скоро», «сейчас», «после», «уже», «потом», а также словосочетаний и их вариаций «через пару минут», «в ближайший час», «после музыкальной паузы», «после рекламы» и т. д.

Через три минуты прогноз погоды, а потом мы расскажем вам все тайны – впереди любовный гороскоп (Вейкаперы. 30.06.2017);

Оставайтесь с нами, через пару треков начнем игру «Пит-стоп». Наш корреспондент Серёга уже припарковал свой автомобиль в условном месте, так что не упустите свой шанс выиграть полный бак бензина! (Йети-шоу. 16.09.2015).

Кроме того, ведущие могут анонсировать различные мероприятия, которые организованы данной радиостанцией:

Уже в эти выходные «Супердискотека 90-х» пройдет в Москве! Лучшие хиты 90-х, любимые артисты, танцы, приколы, призы и сюрпризы – всё это ждёт тебя! Кстати, продано уже более 90 % билетов! Торопись, надевай свои лосины и варёнки и бегом за билетами! (Вейкаперы. 5.12.2017).

Эмоционально настраивающая тактика используется ведущими для создания у слушателя хорошего настроения, передачи позитивного настроения и формирования дружеской атмосферы общения. Ведущий стремится расположить к себе своего собеседника, выразить свою заинтересованность, проявить сочувствие, ободрить и т. д. Зачастую он делает это формально, поскольку того требует формат радиопрограммы и этикет. Обычно сопереживание ведущего ограничивается одной-двумя фразами в виде совета, например «Не грусти», «Не расстраивайся», и ободрением – «Всё будет хорошо». Ведущий никогда не будет углубляться в какую-либо ситуацию собеседника, даже если своим высказыванием он косвенно отвечает на затронутый вопрос или поднятую проблему.

– Привет!

– Привет.

– Как зовут тебя?

– Аня.

– Аня, что грустная такая? Посмотри вокруг: весна, солнышко, что там еще? А! Птички поют!

– В том-то и дело! Такая погода, а я на работе сижу.

– Да ну, расслабься. Скоро майские праздники, вообще полмесяца отдыхать будем! Короче, давай передавай свои приветы, забирай призы и лови от жизни кайф! (Йети-шоу. 26.04.2017).

Ведущий задает набор стандартных вопросов собеседнику, формально подбадривает его, не углубляясь в суть проблемы, и завершает коммуникацию довольно типичным для радиокоммуникации способом.

Речевая тактика **установления контакта** может реализовываться напрямую, во время непосредственного общения с дозвонившимся слушателем, или косвенно – при обращении к абстрактному адресату, потенциальному слушателю радиoproграммы или ее подписчику в социальных сетях. Данная тактика репрезентируется в речи ведущих чаще всего при помощи прямого обращения к адресату по имени и путем задавания различных вопросов, связанных с темой викторины или опроса, времяпрепровождением адресата, его увлечениями, профессией, настроением, местом проживания и проч.

– *Привет! Как зовут тебя?*

– *Привет, ребята! Меня зовут Андрей.*

– *Чем занимаешься? Как дела твои?*

– *На работе вот сейчас. Дела нормально.*

– *Нормально? Почему нормально? Должно быть отлично!*

– *Теперь точно отлично! Я же вам дозвонился!* (Бригада У. 16.10.2013).

В данном отрезке коммуникации ведущие приветствуют собеседника, спрашивают его имя и задают различные вопросы не для того, чтобы получить какую-то важную информацию об адресате, а для того, чтобы установить первичный контакт, расположить слушателя к себе. Кроме того, ведущие пытаются настроить адресата на позитивный лад, что в целом им успешно удается.

Наши дорогие подписчики, слушатели, все, кто следит за нами через Интернет или в мобильном приложении, всем доброе утро! Как настроение? Как дела? Как прошли выходные? Пишите нам, до конца этого часа всё прочтём в эфире! (Вейкаперы. 10.04.2017).

В данном примере ведущие обращаются не к конкретному адресату, а к совокупности слушателей и подписчиков, тем самым еще раз указывая каналы трансляции программы. Ведущие задают этикетные вопросы, которые обычно служат для начала беседы, призывают слушателей присылать сообщения, чтобы начатая ими коммуникация состоялась и имела развитие.

С тактикой установления контакта тесно связана речевая тактика **имитации дружеского общения**, которая обусловлена «ставкой на открытость и доверительность, готовность к диалогу, эмоциональную близость» [Нестерова 2015: 71]. Дружеское общение в радиокоммуникации носит условный характер. Несмотря на то, что ведущий максимально открыт для общения, всё же он не ставит себе цели действительно наладить дружеские, тесные взаимоотношения со слушателем. Прямое общение с адресатом ограничено временными рамками и длится не более несколь-

ких минут, за которые возможно узнать только минимальную информацию о собеседнике.

Данная тактика реализуется в речи радиоведущих посредством использования:

- лексемы «друзья» и ее форм в обращении к аудитории:

Друзья, доброе утро! С вами Красин и Рыжая. В Петербурге как всегда идёт дождь, зато у нас в студии всё солнечно и мегапозитивно! (Вейкаперы. 6.06.2017);

Ванечка, дружок мой дорогой, здравствуй, здравствуй! (Сергей Стилавин и его друзья. 3.07.2017);

- личного местоимения «ты» и форм глагола 2-го лица единственного числа:

– *Женя, привет! Это Джем, Илья и Вики из «Бригады У». Мы тебя там не отвлекаем?*

– *Да, нет. Всё нормально.*

– *Что делаешь? Я так понял, наш звонок был для Жени неожиданным.*

– *Ну, я, правда, не думал, что вы позвоните. Я в шоке просто сейчас* (Бригада У. 26.03.2014);

- притяжательного местоимения «наш» и его форм:

Наши слушатели самые классные! Помнишь, как они нас встречали в Санкт-Петербурге? (Подъемники. 28.11.2017);

- уменьшительно-ласкательных и кратких форм имен собственных:

Анечка сегодня будет пытаться взломать сейф. Удачи ей! (Бригада У. 17.02.2017);

- оценочных прилагательных в положительных и превосходных степенях:

Впереди гороскоп, разгон пробок и много чего интересного. Всё для вас, наши любимые слушатели! (Бригада У. 21.10.2015);

Такой игры давно не было! Лучший результат, я скажу, за всю неделю (Йети-шоу. 7.08.2015).

Кроме того, для репрезентации тактики имитации дружеского общения ведущие нередко используют речевые жанры похвалы и комплимента, с помощью которых дают позитивную оценку действиям адресата:

Слушай, ты такая умничка! Так легко со всеми вопросами справились! Ребята, ну, согласитесь, не часто встретишь такую девушку, которая – раз и, почти не задумываясь, ответит на вопросы, которые ты считал сложными, даже заковырыстыми. Прости, конечно, а ты замужем? Я сейчас из личных целей уже интересуюсь (Подъемники. 12.06.2017).

Коммуникация в программах развлекательного радиодискурса протекает достаточно свободно и непринужденно. Однако в определенных ситуациях общения ведущие берут на себя функцию модератора дискуссии и следят за ходом коммуникации, тем самым реализуя тактику **контроля над темой**.

Вот они, Платон, Егор и Галя, пишут: «Мы готовы! Уже греем асфальт!» Вот они, гонцики настоящие, такие прям из “Need For Speed”. Вы, кстати, играли в “NFS”? Я, помню, часами от компа не отходил. Вжжу-вжжу. О, было время! Ладно, давайте им звонить (Йети-шоу. 26.05.2016).

В данном высказывании очевиден переход от одной темы к другой и возвращение к ней. Примечательно, что ведущий возвращается к затронутой ранее теме самостоятельно, без помощи коллег, используя наречие «ладно» в значении «хватит, достаточно, нужно прекратить» и речевого жанра предложения.

Нередко можно наблюдать и обратную ситуацию: ведущий не прерывает своего собеседника, дает ему возможность полностью высказаться, даже если он кардинально отходит от первоначального вопроса:

– Расскажи мне, какой музыкой ты увлекаешься?

– Разной, под настроение.

– Но чаще всего что слушаешь?

– Больше клубную музыку люблю. Как-то бодрее с ней, что ли. Вчера вот видел новый клип Фила, клевый прям такой. Жаль, что ди-джеи реже снимают клипы, чем, скажем, попсовики. А то надоели эти однообразные картинки. Ой, а о чём ты спрашивал?

– Да неважно уже, я и так про тебя всё понял (Вейкаперы. 5.07.2017).

Очевидно, что в речи ведущего тактика контроля над темой не актуализируется. Он не прерывает своего собеседника, когда тот отклоняется от темы и не следит за развитием хода коммуникации. Ему важен сам процесс ведения диалога, вне зависимости от того, в какое русло он может перетечь.

Отметим, что подобное явление встречается довольно часто, поскольку ведущие увлекаются беседой, забывая о первоначальной цели коммуникации. В развлекательном радиодискурсе подобное речевое поведение уместно, так как базовый жанр – фатическая радиобеседа – дает определенную свободу участникам коммуникации, позволяя затрагивать любые вопросы и в ходе общения отклоняться от исходной темы.

Выводы

«Речевая коммуникация – это стратегический процесс, средством реализации которого является намеренный отбор языковых и внеязыковых средств, используемых автором для оказания воздействия на адресата» [Коммуникативные стратегии и тактики в медиадискурсе 2011: 6]. Не вызывает сомнения наличие целенаправленности в радиокоммуникации, даже в условиях нейтрального общения, без видимых языковых маркеров воздействия. Любой коммуникативный акт подчинен целевой установке автора сообщения и направлен на формирование соответствующей реакции оппонента.

Речевые стратегии привлечения и удержания внимания адресата взаимосвязаны и взаимообусловлены. Первостепенная задача ведущих – привлечь внимание слушателя любым доступным ему способом: интересным вопросом, розыгрышем призов, актуальностью затронутой темы, музыкальным наполнением и т. д. Однако не менее сложная задача – удерживать внимание слушателя на протяжении всей программы, постоянно вызывая у него интерес и создавая условия, не позволяющие ему переключиться на другую FM-волну.

Речевая стратегия не существует сама по себе, а реализуется за счет использования средств более низкого порядка – речевых тактик, которые связаны между собой как род и вид. В рамках речевых стратегий привлечения и удержания внимания адресата можно выделить тактики адресации, анонсирования, установления контакта, имитации дружеского общения, контроля над темой и эмоционально настраивающую тактику. Данные тактики репрезентируются на разных языковых уровнях в речи радиоведущих, джинглах, слоганах, названиях радиопрограмм и т. д.

В зависимости от изменения хода коммуникации участник общения может применять различные речевые тактики, оставаясь при этом в рамках изначально выбранной речевой стратегии. Речевые тактики подвижны, что позволяет всем участникам беседы быстро ориентироваться в ситуации и выбирать наиболее подходящую и эффективную для данного периода общения речевую тактику.

Успешная реализация выделенных стратегий и тактик важна как для нормального проведения передачи в частности, так и для формирования высокого рейтинга радиопрограммы в целом.

Список литературы

- Арсеньева Т.Е.* Коммуникативные стратегии и тактики просветительского радиодискурса (на материале программы «Говорим по-русски»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2013. 24 с.
- ван Дейк Т.А.* Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 310 с.
- Иссерс О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: монография. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 1999. 285 с.
- Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
- Кожемакин Е.А.* Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2010. № 12 (83). Вып. 6. С. 13–21.
- Коммуникативные стратегии и тактики в медиадискурсе / отв. ред. Н.Г. Нестерова. Томск: Том. гос. ун-т, 2011. 176 с.
- Мальшиева Е.Г.* Русский спортивный дискурс: лингвокогнитивное исследование. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2011. 324 с.
- Нестерова Н.Г.* Современный радиодискурс (коммуникативно-прагматический аспект). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015. 320 с. DOI: 10.17223/978-5-7511-2403-8.

Нестерова Н.Г. Коммуникативно-прагматическая специфика спонтанного радиодискурса // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 318. С. 37–40.

Нестерова Н.Г., Артамонова Л.В. Речевой этикет в современном радиодискурсе // Язык и культура. 2013. № 1 (21). С. 42–53.

References

- Arsen'eva, T.E. (2013), *Kommunikativnye strategii i taktiki prosvetitel'skogo radiodiskursa (na materiale programmy "Govorim po-russki")* [Communicative strategies and tactics in the educational discourse (on the materials of program "Speak Russian")], Author's abstract, Tomsk, 24 p. (in Russian)
- Issers, O.S. (1999), *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi* [Communicative strategies and tactics in Russian speech], Monograph, Omsk, Omsk State University Publ., 285 p. (in Russian)
- Karasik, V.I. (2004), *Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [The language circle: personality, concepts, discourse], Moscow, Gnozis Publ., 390 p. (in Russian)
- Kozhemyakin, E.A. (2010), Mass communication and media discourse: towards methodology. *Belgorod State University Scientific bulletin. Humanities*, No. 12 (83), Iss. 6, pp. 13-21. (in Russian)
- Malysheva, E.G. (2011), *Russkii sportivnyi diskurs: lingvokognitivnoe issledovanie* [Russian sports discourse: linguistic and cognitive research], Omsk, Omsk State University Publ., 324 p. (in Russian)
- Nesterova, N.G. (2015), *Sovremennyi radiodiskurs (kommunikativno-pragmaticheskii aspekt)* [Modern radio discourse (communicative and pragmatic aspect)], Tomsk, Tomsk University Publ., 320 p. DOI: 10.17223/978-5-7511-2403-8. (in Russian)
- Nesterova, N.G. (Ed.) (2011), *Kommunikativnye strategii i taktiki v mediadiskurse* [Communicative strategies and tactics in the media discourse], Tomsk, Tomsk State University Publ., 176 p. (in Russian)
- Nesterova, N.G. (2009), Communicative and Pragmatic Peculiarities of Spontaneous Radiodiscourse. *Tomsk State University Journal*, no. 318, pp. 37-40. (in Russian)
- Nesterova, N.G., Artamonova, L.V. (2013), Speech etiquette in modern radio discourse. *Language and Culture*, No. 1 (21), pp. 42-53. (in Russian)
- van Dijk, T.A. (1989), *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication], Moscow, Progress Publ., 310 p. (in Russian)

SPEECH STRATEGIES OF ATTRACTING AND RETAINING ATTENTION OF ADDRESSEE IN THE ENTERTAINMENT RADIO DISCOURSE

V.A. Egoshkina

Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

Abstract: Different changes are noted in modern broadcasting such as the departure from the canons and traditions, development of the game beginning, setting on entertainment and transition from pure information to infotainment. In addition, such

factors as improvement of technical capacity of radio stations, their apparent commercialization, the desire to find new forms of interaction with the audience and diversify the content of radio programmes and the radio in general, affect the broadcasting of each radio station, its positioning, speech, and communication with listeners. Analyzing the decrypted radio texts “Brigade U”, (“Europe+”), “Wakeupers” (“RECORD”), “Lifts” (“Nashe Radio”), “Sergei Stillavin and his friends” (“Mayak”), “Yeti-show” (“Radio Sibir”, Omsk) author comes to the conclusion that one of the dominant speech strategies in the entertainment radio discourse is speech strategy of attracting and retaining attention of addressee. The article provides the rationale for the selection of entertainment radio discourse in the structure of the media discourse. Speech strategies of attracting and retaining attention of addressee are analyzed. Such speech tactics as addressing, announcement, contact, imitation of companionship, control over the topic and emotionally tuning tactics are characterized.

Key words: discourse, radio discourse, entertainment radio discourse, speech strategy, speech tactics.

For citation:

Egoshkina, V.A. (2018), Speech strategies of attracting and retaining attention of addressee in the entertainment radio discourse. *Communication Studies*, No. 2 (16), pp. 115-126. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.2.115-126. (in Russian)

About the author:

Egoshkina Violetta Alexandrovna, postgraduate student, lecturer of the Department of the Journalism and Media Linguistics

Corresponding author:

Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia

E-mail: v.egoshkina@yandex.ru

Received: December 18, 2017

УДК 008.316.33+002

DOI 10.25513/2413-6182.2018.2.127-137

МЕДИЙНЫЕ ИТОГИ ГОДА КАК РЕПРЕЗЕНТАНТЫ СИМВОЛИЧЕСКОГО КАПИТАЛА РЕГИОНА*

Т.Л. Каминская

*Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого
(Великий Новгород, Россия)*

Аннотация: Рассматриваются различные коммуникативные траектории процесса подведения итогов года в региональном медиаполе, отмечается факт репрезентации символического капитала территории в предновогодней повестке дня. Актуальность исследования обусловлена тем, что медийные обзоры по итогам года значимы как для самих редакций, так и для их адресатов: обзорные публикации имеют большое число просмотров и комментариев. Посредством контент-анализа и дискурс-анализа медиатекстов конца декабря 2017 г. показано, как символический капитал территории становится обсуждаемой темой, в частности в диалоге журналиста с его адресатом. Выявляются отличия подходов итоговых обзоров федеральных и региональных медиа. Делается сопоставление подходов к репрезентации символического капитала, который становится все более мощным ресурсом власти. Перспективы исследования связаны с поиском модели накопления символического капитала и адаптации новых социальных практик его продвижения для повышения комфортности и престижности территории посредством медийной коммуникации. Данная модель коммуникации служит, в частности, решению социокультурных проблем регионов, способствует вовлечению адресатов коммуникации в обсуждение и решение данных проблем.

Ключевые слова: медиа, символический капитал, итоги года, повестка дня.

Для цитирования:

Каминская Т.Л. Медийные итоги года как репрезентанты символического капитала региона // Коммуникативные исследования. 2018. № 2 (16). С. 127–137. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.2.127-137.

Сведения об авторе:

Каминская Татьяна Леонидовна, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой журналистики

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Новгородской области в рамках научного проекта № 17-13-53001 «Символический капитал места как конкурентное преимущество территории».

Контактная информация:

Почтовый адрес: 173003, Россия, Великий Новгород, Большая Санкт-Петербургская ул., 41

E-mail: tlkam1@mail.ru

Дата поступления статьи: 11.01.2018

Итоги года с помощью анализа медийных текстов подводят не только журналисты, но и политологи, лингвисты, поскольку итоги в виде словесных доминант, метафор и тематических предпочтений медиа «в равной мере можно отнести как к лингвистическим, так и к социальным – в силу привлечения значительного числа информантов и экспертов и широкого обсуждения рейтингов в прессе и социальных сетях» [Иссерс 2015: 25].

Автору данной статьи интересны коммуникативные траектории репрезентации символического капитала территории в региональных медиа, которые особенно заметны при всевозможных медийных обзорах и обобщающих публикациях конца года.

Современные научные и публицистические работы, лежащие на оси «человек – территория», принадлежат чаще всего к философской антропологии, политологии, культурологии и связаны с поисками преобразующих регионы социальных практик. При этом речь идет именно о символической политике, которая связана с политической экологией [Boelens et al. 2016], а также с мифотворчеством, воздействующим на коллективное бессознательное. Интерес к совокупности коллективных представлений о городе заметен у тех, кто исследует процесс конструирования городского образа, имеющего отношение к urban imaginary. Эта проблематика актуализируется в исследованиях, посвященных городской идентичности, а также коммеморативным практикам. В частности, современные ученые полагают, что при исследовании городской идентичности с помощью концепта urban imaginary «город оказывается носителем значений, способных так или иначе символически “преодолеть” различия между конкретными и очень разными городскими жителями и сообществами» [Мусиезов 2013: 29].

Поиск духовности места, как показывают исследователи, можно осуществлять даже в заброшенных районах Детройта, которые могут иметь как «терапевтический» (therapeutic), так и «мотивирующий на добрые дела» (catalytic) эффект для горожанина [Joongsub Kim 2016].

На наш взгляд, роль медиа в аккумуляровании символического капитала территории особенно заметна во всякого рода обобщающих публикациях, итоговых обзорах. Ведь сегодня уже очевидно, что реальная территория воспринимается с помощью символического потребления человеком разнообразных текстов. Профессор Калифорнийского университета Эдвард Сойя называет такие территории / города невидимым «гипер-

космосом», порождаемым виртуальными коммуникациями и социальными сетями [Сойя 2003: 134]. Репрезентация территории таким образом приобретает больший потенциал, чем реальность.

У медиа всего два подхода к предъявлению итогов года, в которых отражается его символический капитал: обозревать значимые для региона / страны события уходящего года или анализировать собственный контент на предмет его востребованности аудиторией. Однако в обзорах по итогам года федеральные и региональные медиа делают различные тематические акценты. Запрос на сайте федеральных СМИ «Заголовки.ру» (<http://www.zagolovki.ru/search>) по ключевым словам «итоги года» выдает тексты, связанные преимущественно с политической повесткой дня (выдвижения на пост президента страны, вывод войск из Сирии, действия властей, оппозиции, ситуация во внешней политике и под.). Из событий, хоть косвенным образом связанных с культурой, в топ-10 большинства ведущих российских медиаресурсов попали скандалы вокруг фильма «Матильда» и развода А. Джигарханяна.

На первый план в итогах года в региональных медиа выходят события, непосредственно связанные с регионом, повлиявшие так или иначе на повседневность его жителей, на их идентичность. Рассмотрим это на примере самых популярных изданий Новгородского региона.

Интернет-журнал «Область культуры» и сетевое издание «ВНовгороде.ру» выбрали способ подведения итогов с помощью представителей культуры области: по 17 человек на каждом ресурсе согласились ответить на одинаковые вопросы о главных событиях страны, региона и собственные в 2017 г. (<http://okultureno.ru/projects/project-novyuy-god-2018/>). К символическими событиями в данных текстах отнесены: фестиваль «Царь-сказка» / Kingfestival новгородского театра «Малый», ставшего одним из самых значимых театральных фестивалей России для детей и молодежи; праздники традиционной культуры и концерты молодых музыкантов-исполнителей.

Однако первое место по упоминаниям и откликам заняла реконструкция суда над нацистами в Великом Новгороде ровно 70 лет спустя «Да судимы будете». Примечательно, что данное символическое событие (проект новгородского музея-заповедника при федеральной грантовой поддержке) под руководством профессионального режиссера многих масштабных событий региона Даниила Донченко стало поистине народным: в здании Новгородской областной филармонии более 60 новгородцев разных профессий воссоздали по архивным документам и публикациям СМИ того времени суд 1947 г. Восприятие этого события как знакового неразделимо с современной идентичностью новгородцев: на территории региона в Великой Отечественной войне погибло больше людей, чем живут сегодня (в том числе большая часть 2-й ударной армии под командованием А. Власова, оказавшейся в окружении в мае-июне 1942 г.). Впрочем,

культурное событие было не только обсуждаемо региональными журналистами и блогерами, но и замечено федеральной прессой: новости о премьер-публикации во всех крупных российских новостных агентствах, а «Российская газета» назвала реконструкцию одним из главных культурных событий всей страны. Вслед за этой оценкой на Piter.tv выходит большой текст о проекте «Да судимы будете», включая интервью с режиссером и сценаристами. Редакция этого СМИ также презентует программу, относя событие в Великом Новгороде к главным культурным событиям страны 2017 г., считая, что «это постановка, которую должен увидеть Санкт-Петербург» (https://piter.tv/event/Poslednij_sud_nad_fashistami_interv_yu_s_organizatorami/). Причем в социальных сетях обсуждаются не сами события, а медийные отклики на них.

В рамках исследования символического капитала территории был проведен контент-анализ текстов федеральных медиа на предмет упоминаний Великого Новгорода [Муравьева, Федотова 2017]. Треть из них связана с различными происшествиями, которые случились на территории региона, культурные практики освещены в 15 % текстов, 11 % – рассматривают территорию с точки зрения туристической привлекательности. При этом культурная повестка (что контрастирует с таковой на региональном уровне) связана, в основном, с археологией и храмами средневековья.

То, что Новгородская область в сегодняшнем сознании ее жителей ассоциируется не только со средневековыми храмами, но и с фактом их масштабного разрушения, военными потерями XX в., говорит также представленность в медийных итогах года результатов поисков многотысячной, крупнейшей в России, поисковой новгородской экспедиции «Долина». Так, официальная губернская газета «Новгородские ведомости» отмечает ее отдельным материалом в серии публикаций про итоги года «Новгородские поисковики подвели итоги полевого сезона» (25.12.2017).

Стоит отметить тот символический факт, что губернатор Андрей Никитин (которого пресса именovala не иначе как *варягом*) именно в уходящем году, как раз перед собственными выборами, сделал следующий имиджевый ход: вступил в поисковую экспедицию и работал на местах сражений Великой Отечественной войны (и этот ход также отмечается в итоговых обзорах).

В общественно-политических СМИ региона очевиден ценностный критерий отбора событий с точки зрения их практической значимости для организации жизненного пространства человека, часто в контексте оценки «свой – чужой». Так, региональный обозреватель ИА «Регнум» публикует обзор выборов губернатора под заголовком *Форсайт-революция: как новгородское вече призвало «варяга-технократа»*, отмечая в первых строках, что назначенный в регион Андрей Никитин *среди приоритетов первым назвал туристическую индустрию. Для развития туризма уже в апреле создали новую структуру – туристический офис «Русь*

Новгородская», – и далее обсуждает концепцию нового туристического бренда Великого Новгорода «Жива Ж Земля Новгородская»: *Вышитая буква Ж в логотипах особо возмутила местные элиты, привыкшие к тому, что Великий Новгород называют Родиной России.* Действия нового губернатора обсуждаются в контексте местной идентичности. Журналист иронично отзывается о туристических инициативах «варяга»: *До конца 2017 г. «Русь Новгородская» собиралась представить новую концепцию развития туризма в Новгородской области. Какую именно – широкой общественности пока не сообщили, но в течение года неоднократно возили по международным форумам и выставкам новый новгородский туристический стенд* (<https://regnum.ru/news/2364639.html>). С использованием антитезы «свой – чужой» оценивает действия нового губернатора и сетевое издание «ВНовгороде.ру», подводя итоги года от первого лица устами своего журналиста: *2017 год памятен приходом **столичного «варяга»** Андрея Никитина на губернаторский «мостик». <...> Хотя послушные Дому Советов СМИ без устали рассказывали о первых шагах неуклюжего во всех смыслах **политического новичка**, его задумках, проектах, которые в большинстве своём выглядят прожектами, высосанными из пальца **заезжими политтехнологами**, концертировавшим на никчёмных форсайт-сессиях, где много было сказано, да мало сказано* (<https://vnovgorode.ru/obshchestvo/14937-itogi-fakty-i-pozdravleniya-ot-aleksandra-vlasova.html>). Тем не менее и здесь главным событием года, вызывающим личное эмоциональное отношение, журналист называет событие из сферы культуры: *...впервые за 57 лет удалось открыть двери Алексеевской или Белой башни, расположенной на Троицкой улице. Таким образом, исполнилась моя мальчишеская мечта...*

Вообще, новостные ресурсы региона сделали обзоры новостей с точки зрения интереса к ним адресата, о типологии которого в российском медиаполе мы писали ранее [Каминская 2008].

Так, интернет-СМИ «Новгород.ру» опубликовало рейтинг новостей года в своем топ-10, отметив, что весь год *внимательно отслеживало реакцию читателей на новостные сюжеты «Новгород.ру» и в ежедневном режиме составляло рейтинг, публикуемый в социальных сетях.* Результаты рейтинга новостей местами удивляют саму редакцию: пользуясь термином «показатель вовлеченности читателей», обозначающим наибольшее число как просмотров, так и комментариев, редакция замечает, что новость про выборы губернатора и смену власти *оказалась в топе только на шестом месте, а достаточно узкоспециализированный авторский разбор новых туристических указателей на автодороге М10 «Россия» **удивительным образом** попал в ТОП-10* (<https://news.novgorod.ru/news/161824.html>). Между тем многолетние наблюдения автора статьи за интересом адресата и комментариями к новостям [Каминская 2016] показывают первостепенное внимание в регионе ко всему, что связано с туриз-

мом и вообще с территориальной идентичностью жителей региона, туризм в котором до сих пор был его главным ресурсом. Автор статьи изучила стратегии и программы развития региона, регулярно проводила мониторинг медийных ресурсов и аккаунтов лидеров мнения региона в социальных сетях и сетевых онлайн-сообществах, а также онлайн-площадок, на которых обсуждаются городские проекты, региональные практики, имеющие отношение к символическому капиталу. Среди них, например:

– группа в «Фейсбуке» «НовгородЛюдиВластьПолитика» (<https://www.facebook.com/groups/gvpful/>; 944 участника), где ежедневно обсуждаются городские культурные практики и события, а также состояние городской среды;

– портал «Образ будущего» (http://города-будущего.пф/vel_novgorod), на котором обсуждается создание пешеходных зон рядом со знаковыми местами города, видовых точек (например, на церковь Спаса Преображения на Ильине улице и Знаменский собор), благоустройство площадок для сбора местных жителей, реконструкция набережной Волхова и др.;

– личные аккаунты лидеров мнений региона в социальных сетях «Фейсбук» и «ВКонтакте», например директора Новгородского музея-заповедника Натальи Григорьевой (https://www.facebook.com/profile.php?id=100005419599693&fref=pb&hc_location=friends_tab&pnref=friends.all), имеющих более 1 000 подписчиков и еженедельно обновляющихся новостями культурной жизни региона.

Однако именно на государство политологи возлагают ответственность за брендинг территорий и страны в целом, называя его «политической ответственностью» и призывая подобрать для него «адекватный набор стратегических инструментов» [Данилова, Локтионов, Щербинин 2016: 417, 418].

Западные исследователи также адресуют властям свои рекомендации в отношении брендинга городов и территорий, базируясь на качественных социологических исследованиях (см., напр.: [Booth 2012]).

Что же касается старорусских регионов, то в стратегиях развития, созданных властями, акцент делается на туристов, но не на жителей. В случае с Новгородской областью, ежегодная убыль населения за счет его отрицательной миграции (отъезд молодежи в мегаполисы) очевидно требует действий в направлении важности символического капитала для самих жителей. Пока же в стратегиях развития намечены перспективные направления развития области, однако не отражаются потребности формирования территориальной идентичности и создание комфортной городской среды с опорой на историко-культурную специфику Великого Новгорода и новгородские символические ресурсы (на фоне роста многоэтажного строительства, которое обезличивает город).

При этом региональные стратегии и программы зачастую акцентируют внимание на финансовых показателях, связанных с привлечением

средств от туризма, но не декларируют стратегические направления роста символического капитала региона, не предполагают анализа мнений местного сообщества. На наш взгляд, было бы продуктивным использование для символической политики региона «информационно-медийных языковых личностей» [Болотнов 2015: 48], которые декларируют в социальных сетях свою территориальную идентичность.

Публичные коммуникации могли бы явиться основой для создания стратегий и стратегическим инструментом власти. В ходе коммуникативных процессов генерируются и становятся значимыми те или иные территориальные смыслы. Сюда входят самые разные практики: от создания культурных продуктов или проектов и дизайна внешней среды до продвижения социальных инициатив, способных культивировать символы места, уникальные мероприятия и акции, стимулировать развитие креативного класса. Исследователями отмечалось также, что «смысловым ядром концепта “территориальная идентичность” является территория, связь с которой формирует чувство сопричастности, принадлежности к ней со стороны личности. Такого рода связь основана на символической основе, т. е. отождествление с территорией (“я” – “территория”) возникает и поддерживается благодаря значимым для человека ориентирам, символам, образам территории» [Федотова 2015: 106]. Поскольку символическая политика региональной власти вызывает много критики со стороны лидеров мнения, роль медиа в процессе ее выстраивания неоспорима.

Так, автор упомянутой выше новости про туристические указатели подробно разбирает способ подачи информации для туриста на установленных по трассе указателях, сопоставляя начинание с европейскими традициями. Комментаторы предлагают свои варианты обозначений, подчеркивая важность развивать туристического потенциал региона.

Таким образом, в значимые для региона итоги года в региональной медиаповестке попадают зачастую не те, что совпадают с политическими трендами страны или подстраивают региональное информационное поле к федеральным информационным запросам.

Для региональных медиа оказались важны, во-первых, масштабность местных культурных событий с точки зрения числа участников и информационного повода (которые позволяют выйти в общероссийское медиапространство) и, с другой стороны, их соотнесенность с территориальной идентичностью.

Коммуникативные практики медиафиксации событий последнего года в старорусских регионах приобретают особую важность в свете того факта, что последние два десятилетия российской истории крайне мало зафиксированы в их семиотическом пространстве, а значит, рискуют не быть включены в коллективное бессознательное. Впрочем, эта проблема отмечается и применительно к городам-миллионникам, о необходимости выстраивать символическую политику которых говорят исследователи.

В отношении даже к Санкт-Петербургу, одному из самых «европейских» городов России, отмечается, что «старая идентичность, репрезентируемая на улицах городов в памятниках, улицах и знаковых зданиях советской эпохи, практически всегда вступала в борьбу с навязываемой новой европейской идентичностью, сопровождаемой строением таких символов глобализации и постмодерна, как стеклянные небоскребы, торговые и деловые центры и прочее» [Гигаури 2015: 136]. Что касается региональной идентичности, то Великий Новгород вошел как характерный пример изменения социокультурного ландшафта России в постсоветскую эпоху в коллективную монографию о европейской идентичности [Petro 2009].

Следует отметить также, что именно в итоговых, предновогодних, публикациях региональные медиа зачастую уходят от идеологической заданности, объективируя социальные и культурные практики и выступая как социальный механизм накопления символического капитала территории.

Список литературы

- Болотнов А.В.* Современная информационно-медийная личность и ее типы (по данным анкетирования) // Коммуникативные исследования. 2015. № 2 (4). С. 47–55.
- Гигаури Д.И.* Символическая политика в социокультурном пространстве города (на примере г. Санкт-Петербурга) // Теория и практика общественного развития. 2015. № 16. С. 136–139.
- Данилова Е.А., Локтионов И.В., Щербинин А.И.* О роли государственного управления в формировании стратегии национального брендинга РФ // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. № 4 (36). С. 416–420. DOI: 10.17223/1998863X/36/41.
- Иссерс О.С.* От серьезного – до смешного: игровой потенциал русского слова года // Политическая лингвистика. 2015. № 4 (54). С. 25–31.
- Каминская Т.Л.* Идентичность медиаадресата: способы выражения в комментариях // Стилистика сегодня и завтра: материалы IV Международной научной конференции. М.: Фак. журналистики МГУ, 2016. С. 249–250.
- Каминская Т.Л.* Адресат газетного текста: опыт типологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2008. № 1-2. С. 305–312.
- Муравьева М.Д., Федотова Н.Г.* Образ Великого Новгорода в федеральных медиа // Международный студенческий научный вестник. 2017. № 4-5. С. 630–633. URL: <http://eduherald.ru/ru/article/view?id=17464>.
- Мусиездов А.А.* Город как культурная форма // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. № 3. С. 26–50.
- Сойя Э.* Постметрополис. Критические исследования городов и регионов / пер. с англ. А. Резниченко // Логос. 2003. № 6 (40). С. 133–150.
- Федотова Н.Г.* Территориальная идентичность как символический ресурс региона // Вестник Новгородского государственного университета. 2015. № 7 (90). С. 105–108.

- Boelens R., Hoogesteger J., Swyngedouw E., Vos J., Wester P. Hydrosocial territories: a political ecology perspective // *Water International*. 2016. Vol. 41(1). P. 1–14. DOI: 10.1080/02508060.2016.1134898.
- Booth Ch.G. Revisiting the Image of the City: Exploring the Importance of City Skylines: A thesis presented to the University of Waterloo in fulfilment of the thesis requirement for the degree of Master of Arts in Planning. Waterloo, ON, 2012. 147 p.
- Joongsub Kim. In Search of Spirituality in the Places of Urban Decay: Case Studies in Detroit // *IN_BO. Ricerche e progetti per il territorio, la città e l'architettura*. 2016. № 9. S. 65–79. URL: https://in_bo.unibo.it/article/view/6291/6089.
- Petro N.N. The Novgorod Model: Creating a European Past in Russia // *Cities after the Fall of Communism: Reshaping Cultural Landscapes and European Identity* / Ed. J. Czaplicka, N. Gelazis, B.A. Ruble. Washington, DC: Woodrow Wilson Center Press; Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2009. P. 53–74.

References

- Boelens, R., Hoogesteger, J., Swyngedouw, E., Vos, J., Wester, P. (2016), Hydrosocial territories: a political ecology perspective. *Water International*, Vol. 41(1), pp. 1-14. DOI: 10.1080/02508060.2016.1134898.
- Bolotnov, A.V. (2015), Up-to-date informational and media personality and its types (according to questionnaire's data). *Communication Studies*, No. 2 (4), pp. 47-55. (in Russian)
- Booth, Ch.G. (2012), *Revisiting the Image of the City: Exploring the Importance of City Skylines*, A thesis presented to the University of Waterloo in fulfilment of the thesis requirement for the degree of Master of Arts in Planning, Waterloo, ON, 147 p.
- Danilova, E.A., Loktionov, M., Scherbinin, A.I. (2016), On the role of the state management in the national branding strategy forming. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, No. 4 (36), pp. 416-420. DOI: 10.17223/1998863X/36/41. (in Russian)
- Fedotova, N.G. (2015), Territorial identity as a symbolic resource of region. *Vestnik of Novgorod State University*, No. 7 (90), pp. 105-108. (in Russian)
- Gigauri, D.I. (2015), The symbolic politics in the socio-cultural space of the city (case study of Saint-Petersburg). *Theory and Practice of Social Development*, No. 16, pp. 136-139. (in Russian)
- Issers, O.S. (2015), From Serious Stuff - to Funny Things: Language Pun Potential of the Russian "Word of the Year". *Political Linguistics*, No. 4 (54), pp. 25-31. (in Russian)
- Joongsub Kim (2016), In Search of Spirituality in the Places of Urban Decay: Case Studies in Detroit. *IN_BO*, No. 9, pp. 65-79, available at: https://in_bo.unibo.it/article/view/6291/6089.
- Kaminskaya, T.L. (2016), Identichnost' mediaadresata: sposoby vyrazheniya v komentariyakh [Identity of the addressee for media: expressions in the comments]. *Stilistika segodnya i zavtra* [Style of today and tomorrow], Proceedings of the 4th International scientific conference, Moscow, Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University Publ., pp. 249-250. (in Russian)

- Kaminskaya, T. (2008), The Addressee of the Newspaper Text: An attempt of Typology. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism*, No. 1-2, pp. 305-312. (in Russian)
- Muraveva, M.D., Fedotova, N.G. (2017), The Image Veliky Novgorod in the Federal Media. *International Student Research Bulletin*, No. 4-5, pp. 630-633, available at: <http://eduherald.ru/ru/article/view?id=17464>. (in Russian)
- Musiyezdov, A. (2013), The City as a Cultural Form. *Russian Sociological Review*, Vol. 12, No. 3, pp. 26-50. (in Russian)
- Petro, N.N. (2009), The Novgorod Model: Creating a European Past in Russia. Czaplicka, J., Gelazis, N., Ruble, B.A. (Eds.) *Cities after the Fall of Communism: Reshaping Cultural Landscapes and European Identity*, Washington, DC, Woodrow Wilson Center Press, Baltimore, Johns Hopkins University Press, pp. 53-74.
- Soja, E.W. (2003), Postmetropolis. Critical Studies of Cities and Regions. *Logos*, No. 6 (40), pp. 133-150. (in Russian)
-

MEDIA YEAR-END OBSERVATIONS AS REPRESENTATIVES OF SYMBOLIC CAPITAL OF THE REGION

T.L. Kaminskaya

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)

Abstract: The author considers different communicative courses of the process of summing up the year research in the regional media space, noting the fact of representation of symbolic capital of the territory in the New Year agenda. The relevance of the article is connected with the fact that media year-end observations are significant to the publishers as well as to their recipients: overview publications have a large number of views and comments. Through the content analysis and discourse-analysis of media texts at the end of December 2017 the author shows how the symbolic capital of the territory becomes a topic under discussion, in particular, in the dialogue of journalists with their addressees. The result of the study is a comparison of approaches to the representation of symbolic capital, which become an increasingly powerful resource of power. The article identifies differences between the approaches in the final reviews of Federal and regional media. Perspectives of the research are connected with the search of a model of the accumulation of symbolic capital and adaptation of new social practices of its promotion for increasing the comfort and prestige of the territory through media communication. This communication model, in particular, contributes to the solution of social and cultural problems of regions, and promotes the involvement of the communication recipients into the discussion and settlement of these problems.

Key words: media, symbolic capital, year-end observations, agenda.

For citation:

Kaminskaya, T.L. (2018), Media year-end observations as representatives of symbolic capital of the region. *Communication Studies*, No. 2 (16), pp. 127-137. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.2.127-137. (in Russian)

About the author:

Kaminskaya Tatiana Leonidovna, Prof., Associate Professor, Head of the Chair of Journalism

Corresponding author:

Postal address: 41, Bol'shaya Sankt-Peterburgskaya ul., Veliky Novgorod,
173003, Russia

E-mail: tlkam1@mail.ru

Acknowledgments:

The study was carried out with the financial support of the Russian Federal Property Fund and the Novgorod Region within the framework of the scientific project No. 17-13-53001 "Symbolic capital of the place as a competitive advantage of the territory"

Received: January 11, 2018

ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИЙ К РАДИОПРОГРАММЕ КАК КОММУНИКАТИВНАЯ ЕДИНИЦА РАДИОТЕКСТА

Н.Г. Нестерова

Томский государственный университет (Томск, Россия)

Аннотация: Обосновывается статус новой разновидности медийного текста – интернет-комментария слушателей к радиопрограмме, обеспечивающего реальную включенность слушателей в диалогическое общение с ведущим и другими участниками программы, – как коммуникативной единицы радиотекста, усиливающей диалогичность радиодискурса. Предложенный подход обуславливается современными процессами конвергенции в средствах массовой коммуникации: новые дискурсивные практики стали основанием для квалификации радиотекста как гипертекста, единицы которого (микро- и макротексты, а именно: речь участников радиоэфира, интернет-версии радиопрограмм, электронные послания, слоганы, названия радиостанций и радиопередач, информационные включения в эфир, новости, прогноз погоды, астрологический прогноз, информация о курсе валют, реклама, заставки, перебивки) составляют единое дискурсивное радиопространство, а радиодискурс, будучи нелинейным, многоуровневым, полижанровым образованием, структурно представляет собой систему гипертекстов. На материале интернет-комментариев к культурно-просветительской радиопрограмме выявляется их коммуникативное своеобразие и анализируется характер языковой реализации стратегии оценивания.

Ключевые слова: интернет-комментарий, новые тексты, коммуникативная единица, радиотекст, радиодискурс, гипертекст, диалогичность, стратегия оценивания.

Для цитирования:

Нестерова Н.Г. Интернет-комментарий к радиопрограмме как коммуникативная единица радиотекста // Коммуникативные исследования. 2018. № 2 (16). С. 138–151. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.2.138-151.

Сведения об авторе:

Нестерова Наталья Георгиевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта проведения научных исследований, проект № 17-29-09132 «Новая грамотность» в новых текстах средств массовой коммуникации.

Контактная информация:

Почтовый адрес: 634050, Россия, Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: nesterovatomsk@mail.ru

Дата поступления статьи: 13.09.2017

Постановка вопроса о статусе интернет-комментария к радиопрограмме обусловлена необходимостью изучения радиотекста во всём разнообразии форм его существования как базовой единицы радиодискурса, функционирующего в эпоху Интернета, конвергенции средств массовой коммуникации [Болотова, Круглова 2009] и появления новых разновидностей медиатекста. Для мотивированного определения статуса интернет-комментария к радиопрограмме необходимо представить понимание радиотекста, разработанное в процессе комплексного изучения радиодискурса (см.: [Нестерова 2015a]). Предлагаемый подход опирается на широкую трактовку гипертекстуальности и становится основанием для рассмотрения радиотекста как единого целого, которое включает макротексты, представленные прозвучавшими **в эфире** фрагментами **устной** речи; материалами, размещёнными **на сайте** радиостанции в **печатном** виде (поступившие от слушателей электронные послания, блоги, стенограммы эфирных записей) и **видеотрансляциями** радиопрограмм. Радиотекст в соответствии с предложенным подходом являет собой совокупность характеризующихся коммуникативной связностью и целостностью автономных вербальных текстов, представленных в радиоэфире и на сайте радиостанции, а также музыкальных и иных звуковых включений, участвующих в организации радиодискурса. При широком понимании гипертекста решается (в числе других) проблема определения роли и статуса интернет-комментария к радиопрограмме. В рамках предпринятого подхода есть все основания рассматривать комментарий в качестве структурной и коммуникативной единицы радиогипертекста.

Связь микротекстов и макротекстов обеспечивается межтекстовыми ссылками и центральным положением ведущего, который выступает в качестве модератора и обеспечивает диалог с соведущими и гостями в студии, со слушателями, дозвонившимися или написавшими СМС в студию или сообщение на сайт радиостанции. При таком понимании организации радиодискурса наполнение эфира воспринимается не как мозаика из авторских программ, информационных и рекламных сообщений и музыкальных композиций, а как целостное коммуникативное единство, ориентированное на взаимодействие, – **коммуникативное пространство радиоэфира**.

Таким образом, определяя структурно-текстовую организацию радиотекста, мы исходим из того, что он, будучи базовой составляющей радиодискурса, состоит из множества текстов, ориентированных на различ-

ные коммуникативные цели. При этом целостность является конститутивным компонентом не только микротекста, но и макротекста. Как важнейший фактор целостности текста оценивается его коммуникативная адресованность целевой аудитории.

Среди структурных единиц радиотекста интернет-комментарий слушателя к радиопрограмме занимает особое положение: эта коммуникативная единица реализуется как новая специфическая дискурсивная практика на радио, обеспечивающая реальную обратную связь адресата с другими участниками радиокommunikации. О коммуникативной роли комментария свидетельствует статистика, представленная в Интернете. Так, В.М. Савотиной приводятся данные о количестве статей, опубликованных на различных сайтах, и комментариях к ним за месяц: в среднем на 300 статей публикуется 12 000 комментариев [Савотина 2012: 161].

Интернет-комментарии слушателей являются убедительным доказательством актуальности подхода к тексту, в соответствии с которым его смысл не сводится только к воплощенному авторскому замыслу [Солганик 2005: 14], когда текст квалифицируется как генератор новых смыслов и становится объектом метаязыковой рефлексии. Реальными субъектами текстовой деятельности являются и адресант, и адресат: два основных участника радиокommunikации, ведущий и слушатель (в контексте рассматриваемой проблемы – автор комментария), меняясь ролями, апеллируют к сознанию и чувствам других участников коммуникативной ситуации, так или иначе влияют на их эмоциональную сферу, побуждают к интеллектуальным или иным действиям.

В опубликованных ранее работах автора данной статьи отмечалось, что при рассмотрении радиотекста как гипертекста дифференцируется ядро (речь радиоведущих и других участников коммуникативной ситуации: приглашенных в студию гостей, экспертов, а также дозвонившихся в студию или оставивших на сайте вопросы или комментарии слушателей) и периферия – все другие микротексты [Нестерова 2015б]. Уникальность и целостность радиотекста при такой структурно-текстовой организации радиодискурса видится в особом типе автора, специфической текстовой модальности, многообразном проявлении авторского «я» [Солганик 2005: 14], во включенности в процесс коммуникации представителей целевой аудитории – и в этом интернет-комментарий к радиопрограмме играет весьма значимую коммуникативную роль.

Интернет-комментарий соединяет два основных уровня радиогипертекста, различающихся по способу представления макро- и микротекстов и по способу восприятия их адресатом: звучащие в эфире аудиально воспринимаемые радиотексты и представленные на сайте радиостанции и воспринимаемые визуально и аудиовизуально. В качестве гиперссылок выступают метатекстовые единицы, маркирующие отдельные

микротексты, включённые в макротекст, отсылки к сайту, к его рубрикам. Функцию метамаркеров выполняют названия разделов сайта и навигатор, отражающий все возможности восприятия радиотекста: *слушать, смотреть, читать* и др. Диалог с адресатом организуется списком ссылок для прослушивания прямого эфира. На сайтах радиостанций имеют место рубрики *Комментарий, Добавить комментарий, Оставить комментарий* и под.

Оценивая значимость комментария как формы обратной связи, заметим, что сайты программ имеют также и другие формы приглашения слушателей к диалогу: *Ответы на вопросы радиослушателей, Задайте ваш вопрос, Отправить сообщение в эфир, Задать вопрос главному редактору сайта*.

Опираясь на тексты комментариев, оставленных на сайтах массовых журналов для мужчин и женщин, В.М. Савотина определяет интернет-комментарий следующим образом: это «развёрнутая оценка, уточнение непонятных моментов или выражение несогласия с автором» [Савотина 2012: 159].

Для изучения коммуникативного своеобразия интернет-комментария к радиопрограмме были привлечены комментарии к 19 выпускам программы «Книжное казино» радиостанции «Эхо Москвы», выходящим в эфир в 2014–2016 гг.: *Что читают наши дети?; Странно и наоборот. Русская мистическая проза XIX века; Вокруг Осипа Мандельштама. К 125-летию со дня рождения поэта; Почему в литературе востребован абсурд?; Памяти писателя Бориса Носика; «Исторические хроники» в книгах и фотографиях* и др. Выбор материала для анализа обусловлен тем, что радиопрограмма имеет широкую интеллектуальную аудиторию, характеризуется активностью слушателей [Арсеньева 2013], что выражается в откликах-комментариях после программы.

Проведенный анализ позволил уточнить коммуникативную специфику данной разновидности интернет-комментария:

– Интернет-комментарий имеет свое место в композиционной структуре радиотекста, расположен на сайте радиостанции (об особенностях развития сайтов разговорных радиостанций см.: [Баранова 2015]).

– От интернет-форума комментариев к радиопрограмме отличается тем, что не имеет коммуникативного намерения по запросу информации для практической деятельности (ср. с интернет-форумом: [Вознесенская 2012: 18; Какорина 2008]).

– Интернет-комментарий к радиопрограмме относится именно к определенной радиопрограмме, к определенному ее выпуску, формируется на основе темы, заданной радиопрограммой; его активность поддерживается в том случае, если все участники знакомы с основной темой радиоэфира, при этом позиции авторов комментариев нередко отражают противоположные взгляды.

– Комментарий слушателя к радиопрограмме является не просто формой обратной связи (как телефонный звонок или СМС), а, по существу, продолжением радиопрограммы.

– Автора комментария и других участников коммуникативной ситуации объединяют общие интересы: литература, книга, чтение.

– Автор комментария является (как правило) участником обсуждаемого выпуска программы, а не просто пользователем Интернета (ср. с другими формами интернет-коммуникации: [Савотина 2012]). Автор интернет-комментария – участник коммуникативной ситуации, заинтересованный содержанием программы, он выражает свое мнение относительно обсуждаемых вопросов, дает оценку прошедшей радиопередаче, выражает согласие или несогласие с позицией участников эфира или с комментарием другого слушателя, выражает благодарность или другие эмоции.

– Интернет-комментарии отличаются высокой степенью персонализации: оценивание участников диалога или артефактов, ими созданных (в данной программе это книга), основано на личном опыте, что подтверждается частотностью употребления личного местоимения Я.

– Адресат комментария является конкретным лицом (это ведущий или приглашенный в студию гость), а также другие авторы комментариев (некоторые высказывания в форме комментария обращены именно к ним). Интернет-комментарий является важным звеном радиокommunikации, который позволяет актуализировать значимость обсуждаемой с приглашенным гостем темы, получить обратную связь и оценку восприятия авторской радиопрограммы.

– Интернет-комментарий к радиопрограмме является формой неофициального общения (об особенностях неофициального общения в Интернете см: [Коретникова 2006]). Языковое воплощение комментария является неоднородным и обусловлено положительной или отрицательной оценкой объекта / предмета обсуждения.

В ходе анализа, как и ожидалось, выявлено, что в интернет-комментариях наиболее активно реализуется стратегия оценивания. В текстах комментариев зафиксировано разнообразие лексических, словообразовательных, синтаксических, стилистических оценочных единиц. Подтвердились полученные ранее наблюдения о том, что система выражения оценочности обусловлена коммуникативным типом целеустановки, определяемым форматом радиостанции и жанрово-тематической спецификой передачи [Нестерова 2011].

Закономерно, что основную часть оценочных средств составляют прилагательные с семантикой положительной и отрицательной оценки: *одинокий, редкий, негромкий, верный (голос), поразительная (выдержка), единственный, талантливый (писатель), прекрасный (писатель, роман), любимая (книга, Людмила), замечательная (Дина, Людмила), приятное (оформление), интересные (высказывания), интеллигентная, начитанная*

(семья), занятная, отличная (передача), закрученный (сюжет), хороший, отворотительный (язык), новые (произведения), уникальная (книга), значимое, долгожданное (событие), интеллектуальная, современная (литература), открытый, свободный, доброжелательный, умный (человек), интереснейшая (передача), великие, трагические (поэты), фантасмагорическое (произведение) и др.

Использованные оценочно окрашенные прилагательные представлены синонимическими рядами и включаются в словообразовательные отношения (цитируемые для примера единицы приводятся в начальной форме): *одиноким, редким, единственный, уникальный; замечательный, отличный, прекрасный, хороший; новый, современный; образованный, интеллектуальный, умный; занятный, поразительный, фантасмагорический; любить – любимый, интерес – интересный – интересно – заинтересовать; талант – талантливый, талантливо.*

Наречия в комментариях представлены менее разнообразно: *громко, талантливо, интересно, случайно, с упоением, с интересом; грустно, не интересно.*

Существительные и устойчивые выражения с грамматически главным существительным нередко относятся к высокому стилю речи, что подчеркивает уважительное отношение к субъекту обсуждения: *Человек чести; гражданская ответственность; русская интеллигенция; чувство такта; портрет эпохи; писатель-гуманист; человек чести, совести и гражданской ответственности; порода, ум, красота, выдержка, мастер, человек-легенда.*

Существительные с отрицательной оценкой выражают уничижительное отношение к предмету речи, возмущение, недовольство: *ниже плинтуса, макулатура, муть, грязь, каша-кашей, лукавство, лицемерие, штампы, ошибки, спекуляция.*

Функцию оценивания может выполнять глагол (оценочная семантика глагола чаще проявляется в контексте): *<...> читала не отрываясь (milenna); <...> захотелось их прочитать, а что-то перечитать; Замечательная Дина Рубина, люблю её творчество ещё с первой публикации в "Юности" во времена моей юности! (vegan); Д. Рубину перечитываю. И её книги этого заслуживают (arb4); Кто интересуется отражением темы сталинизма, в творчестве Поэтов, советую прочитать Реквием Ахматовой. Это там, где / Эта женщина больна, / Эта женщина одна, / Муж в могиле, сын в тюрьме, / Помолитесь обо мне. / И т. д. (ansh)¹.*

Синтаксические средства выражаются применением однородных членов предложения: *громко и талантливо; выдержка и чувство такта;*

¹ В приведенных примерах и далее графика, орфография, синтаксис текста передаются в соответствии с первоисточником. Линейное представление поэтического текста и знаки паузы сделаны автором статьи.

открытый, свободный, доброжелательный, умный человек; голос интеллигентной, образованной, начитанной семьи, – а также посредством восклицательных предложений, обращений, синтаксического параллелизма и других риторических фигур, которые демонстрируют приводимые в качестве иллюстративного материала высказывания.

Положительные и отрицательные комментарии отражают **стратегию оценивания**, выражаемую **тактиками положительной и отрицательной оценки**, а также **пожелания и благодарности** (описание коммуникативных стратегий и тактик осуществляется в русле исследований: [Иссерс 2008; Герасимова 2015; Фащанова 2015]).

Тактика положительной оценки чаще реализуется в форме прямого оценивания.

1. Оценка личностных качеств гостя, например: *Одинокий и такой редкий сегодня голос Человека. Человека чести, совести и гражданской ответственности...* (vdemchenko) (графическое оформление слова «человек» с прописной буквы свидетельствует об особой эмоциональности и экспрессивности высказывания); *<...> из той исчезающей породы русской интеллигенции, которая спокойно и крепко держится своего негромкого, но верного голоса. не гнет спину ни перед денежным мешком, ни перед властью и мушкетерами* (and_gol_); *Ум, красота, поразительная выдержка и чувство такта. Эта женщина легенда, и нам, "в силу сложившихся обстоятельств" – не ровня* (oleg196119); *Какой открытый, свободный, доброжелательный, умный человек!* (zamirisovest); *Так приятно среди всей этой чернухи, неграмотности и злобы услышать голоса интеллигентной, образованной, начитанной семьи...* (marengo).

2. Оценка профессиональных качества гостя, например: *Это – не просто написанная блестящим слогом «семейная хроника», это – созданный рукой мастера портрет эпохи* (bvc195512); *Правду о Жукове и Суворове озвучил он громко и талантливо. Единственный. В солдатской прозе он № 1. У Симонова и "лейтенантов" только стихи!* (lara2410); *Людмила Улицкая, вы талантливый писатель – гуманист* (lana_ginger); *С большим интересом всегда вас читаю и слушаю, хоть и не со всем соглашаюсь* (lana_ginger); *Прекрасный писатель Дина Рубина! Просто Прекрасный!* (tokh); *«Еврейская невеста», автор которой – живущая в Израиле талантливый русскоязычный писатель Дина Рубина* (bvc1955).

3. Оценка выпуска программы, в том числе в ряде случаев адресат положительно оценивает программу с участием конкретного гостя. Особенно интересны высказывания слушателя, которые свидетельствуют о побудительном воздействии программы: *В последнее время я эту передачу вообще не слушала, а тут случайно включила и понравилось* (grachikgrisha08); *Интересно было послушать* (art_c28); *Занятная передача* (svoboda_ili_smert); *Отличная передача, прекрасный писатель! Ларина и др. ведущие, спасибо!* (arb4).

Оценка книги или произведения может быть представлена в двух вариантах:

1) прямая оценка: **Читаю роман с упоением!** (bvc195512); **Прочитала** у Полины Дашковой три произведения: "Кровь нерожденных", "Херувим", "Продажные твари". **Читала с интересом.** Закрученный сюжет, **хороший литературный язык**, разгадка в конце тайны (milenna); **Выход такой уникальной книги – значимое событие в интеллектуальной литературе**, истории правозащитного движения, историко-публицистической и гуманитарной российской мысли. **И – очень долгожданное!** (falconet); А **"Белая голубка Кордовы" любимая моя книга!** (tokh); **Дашкова хорошо начинала, прекрасные романы с детективной составляющей** (kosh); **Не к чему придраться, очень приятное оформление** (art_c28);

2) косвенная оценка литературного произведения или творчества автора в целом выражается включением в комментарии или в качестве комментария отрывков любимых поэтических текстов: *Квартира тиха, как бумага, / Пустая, без всяких затей, / И слышно, как булькает влага / По трубам внутри батарей. / Имущество в полном порядке, / Лягушкой застыл телефон, / Видавшие виды манатки / На улице просят вон. / [Осип Мандельштам (1933)].* (irdo); *Находясь в воронежской ссылке, Мандельштам напишет отдающее болью, как стон, четверостишие: Пусты меня, отдай меня, Воронеж, / Уронишь ты меня иль проворонишь, / Ты выронишь меня или вернешь / Воронеж – блажь, Воронеж – ворон, нож! / (1935-й) / (bvc1955).*

В комментариях представлено большое количество высказываний с положительной коннотацией, которые не являются собственно оценочными, но опосредованно выражают оценку. Прибегая к **тактикам благодарности и пожелания**, автор комментария, по существу, выражает высокую оценку личности, творчества писателя, программы, книги и др. Высказывания в форме благодарности представлены или в форме короткой благодарности за передачу (**спасибо за передачу** (espes28)), или в форме развернутого высказывания:

– с акцентом на заинтересовавшей теме: **большое спасибо за интереснейшую передачу об одном из самых великих и трагических поэтов прошлого столетия!** (bvc195512);

– с акцентом на ведущем и госте: **хорошая передача получилась, спасибо гостям и ведущей!** (arb40); **Признательность автору, спасибо ведущим, организаторам встречи и эфира** (falconet); **Хочу поблагодарить Ксению Л. за все субботние и воскресные передачи с её участием!** (luka7886);

– с прямым обращением к участнику программы: **дорогая, любимая, замечательная, Людмила Евгеньевна! Спасибо, что Вы есть... <...>** (netslov); **Дина Ильинична! Спасибо Вам за это фантазмагорическое произведение "На солнечной стороне улицы", за "Синдром Петрушки" <...>**

(milenna); **Успехов Вам в Вашем творчестве** (milenna); **Юлий Ким <...> Спасибо ему!** (and_gol_).

Иногда благодарность сопровождается некоторой неудовлетворенностью слушателя, неоднозначной рефлексией по поводу обсуждения литературного произведения: <...> **Огромное спасибо. Однако немного грустно. Мне кажется, Эллендея заслуживает более внимательного и доброго отношения** (oleg196119).

Высказывания, выражающие пожелания, могут относиться как к творчеству приглашенного гостя (**Здоровья и удачи Вам, дорогой Владимир Николаевич! А нам – Ваших новых книг!** (vdemchenko)), так и опосредованно к его личности (**Почаще приглашайте его просто поговорить, пожалуйста. Спасибо** (zamirisovest)).

Отрицательные интернет-комментарии слушателей отличаются резкой категоричностью, грубостью и неучтивостью. Синтаксис приведенных отрицательно оценочных комментариев отличается разговорностью, образностью. Языковыми средствами выражения отрицательной оценки часто становятся устойчивые метафорические конструкции: **А современная литература – уровня макулатуры** (grachikgrisha); **качество стихов – ниже плинтуса, но я понял, в чем разгадка: платят мало автору заказчики, поэтому силы и время тратить неохота** (s_porziw); **"Просветительством" тут и не пахнет – просто бизнес...** (the_publisher); **Книги Сванидзе в руки не возьму. А если случайно окажутся, в печку** (grachikgrisha).

Отрицательная оценка характеризуется яркой экспрессивностью и является выражением мнения относительно автора произведения и его творчества. С точки зрения структуры используются предложения разных типов – односоставные (безличные, неопределенно-личные, номинативные), простые и сложные предложения с однородными членами: **Не интересно, очень неинтересно! Много, почти все в заблуждении, в блуждании** (tayaiana1); **Какую муть рекламируют, кроме, конечно, "Анны Карениной"! Не зря же на нее переключились, есть о чем поговорить и о ком!** (grachikgrisha); **Мне хватает его в эфире ЭХА и иногда на ТВ, чтобы полностью быть против него и его взглядов** (sozializm); **Что здесь делает эта Рубина. Ее творчество – сплошная грязь и ее смакование, матерщина, отвратительный и косный язык, суть – каша-кашей. Ни ума, ни сердца** (fisak); **Лукавство и лицемерие россиянской писательши, известной всем национальности, к великой русской литературе отношения, слава Богу, не имеющей...** (ushkujnik); **Сколько самомнения у рядового производителя пустозвонства: с Пушкиным себя сравнивает** (rozov19).

Содержание комментариев свидетельствует о том, что их авторы знакомы с творчеством писателей, и не только с обсуждаемыми в программе произведениями, но и с ранними этапами творчества, а также с иной дея-

тельностью автора: *Почитайте предложенный ею* (Д. Рубинной. – Н. Н.) *всероссийский диктант* – набор речевых штампов, логических и речевых ошибок (fisak); *"Кровь нерожденных"*, например. *"Пакт"* полнейшая спекуляция на истории, а *последний роман является продолжением этого романа*. Уже ни динамики, ни правды характеров, ни подтверждений описанным событиям (kosh).

Следует отметить, что отрицательная оценка является аргументированным высказыванием, как правило, включает тезис и обоснование выраженной позиции.

В результате анализа интернет-комментариев к разным выпускам культурно-просветительской программы «Книжное казино» выявлено, что авторами оцениваются интеллектуальные способности гостя, его поведение, речь как проявление его внутреннего мира, социальный статус, поведение в радиозэфире, оценка творчества. Похвала за этические качества встречается чаще, реже оценивается социальный статус и поведение в эфире, что свидетельствует о значимости для слушателя духовной составляющей гостя и его творчества.

Представленные в статье рассуждения, связанные с пониманием радиотекста как гипертекста и комментария к радиопрограмме как части радиотекста, подводят к следующему заключению: новая коммуникативная среда, обусловившая широкое развитие гипертекстов, самым серьезным образом повлияла на радиотекст и дала основания для новых подходов к изучению современных дискурсивных практик, которые определяют дискурсивное пространство на радио.

Отмеченные особенности функционирования комментария позволяют квалифицировать его как текстообразующую коммуникативно значимую единицу в структуре радиотекста.

Интернет-комментарий представляет собой разновидность радиотекста, доказывающего, что современный радиодискурс является коммуникативным пространством, в котором адресат (массовый слушатель) из условно активного субъекта восприятия информации переходит в статус активного участника, реально высказывающего свои суждения по поводу обсуждаемых вопросов, который в виртуальном пространстве когнитивной и коммуникативной деятельности получил реальную «возможность выстраивания модели своего комфортного ментального существования в нем через различные модели взаимодействия с адресантом» [Ермоленкина 2008: 18].

Интернет-комментарий кардинально меняет коммуникативное пространство радиодискурса, делает его наполненным конкретными участниками, проявляющими свою коммуникативную активность.

На основе проведенного исследования интернет-комментарий к радиопрограмме можно определить как новую коммуникативную единицу

радиотекста, являющуюся продуктом реального диалогического взаимодействия автора (слушателя) с ведущим, гостем программы и другими слушателями, в ходе которого автор комментария выражает свою оценку относительно обсуждаемой темы и ее участников.

Список литературы

- Арсеньева Т.Е.* Коммуникативные стратегии и тактики просветительского радиодискурса (на материале программы «Говорим по-русски»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2013. 24 с.
- Баранова Е.А.* Особенности развития сайтов российских разговорных радиостанций // Медиаскоп. 2015. Вып. 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1743>.
- Болотова Е.А., Круглова Л.А.* Радиовещание в эпоху новейших технологий // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2009. № 4. С. 57–65.
- Вознесенская И.М.* Речевой портрет участника интернет-форума // Интернет-пространство: речевой портрет пользователя: монография / под ред. Т.И. Поповой. СПб.: Эйдос, 2012. С. 12–58.
- Герасимова А.С.* Стратегия оценивания и ее тактики (на примере оценочных высказываний членов жюри телепроекта «Голос») // Экология языка и коммуникативная практика. 2015. № 1. С. 188–197.
- Ермоленкина Л.И.* Модели взаимодействия автора и адресата в дискурсивном пространстве информационно-развлекательного радио // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2008. № 3 (4). С. 18–26.
- Иссерс О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 288 с.
- Какорина Е.В.* СМИ и интернет-коммуникация (интернет-форум как новый коммуникативно-речевой жанр) // Современный русский язык. Актуальные процессы на рубеже XX–XXI веков: монография / отв. ред. Л.П. Крысин. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 549–578.
- Коретникова Л.И.* Неофициальное общение в Интернете // Проблемы речевой коммуникации: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 6 / под ред. М.А. Кормилициной. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2006. С. 155–160.
- Нестерова Н.Г.* Современный радиодискурс (коммуникативно-прагматический аспект). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015а. 320 с. DOI: 10.17223/978-5-7511-2403-8.
- Нестерова Н.Г.* Радиотекст как гипертекст // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015б. № 5. С. 89–99. DOI: 10.17223/19986645/37/7.
- Нестерова Н.Г.* Коммуникативно-прагматический потенциал оценки в речи радиоведущего // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 353. С. 30–33.
- Савотина В.М.* Комментарий на сайтах массовых журналов для мужчин и женщин // Интернет-пространство: речевой портрет пользователя: монография / под ред. Т.И. Поповой. СПб.: Эйдос, 2012. С. 159–182.
- Солганик Г.Я.* К определению понятий «текст» и «медиатекст» // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2005. № 2. С. 7–15.

Фащанова С.В. Коммуникативные стратегии презентации, самопрезентации и способы их языкового воплощения в радиопрограммах о культуре // Казанская наука. 2015. № 11. С. 194–196.

References

- Arsen'eva, T.E. (2013), *Kommunikativnye strategii i taktiki prosvetitel'skogo radio-diskursa (na materiale programmy "Govorim po-russki")* [Communicative strategies and tactics of educational radio discourse (case study of the program "We speak Russian")], Author's abstract, Tomsk, 24 p. (in Russian)
- Baranova, E.A. (2015), Development Features of Russian Talk Radio Stations' Websites. *Mediascope*, Iss. 2, available at: <http://www.mediascope.ru/node/1743>. (in Russian)
- Bolotova, E.A., Kruglova, L.A. (2009), Radio Broadcasting in the epoch of the newest technologies. *Moscow University Journalism Bulletin*, No. 4, pp. 57-65. (in Russian)
- Gerasimova, A.S. (2015), Assessment strategy and its tactics (on the basis of assessing statements of jurors in TV-show "Voice"). *Ecology of Language and Communicative Practice*, No. 1, pp. 188-197. (in Russian)
- Fashchanova, S.V. (2015), Communicative strategies of presentation and self-presentation and language means of their implementation in rad programs about culture. *Kazan Science*, No. 11, pp. 194-196. (in Russian)
- Issers, O.S. (2008), *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi* [Communicative strategies and tactics of Russian speech], Moscow, LKI Publ., 288 p. (in Russian)
- Kakorina, E.V. (2008), SMI i internet-kommunikatsiya (internet-forum kak novyi kommunikativno-rechevoi zhanr) [Media and Internet communication (Internet forum as a new communicative-speech genre)]. Krusin, L.P. (Ed.) *Sovremenniy russkii yazyk. Aktual'nye protsessy na rubezhe 20-21 vekov* [Contemporary Russian language. Actual processes at the turn of the 20th-21st centuries], Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., pp. 549-578. (in Russian)
- Koretnikova, L.I. (2006), Neofitsial'noe obshchenie v Internete [Informal communication on the Internet]. Kormilitsyna, M.A. (Ed.) *Problemy rechevoi kommunikatsii* [Problems of speech communication], interuniversity collection of scientific works, Iss. 6, Saratov, Saratov University Publ., pp. 155-160. (in Russian)
- Nesterova, N.G. (2015a), *Sovremenniy radiodiskurs (kommunikativno-pragmaticheskii aspekt)* [Modern radio discourse (communicative-pragmatic aspect)], Tomsk, Tomsk University Publ., 320 p. DOI: 10.17223/978-5-7511-2403-8. (in Russian)
- Nesterova, N.G. (2015b), Radio text as a hypertext. *Tomsk State University Journal of Philology*, No. 5, pp. 89-99. DOI: 10.17223/19986645/37/7. (in Russian)
- Nesterova, N.G. (2011), Communicative-pragmatic potential of evaluation in radio presenters speech. *Tomsk State University Journal*, No. 353, pp. 30-33. (in Russian)
- Savotina, V.M. (2012), Kommentarii na saitakh massovykh zhurnalov dlya muzhchin i zhenshchin [The comment on the websites of mass magazines for men and women]. Popova, T.I. (Ed.) *Internet-prostranstvo: rechevoi portret pol'zovatelya*

- [*Internet space: a verbal portrait of the user*], Collective Monograph, St. Petersburg, Eidos Publ., pp. 159-182. (in Russian)
- Solganik, G.Ya. (2005), How to Attribute Text and Media Text. *Moscow University Journalism Bulletin*, No. 2, pp. 7-15. (in Russian)
- Voznesenskaya, I.M. (2012), Rechevoi portret uchastnika internet-foruma [Speech portrait of the participant of an Internet forum]. Popova, T.I. (Ed.) *Internet-prostranstvo: rechevoi portret pol'zovatelya [Internet space: a verbal portrait of the user]*, Collective Monograph, St. Petersburg, Eidos Publ., pp. 12-58. (in Russian)
- Yermolenkina, L.I. (2008), Models of the author and addressee interaction in the discourse space of informative-entertaining radio. *Tomsk State University Journal of Philology*, No. 3 (4), pp. 18-26. (in Russian)
-

INTERNET COMMENT TO THE RADIO PROGRAM AS A COMMUNICATIVE UNIT OF RADIO TEXTS

N.G. Nesterova

Tomsk State University (Tomsk, Russia)

Abstract: The present article justifies the status of a new type of media text - Internet comment to the radio program, ensuring the real inclusion of listeners into dialogical communication with the radio host and other participants of the program - as a communicative unit of a radio text enhancing dialogical properties of radio discourse. The proposed approach in the study is determined by modern convergence processes in the mass media: new discursive practices served as a basis for considering radio text as a hypertext. The structural units of the radio text (micro- and macrotxts, namely: speech of the radio participants, Internet versions of radio programs, electronic messages, slogans, names of the radio stations and radio programs, informational broadcasts, news, weather forecast, astrological forecast, information on the exchange rate, advertising, break bumpers, cut-ins) constitute united discursive radio space. Furthermore, radio discourse as a non-linear, multi-level, multi-genre formation structurally represents a system of hypertexts. Their communicative identity is revealed based on the Internet comments to the cultural and educational radio program, as well as the nature of the language implementation of the evaluation strategy is analyzes.

Key words: Internet comment, new texts, communicative unit, radio text, radio discourse, hypertext, dialoguiness, evaluation strategy.

For citation:

Nesterova, N.G. (2018), Internet comment to the radio program as a communicative unit of radio texts. *Communication Studies*, No. 2 (16), pp. 138-151. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.2.138-151. (in Russian)

About the author:

Nesterova Natalia Georgievna, Prof., Associate Professor, Professor of the Chair of the Russian Language

Corresponding author:

Postal address: 36, Lenina pr., Tomsk, 634050, Russia

E-mail: nesterovatoms@mail.ru

Acknowledgments:

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research in the framework of the research project No. 17-29-09132 “New literacy” in new mass media texts

Received: September 13, 2017

ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОМСКОГО ПРОМЫШЛЕННОГО PR

Е.А. Никитина

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия)

Аннотация: Проводится анализ PR-деятельности промышленных предприятий Омска. Утверждается, что промышленная стратегия может стать имиджеобразующей для позиционирования Омского региона, чей негативный медиаобраз стал предметом профессионального и бытового обсуждения. Предложенный метод оценки эффективности PR-деятельности предприятия основан на сопоставлении субъективного и объективного имиджей омской промышленности. Субъективный имидж определяется на основе заявлений руководителей профильного министерства, а объективный имидж реконструируется в результате анкетирования населения региона и анализа федеральных СМИ с применением данных ИАС «Медialogия». PR-деятельность промышленных предприятий анализируется с точки зрения кадровой обеспеченности, концептуальной разработанности, event-эффективности и медийной активности. Эффективность деятельности PR-специалистов оценивается по степени признания их достижений профессиональным сообществом (рейтинги конкурсов в сфере рекламы и связей с общественностью). Доказывается, что успех создаваемого имиджа предприятия невозможен без разработки информационной стратегии, ошибочный выбор которой на омских предприятиях приводит к необходимости коррекции дальнейшего имиджа, а степень запоминаемости спецмероприятий омских промышленников оказывается довольно низкой: зачастую они не вызывают у целевых аудиторий направленную положительную эмоцию, способную заставить ассоциировать ее с предприятием. Спецификой регионального экономического дискурса называется и низкая медийная активность омских предприятий при наличии лидерских возможностей омской медиасистемы. Низкие медиаиндексы материалов об омской индустрии свидетельствуют о неумении омских промышленных пиарщиков создавать интересные инфоповоды. Исследование приводит к выводу о непродуктивности омского промышленного PR.

Ключевые слова: промышленный PR, оценка эффективности, Омск, имидж.

Для цитирования:

Никитина Е.А. Об эффективности омского промышленного PR // Коммуникативные исследования. 2018. № 2 (16). С. 152–162. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.2.152-162.

Сведения об авторе:

Никитина Елена Аркадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики

Контактная информация:

Почтовый адрес: 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а

E-mail: el_nikitina@rambler.ru

Дата поступления статьи: 03.09.2017

Имидж регионов с конца XX в. стал объектом многочисленных междисциплинарных исследований, среди которых постепенно сформировалось дискурсивное направление, обосновывающее коммуникативную основу формирования имиджа (см.: [Гавра 2009; Сушненкова 2011; Чумиков 2012; Терских, Маленова 2015; Имидж регионов России... 2016; Малышева, Гриднев 2016]).

К сожалению, по разным причинам объективного и субъективного характера медиаобраз Омска, который конструируется в федеральном информационном пространстве, характеризуется доминированием негативных черт. При этом следует отметить, что в основе формирования «сниженного» имиджа Омска лежит комплекс факторов: это и общемировая тенденция высокого медиаиндекса новостных сообщений с отрицательным аксиологическим модусом, и внутренние противоречия омской журналистики, и, конечно, особенности общественно-политической жизни региона. Сложившаяся в федеральных телевизионных СМИ практика репрезентации Омской области как региона – «поставщика» негативных новостей создает и укрепляет медиаобраз, основными составляющими которого становятся такие когнитивные стереотипы, как *‘Омск – город происшествий’*, *‘Омск – криминальный город’*, *‘В Омске небезопасно жить’*, *‘Омские дороги находятся в ужасном состоянии’*, *‘Омск – бесперспективный город’*, наконец, *‘В Омске практически нет ничего хорошего’* [Малышева, Гриднев 2016]. В то же время немногочисленные позитивные новости о городе и его жителях не способны изменить картину мира, складывающуюся у массовой аудитории, в силу их низкой частотности и слабого воздействующего потенциала. При этом омские исследователи отмечают редукцию традиционных омских публицистических моделей *«Омск – театральная столица»*, *«Омск – город-сад»*. С другой стороны, позитивный медиаобраз Омска сопровождается представлениями *‘Омск – культурно развитый город’*, *‘Омичи любят культурные события’*, *‘Омск – спортивная столица Сибири, город сильных спортсменов’*.

Экспертное сообщество Омска видит будущее позиционирование региона с опорой на промышленную, культурную, образовательную и спортивную составляющие. В рамках данной работы остановимся на возможностях позиционирования Омска как индустриально развитого региона.

В пользу этого решения говорят «достижения» омской промышленности. По мнению экс-министра промышленности, транспорта и инновационных технологий Омской области В.И. Белова, в Омске за последние 10 лет объем производства промышленной продукции вырос в 3,5 раза при таком же росте производительности труда: «...Омск обречен быть промышленным центром России, прежде всего в силу исторических причин. <...> ...Вся структура омской промышленности отличается от других регионов, она абсолютно диверсифицированная. Так, например, есть крупный нефтехимический комплекс с замкнутой цепочкой от переработки сырья до выпуска почти сотни наименований продукции. <...> ...Востребованность омских предприятий связана с их удачным сопряжением с крупными национальными проектами» (<http://press.mkrmedia.ru/events/belov-omsk.html>). Какова же реакция общественного мнения на столь высокие достижения омской индустрии?

В качестве инструмента оценки эффективности омского промышленного PR мы использовали анкетирование студентов гуманитарных специальностей ОмГУ им. Ф.М. Достоевского и анализ федеральных СМИ (исследование проводилось в марте 2017 г., число участников письменного опроса – 87 человек).

Студентам были заданы следующие вопросы:

1. *Чем может гордиться г. Омск?*
2. *Какие промышленные предприятия в Омске вы знаете?*
3. *Какую продукцию выпускают омские предприятия?*
4. *Назовите ассоциации к словосочетанию «промышленное предприятие».*

На первый вопрос самыми частотными ответами стали *Самый солнечный город, Спорт, Молодежный город*. Из более чем 80 крупнейших промышленных предприятий региона студенты назвали только *Нефтезавод, завод Баранова, радиозавод* и *«Какой-то каучук»* (имеется в виду одно из крупнейших предприятий г. Омска ПАО «Омский каучук»). Что касается выпускаемой на этих предприятиях продукции, то студентам известны *двигатели, радиодетали* и опять *«какой-то каучук»*. Предсказуемо негативными являются и ассоциации к словосочетанию «промышленное предприятие»: *трубы, дым, грязь, бетон, униформа, железо, баки, огонь, каски*. Как видим, результат нашего эксперимента весьма плачевен: студенты не знакомы ни с достижениями омской промышленности, ни с ее технологическими инновациями. Отметим, что и в опросах федеральных экспертов фигурируют те же омские предприятия.

Анализ федеральных СМИ был проведен с помощью информационно-аналитической системы «Медialogия» (<http://www.mlg.ru>). Поиск материалов был осуществлен во всех видах федеральных СМИ за период с апреля 2016 по апрель 2017 г. по объектам «Омская область» и названиям крупнейших предприятий региона, уже выделенным в системе. Кон-

текстный поиск был ограничен синонимичными основами *промышл**, *индустр**, *технолог**, *завод**, *производст**, *фабри**. ИАС «Медиалогия» выделила за целый год всего 56 упоминаний омских промышленных предприятий (причем оригинальных сообщений из них – без перепечаток – всего 34). В федеральном медиаполе «засветились» только «Алкогольная сибирская группа», «Омский бекон», «Омсктрансмаш», «Газпромнефть-Омск» и ГК «Аскон». Все публикации, по заключению «Медиалогии», носят нейтральный характер и довольно низкие медиаиндексы. Нейтральный характер публикаций дает хоть возможность дальнейшего усовершенствования информационных стратегий предприятий, а вот низкий медиаиндекс свидетельствует о неумении омских промышленных пиарщиков создавать интересные инфоповоды. Темами сообщений с медиаиндексом больше единицы стали:

1) *...по итогам 2015 года самым продаваемым спиртным напитком в России, согласно авторитетному британскому журналу Drinks International, стала водка "Пять Озер" (Алкогольная Сибирская группа);*

2) *...в некрологе российской промышленности указан Омский завод транспортного машиностроения (род. 1896 – убит 2009);*

3) *...в Омске на базе производственного объединения "Полет" открыт сборочный цех универсальных ракетных модулей для семейства ракет-носителей "Ангара";*

4) *...смерть производства РФ несет смерть и регионам. Это обрекает на безденежье миллионы бюджетных работников Вологды, Курска, Орла, Омска (и далее по списку);*

5) *Всероссийская акция "Антикапитализм-2016" прошла... в Омске...*

Остальные публикации об омских предприятиях за 2016–2017 гг. – это лишь упоминания их названий в списках или участников выставок, или партнеров каких-то иногородних предприятий. Даже беглый взгляд на эти темы заставляет усомниться в релевантности оценок ИАС «Медиалогия», но сейчас речь не об этом, а о том, почему омская промышленность столь слабо представлена в федеральном информационном поле, а значит, и о низкой эффективности омского промышленного PR.

Поскольку инструменты формирования имиджа обычно структурируются в соответствии с четырьмя составляющими имиджа: концептуальной, деятельностной, личностной и атрибутивной [Чижов 2006: 15], – анализ PR-деятельности омских промышленных предприятий проведем по указанным составляющим, делая акцент на кадровую обеспеченность, концептуальную, деятельностную и эмоциональную составляющие имиджа, а также на степень медийной активности предприятий.

1. Кадровая обеспеченность. В Министерстве промышленности, транспорта и инновационных технологий Омской области, курирующем это направление, а также в пресс-службах омских предприятий сотрудни-

ков с образованием по специальности «Реклама и связи с общественностью» практически не встретишь. Оценить эффективность действия персонала можно не только указанными выше методами медиаметрии и замеров общественного мнения, но и по степени признания достижений специалистов коллегами по профессиональному сообществу. К сожалению, нам известно лишь об участии в профессиональных конкурсах («Хрустальный апельсин», «Серебряный лучник», «Белое крыло» и др.) только PR-специалистов «Радиозавода им. А.С. Попова» с их проектами о проведении форума молодежного предпринимательства, о продвижении беспилотных летательных аппаратов, о снежном городке «Беловодье» [Пятьдесят лучших проектов... 2011: 451]. Между тем подобные профессиональные достижения ценны как сами по себе, так и вполне могут использоваться в качестве инфоповодов для региональных и федеральных СМИ; проекты-победители могут быть внедрены в практику преподавания в вузах по специальности «Реклама и связи с общественностью». Кстати, можно констатировать, что такое «преподавательское», «методическое» спонсорство в омском регионе оказывают как раз наиболее эффективные в плане связей с общественностью предприятия: читают специальные курсы в рамках образовательных программ омских вузов, входят в государственные аттестационные / экзаменационные комиссии учебных заведений, руководят практикой студентов, участвуют в организации студенческих конкурсов и фестивалей PR-специалисты Омского нефтезавода, ГК «Титан», «Радиозавода им. А.С. Попова», АО «ОНИИП».

2. Концептуальная составляющая. В теории связей с общественностью констатируется облигаторность разработки стратегических документов, в рамках которых выделяются «...основания, ключевые информационные послания и направления активности, призванные придать ясные и стройные очертания ведению повседневной деятельности по продвижению актуального имиджа объекта в сторону его позитивно узнаваемой репутации и далее – стойкого бренда» [Чумиков 2012: 86]. Только при условии существования единой (системной) информационной политики организации можно говорить об эффективной коммуникативной деятельности организации, а иногда и рассчитывать на синергетический эффект от деятельности информационных потоков организации. К основным видам документов, регламентирующих коммуникационную деятельность организации, относятся единая информационная политика, стратегия, концепция, видение, миссия, коммуникационная программа и под. Научной общественности региона не известна действующая информационная стратегия создания имиджа региона. В актуальной на сегодняшний день Ведомственной целевой программе «Поддержка и развитие СМИ на территории Омской области» и Стратегии социально-экономического развития Омской области до 2025 г. семантические элементы информационной стратегии не содержатся. Однако следует заметить, что тема промыш-

ленного PR стала обсуждаться в омском экспертном сообществе: объявлено о разработке губернаторской программы «Гордость омской индустрии», проводятся круглые столы в вузах, ведутся научные исследования имиджа промышленных предприятий региона. Только в 2016 г. Главное управление информационной политики Омской области, Омский государственный технический университет и информационный портал «Техносфера» учредили региональную премию медиапроектов «Техномедиа-сфера – 2017». Между тем уже сейчас ясно, что выбор информационной стратегии может определить успех создаваемого имиджа предприятия [Данюшина 2011; Иванова, Горчакова 2015; Никитина 2017]: так, сравнительный анализ имиджей двух алкогольных брендов – «Оша» и Absolut – приводит к выводу не в пользу стратегии омского бренда. Шведский бренд создается за счет коммуникаций вокруг традиционной рецептуры напитка, и это базовое сообщение доводится до потребителя через креативные спецпроекты, что позволяет компании поддерживать высокую медийную активность. Медиастратегия АТПП «Оша» основана на типичных для дискурса российских промышленных предприятий доминантах: *авторитет руководителя предприятия, социальная ответственность бизнеса, устойчивое развитие бизнеса*. Результатом этого становится относительно большое количество нейтральных или даже негативных публикаций, вследствие чего в медиадискурсе региона имидж АТПП «ОША» остается неоднозначным [Никитина, Вертипрахова 2016: 76].

Наши исследования российского экономического дискурса приводят к предварительному выводу о том, что набор дискурсивных промышленных доминант весьма ограничен: кроме уже названных стратегий *авторитет руководителя предприятия, социальная ответственность бизнеса, устойчивое развитие бизнеса* используются *инвестиционная привлекательность предприятия, импортозамещение, кадровый потенциал* и стратегия *товарного позиционирования*. Такая стратегическая инвариантность может быть актуализирована лишь креативностью PR-специалистов в разработке информационных поводов.

3. Деятельностная составляющая имиджа. PR-службы омских предприятий довольно активны в проведении различных спецмероприятий: почти везде проводятся так называемые «Дни без турникетов» (дни открытых дверей), предприятия организуют выездные мероприятия в школах и вузах, празднование юбилеев и конкурсы профессионального мастерства, оказывают спонсорскую и благотворительную помощь (например, «Титан» спонсирует культурные и образовательные проекты «Тотальный диктант», «ПАРК: галерея искусств», в рамках последнего изданы аудиокнига для детей «Сундучок историй. Омские писатели – детям» и альбом «Омск – третья столица. 1918–1919 гг.», организована выставка-лаборатория «Химия и искусство»). Многие предприятия включились в программы по промышленному туризму.

Данный инструмент создания и поддержки положительного имиджа для промышленного сектора, как и для бизнеса в целом, очень продуктивен. Например, спецмероприятия радиозавода им. А.С. Попова максимально передают такие доминанты имиджа предприятия, как *высокотехнологичная производственная деятельность, социальная ответственность бизнеса*. В сфере социальной активности предприятие прославилось такими своими проектами, как форум молодежного предпринимательства «Объединяя усилия, определяем будущее», ледовый городок «Беловодье», культурно-археологический комплекс «Стоянка Омская», спортивно-патриотический проект «Готов к труду и обороне», интеллектуальная игра «Знатоки краеведения» и др. Анализ event-деятельности завода позволяет дать следующую характеристику PR-кампаниям предприятия: по критерию предметной принадлежности проекты завода относятся и к культурной, и к рекреационно-развлекательной, и к политической (например, выдвижение 22 кандидатов в мэры), и, конечно, к экономической (продвижение беспилотного летательного аппарата «Омский беспилотник») сферам. По масштабу PR-кампании завода относятся и к региональному, и к международному уровням (в зависимости от задач и целевой аудитории). По длительности PR-кампании предприятия характеризуются как долгосрочные (от 3 месяцев до 1 года). По критерию типа базисного субъекта PR-кампании направлены на прирост публичного капитала промышленного предприятия. Имея собственный PR-отдел, по критерию типа технологического субъекта завод выполняет проекты собственными силами.

К сожалению, уровень многих мероприятий, организованных омскими промышленными предприятиями, и, следовательно, их эффективность не всегда соответствуют ожиданиям участников. Так, почти на всех предприятиях г. Омска действуют корпоративные музеи, но интерактивностью и востребованностью среди населения может похвастаться только музей «Радиозавода им. А.С. Попова».

4. Эмоциональность. Степень запоминаемости проводимых мероприятий, а значит, и степень эффективности PR-деятельности не в последнюю очередь зависят от способности вызвать эмоцию у целевых аудиторий и заставить ассоциировать ее с предприятием. За последние годы омичам запомнились массовые городские гуляния, организованные «Сибколбасами» (с привлечением celebrity) к Дню города, и новогодний сказочный городок «Беловодье» и другие мероприятия «Радиозавода им. А.С. Попова». Кстати, новый 2018 г. омичи встречали без участия радиозавода в декорировании города и без его креативной анимации – разница была ощутимой, и не в пользу других омских предприятий.

Наши наблюдения показывают, что в настоящее время понятие эмоциональности в PR-акциях идет параллельно с понятием «массовость».

5. Медийная активность. Спецификой регионального экономического дискурса можно считать низкую медийную активность омских предприятий. Например, предприятия строительной отрасли чаще используют рекламные методы продвижения, рассчитанные на частного потребителя их услуг. Многие предприятия вообще отказываются от медийной активности. Отношения со СМИ – всегда довольно болезненная тема для «промышленных» пиарщиков: *Мы им неинтересны; бесплатно писать о промышленности не хотят; они ничего не понимают в нашей специфике; мы закрытое предприятие, согласование со службой безопасности выматывает.* Приведем всего один омский пример: по итогам проведения Форума молодежного предпринимательства вследствие высокой упоминаемости в СМИ сайт производственного объединения «Радиозавод им. А.С. Попова» переместился в Яндекс с двенадцатого места на второе (при этом жанровое разнообразие материалов было довольно высоко, одних только пресс-релизов было написано на 24 новостных повода).

Нельзя не сказать и о качестве самих материалов, исходящих от PR-служб омских предприятий: они зачастую пишутся по шаблонным схемам без учета интересов целевых аудиторий, в них отсутствуют логические связи, используются номенклатурные номинации, сложные синтаксические конструкции и т. п. Эта «стилистическая» тема «производственных» текстов заслуживает особого исследовательского и методического интереса. Сейчас попробуем ответить на вопрос, способна ли омская журналистика реанимировать промышленную тему.

По данным исследования МГУ «Газетно-журнальная периодика городов-миллионников» (2016), омская медиасистема оказалась в группе лидеров (вместе с Ростовом-на-Дону, Волгоградом и Екатеринбургом), заняв второе место в рейтинге по совокупности медиапараметров [Свитич, Смирнова 2017: 303]. Это подтверждает высокие возможности самой омской медиасистемы. К сожалению, экономический пул омских журналистов весьма немногочисленный, и приходится констатировать, что эта сложная профессиональная сфера в омской журналистике формируется журналистами-универсалами, пишущими и снимающими на любые предложенные редакциями темы.

Итак, предложенный в данной статье метод оценки эффективности PR-деятельности предприятия, основанный на сопоставлении заявленного (субъективного) имиджа и образа омской промышленности, реконструированного в результате анкетирования жителей региона или анализа федеральных СМИ (объективный имидж), приводит к выводу о непродуктивности омского промышленного PR. Между тем именно промышленная стратегия может стать имиджеобразующей для позиционирования Омского региона.

Список литературы

- Гавра Д.П. Внешний имидж государства: понимание, категории и структурные модели // Имидж государства / региона: современные подходы: новые идеи в теории и практике коммуникации: сборник научных трудов. Вып. 3 / отв. ред. Д.П. Гавра. СПб.: Роза мира, 2009. С. 3–17.
- Данюшина Ю.А. Многоуровневый анализ англоязычного сетевого бизнес-дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 408 с.
- Иванова И.А., Горчакова Р.Р. Имидж промышленного предприятия: специфика, механизм формирования и оценка состояния // Экономический анализ: теория и практика. 2015. № 11 (410). С. 40–48.
- Имидж регионов России: инновационные технологии и стратегии ребрендинга / под ред. И.А. Василенко. М.: Международные отношения, 2016. 288 с.
- Мальшиева Е.Г., Гриднев Н.А. Формирование медиаобраза региона в федеральных телевизионных СМИ (на материале текстов об Омске) // Научный диалог. 2016. № 12 (60). С. 134–144.
- Никитина Е.А. Коммуникативные стратегии коррекции имиджа омского промышленного предприятия // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2017. № 4 (17). С. 66–71.
- Никитина Е.А., Вертипрахова Е.О. Коммуникативные стратегии в позиционировании социально неодобряемых товаров // Научный диалог. 2016. № 11 (59). С. 76–87.
- Пятьдесят лучших проектов Национальной премии в области развития общественных связей «Серебряный лучник» 2008–2009 гг. Ульяновск, 2011. 624 с.
- Свитич Л.Г., Смирнова О.В. Функционально-тематическая структура печати городов-миллионников // Журналистика в 2016 г.: творчество, профессия, индустрия: сборник материалов международной научно-практической конференции. М.: МедиаМир, 2017. С. 303–304.
- Сушненкова И.А. Лингвокогнитивное исследование регионального имиджа: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2011. 27 с.
- Терских М.В., Маленова Е.Д. Медиаобраз сибирского региона: лингвокогнитивное моделирование. Омск, 2015. 160 с.
- Чижев Д. Имидж российских регионов: стратегия и методы продвижения // *Publicity*. 2006. № 1 (1). С. 15–18.
- Чумиков А.Н. Реклама и связи с общественностью: имидж, репутация, бренд: учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 2012. 159 с.

References

- (2011), *Fifty best projects of the National Award in the field of development of public relations "Silver archer" 2008-2009*, Ulyanovsk, 624 p. (in Russian)
- Chizhov, D. (2006), *Imidzh rossiiskikh regionov: strategiya i metody prodvizheniya* [The image of Russian regions: strategy and methods of promotion]. *Publicity*, No. 1 (1), pp. 15-18. (in Russian)
- Chumikov, A.N. (2012), *Reklama i svyazi s obshchestvennost'yu: imidzh, reputatsiya, brend* [Advertising and public relations: image, reputation, brand], Moscow, Aspekt Press Publ., 159 p. (in Russian)

- Danyushina, Yu.A. (2011), *Mnogourovnevnyi analiz angloyazychnogo setevogo biznes-diskursa* [Multilevel analysis of the English-language network business discourse], Dissertation, Moscow, 408 p. (in Russian)
- Gavra, D.P. (2009), Vneshnii imidzh gosudarstva: ponimanie, kategorii i strukturnye modeli [Image of the state: understanding, categories and structural models]. Gavra, D.P. (Ed.) *Imidzh gosudarstva / regiona: sovremennye podkhody: novye idei v teorii i praktike kommunikatsii* [State / regional image: modern approaches: new ideas in communication theory and practice], collected articles, Iss. 3, St. Petersburg, Roza mira Publ., pp. 3-17. (in Russian)
- Ivanova, I.A., Gorchakova, R.R. (2015), The image of the industrial enterprise: specificity, mechanism of creation, and the assessment. *Economic Analysis: Theory and Practice*, No. 11 (410), pp. 40-48. (in Russian)
- Malysheva, Ye.G., Gridnev, N.A. (2016), Constructing a Media Image of Region in Federal Television Media (by Example of Texts about Omsk). *Nauchnyy Dialog* [Scientific Dialogue], No. 12 (60), pp. 134-144. (in Russian)
- Nikitina, E.A. (2017), Communicative strategies of the image correction by the example of omsk industrial enterprise. *Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research*, No. 4 (17), pp. 66-71. (in Russian)
- Nikitina, Ye.A., Vertiprakhova, Ye.O. (2016), Communicative Strategies in Positioning of Socially Unapproved Products. *Nauchnyy Dialog* [Scientific Dialogue], No. 11 (59), pp. 76-87. (in Russian)
- Svitich, L.G., Smirnova, O.V. (2017), Funktsional'no-tematicheskaya struktura pechati gorodov-millionnikov [Functional and thematic structure of the printing media of cities with population over one million]. *Zhurnalistika v 2016 godu: tvorchestvo, professiya, industriya* [Journalism in 2016: creativity, profession, industry], collected articles, Moscow, MediaMir Publ., pp. 303-304. (in Russian)
- Sushnenkova, I.A. (2011), *Lingvokognitivnoe issledovanie regional'nogo imidzha* [Linguo-cognitive study of regional image], Author's abstract, Omsk, 27 p. (in Russian)
- Terskikh, M.V., Malenova, E.D. (2015), *Mediaobraz sibirskogo regiona: lingvokognitivnoe modelirovanie* [Media image of the Siberian region: linguo-cognitive modelling], Omsk, 160 p. (in Russian)
- Vasilenko, I.A. (Ed.) (2016), *Imidzh regionov Rossii: innovatsionnye tekhnologii i strategii rebrendinga* [Image of Russian regions: innovative technologies and re-branding strategies], Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 288 p. (in Russian)

ABOUT THE EFFICIENCY OF OMSK INDUSTRIAL PR

E.A. Nikitina

Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

Abstract: The article analyzes PR activity of industrial enterprises in Omsk. The author believes that the industrial strategy can become an image-forming one for positioning the Omsk region, which negative media image has become the subject of professional and amateur discussion. The proposed method for evaluating the ef-

fectiveness of PR activities of an enterprise is based on a comparison of the subjective and objective images of Omsk industry. The subjective image is determined on the basis of the statements of the heads of the relevant ministry, and the objective image is created as the result of the questioning of population of the region and analysis of the federal media using the IAS Medialogy data. The author analyzes PR activities of industrial enterprises in terms of personnel, conceptual design, event-effectiveness and media activity. The effectiveness of the activities of PR professionals is evaluated by the degree of recognition of their achievements by the professional community (ratings of competitions in the field of advertising and public relations). The success of the created image of the enterprise is impossible without the development of an information strategy, the wrong choice of which leads to the need for correction of further image at Omsk enterprises. Quite low is the degree of memorability of special events of Omsk industrialists: often they do not cause the target audience a directed positive emotion that can make it associate with the enterprise. A specific feature of regional economic discourse is the low media activity of Omsk enterprises even having the leadership capabilities of the Omsk media system. Low media indices of the materials about Omsk industry testify to the inability of Omsk industrial PR specialists to create interesting newsworthy event. The study leads to the conclusion that Omsk industrial PR is not productive.

Key words: industrial PR, performance evaluation, Omsk, image.

For citation:

Nikitina, E.A. (2018), About the efficiency of Omsk industrial PR. *Communication Studies*, No. 2 (16), pp. 152-162. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.2.152-162. (in Russian)

About the author:

Nikitina Elena Arkadievna, Dr., Associate Professor of the Chair of Theoretical and Applied Linguistics

Corresponding author:

Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia

E-mail: el_nikitina@rambler.ru

Received: September 3, 2017

Раздел IV

**КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ
ПЕРЕВОДА**

Part IV

**COMMUNICATIVE ASPECTS
OF TRANSLATION**

СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ КУЛЬТУРНОЙ СЕМАНТИКИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ

М.В. Моисеев

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия)

Аннотация: Рассматриваются особенности передачи при переводе с английского языка на русский содержащих культурные семы и культурные коннотации единиц языка и дискурса, отражающих культурные концепты либо относящихся к культурному фону, для достижения максимальной адекватности и эквивалентности, поскольку определенные виды культурно обусловленной информации или культурной семантики обладают собственными специфическими характеристиками. На примере лингвокультурологического сопоставительного анализа трех текстов художественных произведений на английском языке и их переводов на русский язык показано, что принципиально важным фактором повышения качества перевода становится выявление и адекватная интерпретация культурной семантики языковых единиц. Делается вывод, что переводческие трансформации опущения лексических единиц и генерализации часто приводят к утрате культурно обусловленной информации, тогда как трансформация компенсации в большинстве случаев является достаточно эффективным способом передачи культурной семантики. На основании герменевтического подхода к пониманию процесса перевода выделяются следующие виды передачи культурной семантики: собственно герменевтический, собственно переводческий, герменевтически-переводческий и ассоциативно-герменевтический.

Ключевые слова: культурная семантика, перевод, способ передачи культурно обусловленной информации, переводческая трансформация, генерализация, опущение, компенсация, добавление, собственно герменевтический способ, собственно переводческий способ, герменевтически-переводческий способ, ассоциативно-герменевтический способ.

Для цитирования:

Моисеев М.В. Способы передачи культурной семантики при переводе англоязычных художественных текстов // Коммуникативные исследования. 2018. № 2 (16). С. 165–181. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.2.165-181.

Сведения об авторе:

Моисеев Михаил Владимирович, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английской филологии

Контактная информация:

Почтовый адрес: 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а

E-mail: mikh.moiseev2015@yandex.ru

Дата поступления статьи: 31.08.2017

Введение

Распространение антропоцентрической парадигмы в различных областях лингвистики обуславливает актуальность исследования проблем перевода с позиций лингвокультурологии. Лингвокультурологический подход к процессу перевода предполагает учет взаимосвязи языка и культуры, в частности влияния культуры на возникновение у единиц языка и дискурса определенных культурных смыслов и коннотаций. Между культурой и языком существуют сложные взаимосвязи, опосредуемые целым комплексом социально наследуемых знаний и отношений, запечатленных в семантике слов и выражений [Белая 2016: 170].

Как отметил В.И. Карасик, системный речевой акт представляет собой культурно обусловленное явление, для интерпретации которого необходима значительная информация [Карасик 2002: 122]. Очень часто ошибки и неточности в переводе являются следствием отсутствия культурной информации в когнитивной базе переводчика, недостаточного объема данной информации или ее неверной интерпретации.

Теоретическая база исследования

Основные положения, позволяющие изучать адекватность передачи культурных смыслов в процессе перевода английских текстов, были сформулированы в работах В.И. Карасика [Карасик 2002], В.Н. Телия [Телия 1994], В.В. Богданова [Богданов 1990], Н.К. Гарбовского [Гарбовский 2007] и Т.А. Казаковой [Казакова 2016].

По мнению В.Н. Телия, культурная семантика включает в себя культурные семы, культурные концепты, культурный фон и культурные коннотации. Согласно ее определению, культурные семы представляют собой культурно маркированные смыслы, входящие в денотативный аспект значения, обозначающего идиоэтнические реалии, которые являются предметом рассмотрения лингвострановедения. Значения культурных концептов – итог идиоэтнической концептуализации культурно значимых непредметных сущностей. К культурному фону она относит не входящие в собственно значение культурно маркированные ассоциации, проявляющиеся в дискурсе. Культурные коннотации – интерпретации языкового знака на основе ассоциаций с эталонами, стереотипами и т. п. [Телия 1994].

В.Н. Телия выявила специфику каждого из вышеупомянутых видов проявлений культурной семантики, и эти особенности необходимо при-

нимать во внимание при переводе текстов с иностранного языка на русский, так как переводчику приходится учитывать не только эксплицитно выраженные смыслы, но и имплицитные смыслы высказывания. Как отмечал В.В. Богданов, общение на уровне импликатур широко используется среди образованной части населения, потому что оно считается более престижным видом вербальной коммуникации, так как для понимания многих импликатур адресат должен располагать соответствующим уровнем интеллектуального развития [Богданов 1990: 21]. Вместе с тем, наиболее сложными для перевода информационными компонентами текста являются импликационно открытые знаки [Казакова 2016: 44].

Постановка проблемы

Одной из основных задач перевода является обеспечение соответствующего воздействия на реципиента, заключающегося в продуцировании у него интеллектуальной или эмоциональной реакции, соответствующей авторской интенции. Понимание данной интенции и адекватная интерпретация возможны только при условии выявления и соответствующей передачи смысла высказывания, как правило детерминированного культурой той нации, к которой принадлежит автор текста. Переводчики, не понимая культурной обусловленности того или иного фрагмента текста, часто опускают соответствующие предложения или словосочетания.

Опущение лексических единиц или их сочетаний относится к одному из видов переводческих трансформаций и является допустимым в определенных случаях, но пропуск в процессе перевода единиц языка или дискурса, представленных в оригинальном тексте и манифестирующих культурно маркированные ассоциации, ведет, как правило, к утрате имплицитно выраженной культурной семантики.

Например, в романе П.Г. Вудхауза **Heavy Weather** («Задохнуться можно») дворецкий получает от одного из гостей замка, вызывающего у него отвращение и даже ненависть, поручение принести ему бутылку шампанского. Эмоциональное состояние дворецкого описывается далее следующим образом: *There in a nutshell, he was feeling you had the tragedy of a butler's life. His not to reason why; his not to discriminate between the deserving and the undeserving; his but to go and bring bottles of champagne to marcelled-haired snakes to whom he would greatly have preferred to supply straight cyanide* (Wodehouse. *Heavy Weather*).

Выделенные лексические единицы представляют собой измененную автором часть прецедентного для английской лингвокультуры высказывания, источником которого является поэма А. Теннисона **The Charge of the Light Brigade** (1854): *Theirs not to reason why, Theirs but to do and die*. В ходе Крымской войны британская кавалерийская бригада беспрекословно выполнила ошибочный приказ в конном строю атаковать

артиллерийские позиции русской армии, хотя и солдаты и офицеры понимали, что они идут на верную смерть. В результате погибли сотни британских военнослужащих. По данным лингвокультурологического словаря Longman Dictionary of English Language and Culture, у жителей Великобритании в настоящее время Крымская война ассоциируется с двумя прецедентными феноменами: прецедентной ситуацией и текстом *The Charge of the Light Brigade* и прецедентным именем *Florence Nightingale*. Использование дворцовым данным высказывания в одном контексте с сочетанием слов *the tragedy of a butler's life*, во-первых, имплицитно выражает культурно маркированные трагические ассоциации, относящиеся к культурному фону, а во-вторых, также имплицитно показывает, что дворецкий, добросовестно относящийся к своим обязанностям, ассоциирует себя с воином, жертвующим собой во имя долга.

В переводе эта часть прецедентного высказывания была пропущена: *Бидж пошел за шампанским. Он был невесел. И то сказать, дворецкий не судит, не отделяет правых от неправых, а носит вино субъектам, которым, будь его воля, предложил бы хороший мышьяк* (Вудхауз. Задохнуться можно). В результате авторская ирония, выраженная на уровне импликатур, теряется.

Как отмечал Ю.П. Солодуб, главным критерием оценки качества художественного перевода является адекватность эстетического воздействия оригинального текста и текста его перевода [Солодуб 2005: 22]. В данном случае это воздействие не представляется адекватным и, следовательно, текст перевода вышеприведенного отрывка не соответствует главному критерию.

Анализ текстов произведений, написанных на английском языке, и их русских переводов показывает, что культурная семантика может не передаваться с достаточной степенью адекватности даже в тех случаях, когда переводчики не прибегают к опущению, а используют переводческие трансформации (генерализацию, конкретизацию, компенсацию и т. д.). Лингвокультурный анализ текста предоставляет возможность выявить культурно маркированные смыслы и предложить адекватный способ их передачи средствами русского языка для реализации прагматического потенциала текста.

Методология исследования

Анализ проявлений культурной семантики в дискурсе того или иного английского или американского автора и степени их отражения в переводах на русский язык требует применения сопоставительного метода исследования. Сопоставительный анализ слов в семасиологическом плане – это выявление отличительных признаков на уровне основных компонентов содержательной структуры слова, а также особенностей реализации лексических значений, которые выходят за рамки устойчивых сис-

темных отношений, очерчивая контуры смысла слов [Манакин 2004: 156]. Но для выявления культурно маркированных смыслов слов представляется необходимым дополнить сопоставительный анализ лингвокультурологическим. Актуальность применения данного анализа в оценке адекватности переводов обусловлена различиями в языковых картинах мира носителей английской и русской лингвокультур. Таким образом, в рамках данного исследования предпринимается сопоставительный лингвокультурологический переводческий анализ текстов. Основными этапами сопоставительного метода являются установление основания сопоставления, сопоставительная интерпретация и типологическая характеристика. В данном исследовании в качестве основания сопоставления выступают языковые репрезентации рассмотренных выше видов проявления культурной семантики в английских текстах и лексические единицы, соответствующие им в русских переводах.

Базу исследования составили 487 текстовых извлечений, содержащих культурно-маркированную информацию, отобранных методом сплошной выборки из трех произведений на английском языке: *The Da Vinci Code* («Код да Винчи») Д. Брауна, *The Sign of the Four* («Знак четырех») А.К. Дойла, *Heavy Weather* («Задохнуться можно») П.Г. Вудхауза – и их переводов на русский язык. Для иллюстрации отдельных положений статьи привлекаются примеры из переводов на русский язык текстов, не вошедших в базу исследования, но представляющих большой интерес для анализа переводческих способов передачи культурной семантики.

Эффективность способов передачи культурной семантики в переводах английских текстов на русский язык

Лингвокультурологический сопоставительный анализ текстов художественных произведений на английском языке и их переводов на русский язык показал, что принципиально важным фактором повышения качества перевода является выявление и адекватная интерпретация культурной семантики языковых единиц. Часто к категории языковых единиц, характеризующихся культурной семантикой, относят в основном реалии. На самом деле круг языковых единиц, передающих культурные смыслы, значительно шире обычно рассматриваемых в связи с этим реалий, поскольку почти каждый языковой знак может «обрастать культурными коннотациями» [Беляевская 2016: 28].

Так как каждый из видов проявления культурной семантики обладает характерными особенностями, то представляется необходимым учитывать данные отличия при выборе способа их передачи в процессе перевода.

В частности, культурные концепты, являясь результатом идиоэтнической концептуализации культурно значимых непредметных сущностей, предполагают герменевтический подход к их анализу и комменти-

рованию, потому что их смысл, сформировавшийся в рамках одной лингвокультуры и являющийся достаточно очевидным для ее носителей, может оставаться неявным для представителей другой лингвокультуры.

Комментарий как жанр герменевтического дискурса представляет собой вторичное образование и выполняет функции разъяснения, подтверждения, уточнения и критической оценки информации, которая содержится в исходном тексте [Карасик 2009: 46]. Содержание и тип переводческого комментария должны соответствовать той функции, которую он выполняет в каждом конкретном случае. Выделяются следующие типы переводческого комментария: объясняющий, уточняющий, сопоставительный, переводной, критический [Моисеев 2014: 134]. Одним из наиболее часто используемых переводчиками типов комментария является словарный комментарий, который совпадает по форме и содержанию со статьей двуязычного словаря. Основной недостаток этого способа передачи культурной семантики заключается в ориентации переводчиков на информацию, содержащуюся в соответствующих двуязычных словарях. Тогда как для повышения степени адекватности отражения содержания культурного концепта, представленного в оригинальном тексте, более надежными источниками представляются толковые словари английского языка. Оптимального уровня адекватности перевода можно достичь при сочетании дефиниционного анализа соответствующих статей толковых словарей с герменевтическим анализом текста, используя методику герменевтического круга.

Например, в переводе романа Т. Пратчетта **Dodger** («Финт») одну из главных героинь окружающие называли Симплисити (простота, простодушие), так как считали, что из-за перенесенных потрясений ее рассудок пострадал, а свое настоящее имя она не сообщала. Для того чтобы спасти девушку от преследований могущественных врагов молодой человек, влюбленный в нее, инсценирует ее смерть. В конце романа бывшая Симплисити выступает как совершенно новая личность и перед ней встает проблема выбора нового имени. На вопрос, как ее зовут, она ответила: *Serendipity*. С целью пояснения смысла этого имени переводчик использует словарный комментарий: *Буквально прозорливость, интуиция* (Пратчетт. Финт).

Очевидно, что переводчик ориентировался на трактовку значения этой лексической единицы в Новом Большом англо-русском словаре, где оно определяется только как «счастливая способность к открытиям, интуитивная прозорливость» [Новый Большой англо-русском словарь 1995: 199]. На самом деле это слово обладает не одним значением. Его создал и ввел в практику общения английский писатель Хорас Уолпол в значении: *the occurrence and development of events by chance in a happy or beneficial way* [The Concise Oxford Dictionary of Phrase and Fable 2003: 478]. Дефиниционный анализ значения этой лексемы позволяет выявить семы 'слу-

чай', 'развитие', 'событие', 'случайный', 'счастливый', 'благоприятный'. На основании данного анализа значение слова можно интерпретировать как случайное благоприятное развитие событий. Аналогичную дефиницию данной лексической единицы предлагает Oxford Advanced Learners' Dictionary: the fact of something interesting or pleasant happening by chance [Hornby 2005: 1166]. Конечно, некоторые английские словари фиксируют и значение, сходное с предлагаемым в Новом Большом англо-русском словаре. Например, Longman Dictionary of English Language and Culture определяет следующее значение слова *serendipity*: the natural ability to make interesting or valuable discoveries by accident [Longman Dictionary of English Language and Culture 2003: 1227]. Анализ данной дефиниции позволяет выделить семы 'естественная', 'способность', 'совершать', 'интересный', 'ценный', 'открытия', 'случайно'. Таким образом, мы видим, что часть сем в вышеприведенных значениях совпадает, но две категориальные семы различаются. В одном значении – это **случай, событие**, а в другом – **способность**. Следовательно, два значения принципиально различаются, так как одно соотносится с врожденной способностью человека, а второе – с благоприятным развитием событий, не зависящим от способностей человека. Но второе значение следует считать первичным, так как слово впервые было употреблено именно в этом значении, а значение, соотносящееся со способностью человека, сформировалось только в XX в. Но использование лексемы в последнем значении в настоящее время является более частотным.

В научной коммуникации серендипность часто понимают как талант совершать случайные открытия [Рулёв 2017: 3]. Но существует и отличная интерпретация значения данной лексемы. Лауреат Нобелевской премии в области химии Акира Судзуки утверждает, что серендипность – это феномен непреднамеренного обнаружения ценной или полезной информации, часто встречающийся в научных открытиях [Рулёв 2017: 10].

Лексема *serendipity* номинирует культурный концепт, так как, во-первых, его значение представляет собой итог идиоэтнической концептуализации культурно значимой непредметной сущности, а во-вторых, по данным опроса, проведенного издательством Bloomsbury Publishing в 2010 г., это слово оказалось во главе списка самых излюбленных слов английского языка. Идиоэтническая специфика номинируемой сущности проявляется и в том, что слово *serendipity* было включено в список слов, наиболее трудных для перевода на другие языки, составленный английскими переводческими компаниями.

Для определения адекватности передачи культурной семантики слова *serendipity* представляется целесообразным дополнить дефиниционный анализ лексемы, номинирующей культурный концепт, герменевтическим анализом текста.

На первый взгляд оппозиция *Serendipiti* (прозорливость) и *Симплисити* (простота) выглядит вполне естественно, но героиня, названная таким образом, на протяжении всего произведения хотя и демонстрирует остроту ума и независимость, но отличается ироничным отношением ко многим событиям и людям, и прежде всего к собственной персоне. Поэтому подобная самохарактеристика диссоциирует с остальным ее поведением. Кроме того, проявляя решительность, храбрость и целеустремленность, она не демонстрирует особой прозорливости. Напротив, избавление девушки от опасностей обусловлено лишь везением, так как пришедший ей на выручку юноша, спасший ее от похитителей, оказался на месте совершенно случайно. Также счастливой случайностью явилась помощь Чарльза Диккенса и его друга Генри Мэйхью. Вся последующая цепь событий представляет собой как результат инициативы главного героя, так и счастливого стечения обстоятельств, включая внутрисполитическую и международную обстановку. Наконец, действие романа происходит в Англии в 1840-е гг., начало Викторианской эпохи, когда слово *serendipity* не обладало значением *the natural ability to make interesting or valuable discoveries by accident*. Представляется маловероятным, что такой тонко чувствующий язык автор, как Т. Пратчетт, не принял этого во внимание. Учитывая результаты дефиниционного и герменевтического анализа, можно утверждать, что более адекватным способом передачи имени Серендипити в данном случае является ‘счастливый случай, везение’.

Так как по определению В.Н. Телия культурные семы представляют собой культурно маркированные смыслы, входящие в денотативный аспект значения лексических единиц, обозначающих идиоэтнические реалии, то для достижения адекватности их передачи при переводе необходимо учитывать положения и методологию лингвострановедения.

Например, в переводе романа П.Г. Вудхауза молодой англичанин, прибыв в замок своего дяди – лорда и спустившись в столовую к обеду, узнает от дворецкого, что предстоит званый ужин, на котором будут присутствовать не только члены семьи, но и приглашенные гости, говорит: *Пойду, надену белый галстук* (Вудхауз. Задохнуться можно). В оригинале используется словосочетание *white tie*. Конечно, его можно перевести буквально как *белый галстук*, но методология лингвострановедения предполагает рассмотрение лексических единиц, обозначающих реалии, в контексте культуры изучаемого языка. Английский этикет сферы светских мероприятий является весьма формализованным в отношении одежды, особенно в среде аристократии и дворянства, поэтому многие объекты имеют устойчивые обозначения с ярко выраженными культурными смыслами. Словосочетание *white tie* подразумевает либо фракный галстук, либо фрак. Указание в приглашении на торжественное мероприятие *white tie* означает, что мужчины должны прибыть во фраках, а женщины – в вечерних туалетах. Строгий костюм к обеду является обязательным требо-

ванием в среде английской аристократии, но в случае званого обеда или ужина его недостаточно, необходимым атрибутом такого мероприятия становится фрак. Следовательно, герой произведения П.Г. Вудхауза не просто заявляет о намерении надеть галстук белого цвета, а констатирует необходимость надеть фракный костюм, неотъемлемым элементом которого выступает белый фракный галстук, с связи с изменением статуса вечернего приема пищи.

При передачи культурных сем, связанных с английскими реалиями, могут использоваться как собственно герменевтический способ, представляющий собой комментарий к тексту, так и герменевтически-переводческий способ, представляющий собой расширенную экспликацию. Экпликация является одной из распространенных переводческих трансформаций, сущность которой заключается в объяснении природы или категории объекта, обозначаемого лексической единицей или сочетанием лексем в исходном тексте. Данная трансформация применяется в случае отсутствия в языке перевода соответствующего эквивалента, и, как правило, используется для передачи реалий.

Например, в переводе романа Д. Брауна «Код да Винчи» ведущая вечера, на котором профессор Лэнгдон должен выступить с лекцией, объявляя почетного гостя, заявляет: *И вот сегодня я хотела представить его вам, очертив столь впечатляющий curriculum vitae этого человека* (Браун. Код да Винчи). *Curriculum vitae* (или CV) обозначает одну из реалий британской культуры – документ, который составляет практически каждый соискатель той или иной должности. Поэтому британцы знают его структуру и особенности. В учебнике делового английского языка Business Benchmark приводится определение CV: an outline (description of the main facts) of a person's educational and professional history [Whitby 2006: 91]. Таким образом, это устойчивое словосочетание предполагает сообщение основных сведений о человеке (образование, опыт работы, увлечения и т. п.). Для пояснения значения этой реалии переводчик избрал собственно герменевтический способ в форме комментария: *Круг жизни (лат)*. В зависимости от своей функции комментарий согласно типологии В.И. Карасика может быть разъясняющим, подтверждающим, уточняющим и критическим [Карасик 2009: 43–45]. Разъясняющий комментарий поясняет сущность объекта, подтверждающий – подтверждает сведения предполагаемого реципиента информации, уточняющий – конкретизирует их, а критический – опровергает информацию, содержащуюся в тексте. В данном случае переводческий комментарий не выполняет ни одну из вышеперечисленных функций и, соответственно, не относится ни к одному из вышеперечисленных типов, так как он только сообщает дополнительную и второстепенную для понимания информацию об устойчивом словосочетании, обозначающим реалию (его первичное значение и этимологию). Таким образом, его следует отнести к дополняющему типу. Недо-

статком данного способа передачи культурной семантики является отсутствие указаний на культурно маркированные ассоциации.

Анализ контекста предложения: *I had planned to introduce him to-night by sharing his impressive curriculum vitae* (Brown. The Da Vinci Code) – показывает, что при переводе этой части текста более адекватным был бы собственно переводческий способ в виде подбора функционального аналога. В качестве такового может выступить слово *резюме*, которое становится сейчас всё более известным носителям русской лингвокультуры под влиянием американского варианта, в котором вместо *curriculum vitae* (или *CV*) используется его эквивалент *résumé*.

Основным условием применения герменевтически-переводческого способа (расширенной экспликации) для передачи культурных сем, связанных с английскими реалиями, является тщательный лингвострановедческий анализ текста. При отсутствии такого анализа следствием расширенной экспликации реалии может быть сообщение неполной, неточной информации либо информации, имеющей слишком общий характер, не отражающий культурные семы. В процессе перевода довольно часто используется трансформация, известная как генерализация. По определению Н.К. Гарбовского генерализацией называется трансформационная операция, в ходе которой переводчик, следуя по цепочке обобщения, заменяет понятие с более ограниченным объемом и более сложным содержанием, заключенное в слове или словосочетании исходного текста, понятием с более широким объемом, но менее сложным, менее конкретным содержанием [Гарбовский 2007: 426]. Таким образом, генерализация предполагает сокращение элементов содержания и может привести к утрате компонентов культурно маркированной информации.

Например, в романе П.Г. Вудхауза место, где собирались обитатели замка лорда перед обедом, описывается следующим образом: *the combination drawing room and picture gallery* (Wodehouse. Heavy Weather). В переводе этому сочетанию слов соответствует *увешанная картинами комната* (Вудхауз. Задохнуться можно). Замена лексемы *drawing room* (гостиная) ее гиперонимом (*комната*) представляет собой переводческую трансформацию генерализации и ведет к утрате культурного смысла, потому что в среде британской аристократии в 1930-е гг. было принято собираться именно в гостиной, перед тем как перейти в столовую. А стены гостиных в английских замках традиционно украшались большим количеством картин.

Более предпочтительным представляется использование при переводе трансформации компенсации. Этот прием применяется в тех случаях, когда определенные элементы текста не имеют эквивалентов в переводящем языке и не могут быть переданы его средствами. В этих случаях, чтобы восполнить семантическую потерю, переводчик передает ту же самую информацию каким-либо другим средством, причем необязательно в том же самом месте текста, что и в подлиннике [Бархударов 1975: 219].

В 76 текстовых извлечениях с применением переводчиком трансформации компенсации культурная семантика была передана с достаточной степенью адекватности. Следовательно, компенсация более, чем генерализация или конкретизация, отвечает главному критерию оценки качества художественного перевода – адекватности эстетического воздействия оригинального текста и текста его перевода.

Самым нежелательным следствием отсутствия лингвострановедческого анализа при экспликации реалии является сообщение неверной информации, так как в этом случае в переводе часто возникает квазиденотат. Под квазиденотатом в данной работе понимается объект, соответствующий реалии, обозначаемой лексемами, используемыми переводчиком в тексте, который, хотя и воспринимается русскими реципиентами информации как правдоподобный, на самом деле не существует в английской культуре.

Например, в переводе романа А.К. Дойла «Знак четырех», выполненном М. Литвиновой, доктор Уотсон по поручению Шерлока Холмса отправляется за собакой в Ламбет и, выполнив задание, возвращается в особняк, в котором находился сыщик: *На дворце Ламбетского епископа как раз пробило три, когда я во второй раз за эту ночь очутился у ворот Пондшери-Лодж* (Дойл. Знак четырех). В тексте оригинала использовано сочетание слов *the Palace clock* (Doyle. The Sign of the Four). В данном случае *дворец Ламбетского епископа* представляет собой квазиденотат, так как до 1889 г., когда было написано это произведение, Ламбет являлся деревней в составе графства Суррей. Епископа Ламбетского просто не существовало. Единственный дворец, находившийся в этом месте, являлся резиденцией архиепископа Кентерберийского, духовного главы Церкви Англии в Соединенном Королевстве. Используя экспликацию для объяснения реалии *the Palace*, переводчик создает квазиденотат *дворец Ламбетского епископа*.

Способ передачи явлений, относящихся к культурному фону, зависит прежде всего от степени актуальности того или иного явления для когнитивной базы носителей переводящего языка. Например, прецедентные феномены могут храниться в когнитивной базе представителей английской лингвокультуры. В таком случае они относятся к национальным прецедентным феноменам и в целом неизвестны представителям русской лингвокультуры. В таком случае комментарий представляется необходимым. С другой стороны, межнациональные (или межкультурные) прецедентные феномены существуют в когнитивной базе носителей и английской, и русской лингвокультур, но степень их актуальности для представителей разных культур может варьироваться. Например, поэма Э. По **Raven** («Ворон») относится к классической мировой литературе и представляет собой прецедентный текст, но для когнитивной базы носителей английского языка он более актуален, так как входит в программу изуче-

ния литературы. Поэтому апелляции к данному прецедентному феномену в дискурсе распознаются легко. Для когнитивной базы носителей русского языка и культуры степень его актуальности менее значительна и распознавание апелляции к нему в дискурсе будет более проблематичным. В этом случае более эффективным с позиций прагматической адекватности и сохранения авторской интенциональности способом передачи культурно маркированных ассоциаций, проявляющихся в дискурсе, представляется способ, который можно определить как ассоциативно-герменевтический вид передачи имплицитного смысла.

Для того чтобы передать неявный смысл фрагмента текста, переводчику приходится прибегать к трансформациям, способствующим формированию у реципиента возможной ассоциации с явлением, к которому апеллирует автор текста. К таким преобразованиям можно отнести добавление. Например, в следующем отрывке из перевода романа Т. Пратчетта были добавлены слова «поэт» и «воображение» для конкретизации тематической сферы-источника прецедентного для английской лингвокультуры текста поэмы Э. По «Ворон». Эти добавления были вызваны необходимостью облегчения распознавания апелляции в дискурсе к прецедентному феномену, культурно маркированные ассоциации с которым для когнитивной базы представителей русской лингвокультуры не столь значительны.

*– Я ведь ворон, не так ли? – произнес бывший сверток. – Одна из немногих птиц, умеющих разговаривать. А люди, стоит им только увидеть меня, сразу начинают твердить: «О, так ты ворон, значит? А ну-ка, скажи нам слово на букву "Н"...» А все этот **поэт** со своим **воображением** (Т. Пратчетт. Роковая музыка).*

В данном случае интерпретация переводчиком оригинального текста представляется оправданной критериями соответствия эстетического воздействия и раскрытия неочевидного смысла. Интерпретация – это работа мышления, которая состоит в расшифровке смысла, стоящего за очевидным, и в раскрытии уровней значения, заключенных в буквальном смысле; интерпретация раскрывает смыслы и порождает новые смыслы [Черняк 2012: 106]. Сочетание сопоставительного лингвокультурологического анализа с методологией герменевтики позволяет более полно выявить культурно маркированные единицы языка или дискурса и раскрыть их смыслы, что способствует более эффективной реализации прагматического потенциала текста в переводе.

Выводы

Сопоставительный лингвокультурологический переводческий анализ текстов является эффективным методом выявления случаев отражения культурной семантики в английских текстах и определения адекватности их передачи средствами русского языка.

Сопоставительный анализ 487 отражающих культурную семантику текстовых извлечений, отобранных методом сплошной выборки из текстов трех художественных произведений на английском языке и их переводов на русский, показал, что для повышения степени адекватности и эквивалентности перевода при передаче культурной семантики необходимо соотносить избираемые способы ее отражения с соответствующими видами проявления данной семантики. К способам передачи культурной семантики в процессе перевода текстов с английского языка на русский можно отнести собственно герменевтический способ, представленный комментарием, собственно переводческий способ, герменевтически-переводческий способ и ассоциативно-герменевтический. Традиционные переводческие трансформации характеризуются разной степенью эффективности для реализации прагматического потенциала текста. Экспликация и компенсация помогают добиться достаточной для реализации авторской интенции степени адекватности. Генерализация при переводе в большинстве случаев приводит к утрате культурно маркированных смыслов. Опускание лексических единиц или их сочетаний при передаче культурной семантики является нежелательной, так как часто приводит к потере культурно маркированной информации в тексте перевода.

Список литературы

- Бархударов Л.С.* Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода. М.: Международные отношения, 1975. 240 с.
- Белая Е.Н.* Межкультурная коммуникация: поиски эффективного пути: учебное пособие. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2016. 312 с.
- Беляевская Е.Г.* Роль культуры социума в формировании концептуальных оснований семантики идиом // Язык, сознание, коммуникация: сборник научных статей, посвященных памяти В.Н. Телия. Вып. 53 / редкол. вып.: М.Л. Ремнева и др. М.: МАКС Пресс, 2016. С. 27–36.
- Богданов В.В.* Речевое общение: прагматические и семантические аспекты. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. 88 с.
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода: учебник. 2-е изд. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. 544 с.
- Казакова Т.А.* Художественный перевод. Теория и практика: учебник. СПб.: ИнГяз-издат, 2016. 544 с.
- Карасик В.И.* Комментарий как жанр герменевтического дискурса // Язык, коммуникация и социальная среда: сборник научных трудов. Вып. 7. Воронеж, 2009. С. 32–47.
- Карасик В.И.* Язык социального статуса. М.: Гнозис, 2002. 333 с.
- Манакин В.Н.* Сопоставительная лексикология. Киев: Знання, 2004. 326 с.
- Моисеев М.В.* Проблема типологии и точности комментария к переводу художественного текста // Вестник Омского университета. 2014. № 3. С. 132–135.
- Новый Большой англо-русский словарь: в 3 т. / под общ. рук. Э.М. Медниковой и Ю.Д. Апресяна. М.: Русский язык, 1995. Т. 3: R–Z. 832 с.

- Рулёв А.* Научное провидение, или Искусство совершать открытия // *Наука и жизнь*. 2017. № 5. С. 2–12.
- Солодуб Ю.П.* Теория и практика художественного перевода: учебное пособие. М.: Академия, 2005. 304 с.
- Телия В.Н.* Номинативный состав языка как объект лингвокультурологии // *Национально-культурный компонент в тексте и в языке: тезисы докладов Международной научной конференции: в 2 ч.* Минск, 1994. Ч. I. С. 14–15.
- Черняк Н.А.* Проблема понимания: феноменолого-герменевтический синтез // *Омский научный вестник*. 2012. № 1. С. 104–107.
- Hornby A.S.* *Oxford Advanced Learners' Dictionary*. Oxford: Oxford University Press, 2005. 1540 p.
- Longman Dictionary of English Language and Culture*. Harlow: Pearson's Education Limited, 2003. 1227 p.
- The Concise Oxford Dictionary of Phrase and Fable*. Oxford: Oxford University Press, 2003. 598 p.
- Whitby N.* *Business Benchmark. Pre-Intermediate to Intermediate: Student's Book*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 184 p.

Источники

- Браун Д.* Код да Винчи. М.: АСТ: Астрель, 2011. 542 с.
- Вудхауз П.Г.* Задохнуться можно // *Вудхауз П.Г. Билл Завоеватель. Задохнуться можно. Замороженные деньги. Летняя блажь*. М.: Остожье, 1999. С. 227–374.
- Дойл А.К.* Знак четырех // *Полное собрание повестей и рассказов о Шерлоке Холмсе в одном томе: [пер. с англ.]*. М.: Эксмо, 2015. С. 97–188.
- Пратчетт Т.* Финт. М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2011. 480 с.
- Пратчетт Т.* Роковая музыка. М.: Эксмо, 2006. 480 с.
- Brown D.* *The Da Vinci Code*. London: A Random House Group Company, 2009. 590 p.
- Doyle A.C.* *The Sign of the Four* // *Doyle A.C. A Study in Scarlet and The Sign of the Four*. Ware: Wordsworth Editions Limited, 2004. P. 107–204.
- Wodehouse P.G.* *Heavy Weather*. Harmondsworth: Penguin Books Ltd, 1973. 235 p.

References

- (2003), *Longman Dictionary of English Language and Culture*, Harlow, Pearson's Education Ltd Publ., 1227 p.
- (2003), *The Concise Oxford Dictionary of Phrase and Fable*, Oxford, Oxford University Press, 598 p.
- Barkhudarov, L.S. (1975), *Yazyk i perevod: Voprosy obshchei i chastnoi teorii perevoda [Language and Translation: Issues of General and Special Theory of Translation]*, Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 240 p. (in Russian)
- Belaya, E.N. (2016), *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya: poiski effektivnogo puti [Cross-cultural Communication: Search for Efficient Way]*, textbook, Omsk, Omsk State University Publ., 312 p. (in Russian)
- Beliaevskaya, E.G. (2016), The role of culture in shaping conceptual structures underlying the semantics of idioms. Remneva, M.L. et al. (Eds.) *Language - Mind -*

- Communication*, Collection of the scientific articles devoted to memory of V.N. Teliya, Iss. 53, Moscow, MAKS Press Publ., pp. 27-36. (in Russian)
- Bogdanov, V.V. (1990), *Rechevoe obshchenie: pragmaticheskie i semanticheskie aspekty* [*Communication: pragmatic and semantic aspects*], Leningrad, Leningrad State University Publ., 88 p. (in Russian)
- Chernyak, N.A. (2012), The problem of understanding: phenomenological and hermeneutical synthesis. *Omsk Scientific Bulletin*, No. 1, pp. 104-107. (in Russian)
- Hornby, A.S. (2005), *Oxford Advanced Learners' Dictionary*, Oxford, Oxford University Press, 1540 p.
- Garbovskii, N.K. (2007), *Teoriya perevoda* [*Theory of Translation*], textbook, 2nd ed., Moscow, Moscow University Publ., 544 p. (in Russian)
- Karasik, V.I. (2009), Comments as a genre of hermeneutic discourse. *Language, Communication and Social Environment*, Collection of scientific articles, Iss. 7, Voronezh, pp. 32-47. (in Russian)
- Karasik, V.I. (2002), *Yazyk sotsial'nogo statusa* [*Language of a Social Status*], Moscow, Gnozis Publ., 333 p. (in Russian)
- Kazakova, T.A. (2016), *Khudozhestvennyi perevod. Teoriya i praktika* [*Translation of Fiction. Theory and Practice*], textbook, St. Petersburg, InYazizdat Publ., 544 p. (in Russian)
- Manakin, V.N. (2004), *Sopostavitel'naya leksikologiya* [*Comparative lexicology*], Kyiv, Znannya Publ., 326 p. (in Russian)
- Mednikova, E.M., Apresyan, Yu.D. (1995), *New English-Russian dictionary*, in 3 volumes, Moscow, Russkii yazyk Publ., Vol. 3, 832 p.
- Moiseev, M.V. (2014), The problem of typology and precision of commentary to the translated fiction. *Herald of Omsk University*, No. 3, pp. 132-135. (in Russian)
- Rulyov, A. (2017), Nauchnoe providenie, ili Iskusstvo sovershat' otkrytiya [Scientific foresight, or An art of making discoveries]. *Nauka i zhizn'* [*Science and Life*], No. 5, pp. 2-12. (in Russian)
- Solodub, Yu.P. (2005), *Teoriya i praktika khudozhestvennogo perevoda* [*Theory and Practice of the Translation of Fiction*], textbook, Moscow, Akademiya Publ., 304 p. (in Russian)
- Teliya, V.N. (1994), Nominativnyi sostav yazyka kak obyekt lingvokul'turologii [Nominative composition of the language as an object of linguistic and cultural studies]. *Natsional'no-kul'turnyi komponent v tekste i v yazyke* [*National and cultural component in a text and language*], Materials of International Scientific Conference, in 2 parts, Minsk, Pt. 1, pp. 14-15. (in Russian)
- Whitby, N. (2006), *Business Benchmark. Pre-Intermediate to Intermediate*, Student's Book, Cambridge, Cambridge University Press, 184 p.

Sources

- Brown, D. (2011), *The Da Vinci Code*, Moscow, AST Publ., Astrel' Publ., 542 p. (in Russian)
- Brown, D. (2009), *The Da Vinci Code*, London, A Random House Group Company Publ., 590 p.
- Doyle, A.C. (2015), The Sign of the Four. Doyle, A.C. *Complete collection of novels and stories about Sherlock Holmes*, Moscow, Eksmo Publ., pp. 97-188. (in Russian)

- Doyle, A.C. (2004), The Sign of the Four. Doyle, A.C. *A Study in Scarlet and the Sign of the Four*, Ware, Wordsworth Editions Ltd Publ., pp. 107-204.
- Pratchett, T. (2011), *Dodger*, Moscow, Eksmo Publ., St. Petersburg, Domino Publ., 480 p. (in Russian)
- Pratchett, T. (2006), *Soul Music*, Moscow, Eksmo Publ., 480 p. (in Russian)
- Wodehouse, P.G. (1999), Heavy Weather. Wodehouse, P.G. *Bill the Conqueror. Heavy Weather. Frozen Assets. Summer Moonshine*, Moscow, Ostozh'e Publ., pp. 227-374. (in Russian)
- Wodehouse, P.G. (1973), *Heavy Weather*, Harmondsworth, Penguin Books Ltd Publ., 235 p.

METHODS OF THE RENDERING OF CULTURAL SEMANTICS IN THE TRANSLATION OF ENGLISH LITERARY TEXTS

M.V. Moiseev

Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

Abstract: Specific features of rendering of peculiarities of the language or discourse units containing cultural semas or cultural connotations both reflecting cultural concepts and pertaining to cultural background within the process of the translation from English into Russian peculiarities are considered with the aim of achieving maximum adequacy and equivalency. This appears to be essential because certain kinds of culturally determined information or cultural semantics possess their own specific characteristics. The application of linguistic and cultural contrastive research to the analysis of three English fiction texts and their translations into Russian language shows that extremely essential factor for the improvement of translation quality proves to be revealing and adequate interpretation of cultural semantics of language units. Translation procedures of omission of lexical units and generalization frequently result in the loss of culturally determined information meanwhile procedure of compensation frequently appears to be sufficiently efficient means of rendering cultural semantics. Following kinds of methods of rendering cultural semantics have been suggested on the basis of hermeneutical approach to the treatment of translation process: proper hermeneutical method, proper translation method, combination of hermeneutical and translation methods, associative-hermeneutical method.

Key words: cultural semantics, translation, method of the rendering of culturally determined information, translation transformation, generalization, omission, compensation, addition, proper hermeneutical method, proper translation method, combination of hermeneutical and translation methods, associative-hermeneutical method.

For citation:

Moiseev, M.V. (2018), Methods of the rendering of cultural semantics in the translation of English literary texts. *Communication Studies*, No. 2 (16), pp. 165-181. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.2.165-181. (in Russian)

About the author:

Moiseev Mikhail Vladimirovich, Dr., Associate Professor, Head of the English Philology Department

Corresponding author:

Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia

E-mail: mikh.moiseev2015@yandex.ru

Received: August 31, 2017

**ТАЙВАНЬСКАЯ ЖИЗНЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ
В «КУЛИНАРНО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ» ЗЕРКАЛЕ
(С ПАРАЛЛЕЛЯМИ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ)**

А.В. Савченко

Государственный университет Чжэнчжи (Тайбэй, Тайвань)

Аннотация: На фоне идиоматических параллелей в славянских языках рассматриваются наиболее распространенные и актуальные для языка средств массовой информации и повседневного общения китайские идиомы (в том числе специфические тайваньские), в составе которых содержатся лексические единицы, относящиеся к лексико-семантической группе «продукты питания». Достаточная многочисленность данной группы фразеологизмов в китайском языке объясняется исторически сложившимся культом еды и связанными с ним традициями и ритуалами, традиционно уважительным отношением к еде, повышенным вниманием непосредственно к процессу приема пищи. В поле исследовательского интереса включены не только фразеологические единицы, имеющие сходство по значению или близкую метафорическую основу, но и фразеологизмы, отражающие национальную специфику, особенности местной (тайваньской, и шире – китайской) культуры. Обнаруживаются определенные параллели в метафорических моделях, системе образов и значений подобных фразеологических единиц в китайском и славянских языках, несмотря на разность культур (и шире – цивилизаций). Представленный материал подтверждает гипотезу, что метафоры, идиомы, связанные с едой, в силу своей значимости в развитии и жизнедеятельности человека являются одним из базовых кодов как европейской (в данном случае – славянской), так и азиатской (тайваньской, китайской) культуры.

Ключевые слова: китайская идиоматика, фразеология, фразеологизм, пословицы и поговорки, культурный код, кулинарная метафора, тайваньская культура.

Для цитирования:

Савченко А.В. Тайваньская жизненная философия в «кулинарно-фразеологическом» зеркале (с параллелями в славянских языках) // Коммуникативные исследования. 2018. № 2 (16). С. 182–196. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.2.182-196.

Сведения об авторе:

Савченко Александр Викторович, кандидат филологических наук, ассистент-профессор факультета славистики

Контактная информация:

Почтовый адрес: 11605, Taiwan, Taipei City, Wenshan District, Zhinan Rd.,
Sec. 2, 64

E-mail: savchenko75@mail.ru

Дата поступления статьи: 20.11.2017

Человек есть то, что он ест.

Людвиг Андреас Фейербах

Еда, пища является неотъемлемым элементом повседневной жизни человека, кулинарные пристрастия, особенности и специфика национальной кухни – неотъемлемой частью культуры нации, составляют национальное своеобразие определенного народа, что находит свое непосредственное отражение в языке, и не в последнюю очередь – в самом образном, «метафоричном» его пласте – фразеологии.

Даже достаточно беглый взгляд во «фразеологическое зеркало» китайского языка еще раз подтверждает тот факт, что язык вообще и фразеология в частности фиксируют в себе «код культуры» (об этом см., напр.: [Юрина 2013]).

Одними из продуктивных фразеологических метафор являются метафоры, имеющие «кулинарную» основу, т. е. связанные с образами кулинарных блюд, продуктами питания, а также – в более широком смысле – со всем «съестным»: помимо собственно блюд, это могут быть овощи, фрукты, прочие «съедобные ингредиенты». Так, М.Л. Ковшова отмечает, что пищевой код, в силу своей значимости в развитии и жизнедеятельности человека, является одним из базовых кодов культуры [Ковшова 2012: 232–253]. Это доказывается в том числе и богатым идиоматическим (фразеологическим и особенно паремиологическим) материалом [Николаева 2016: 153].

Данная тематика привлекает внимание не только культурологов, этнографов, историков, но и лингвистов. С филологической точки зрения, «кулинарная лексика», репрезентирующая так называемый «кулинарный (пищевой, гастрономический) код», достаточно подробно исследована и описана на материале русского языка. В области фразеологии ей посвящены, например, работы М.Л. Ковшовой [Ковшова 2012], Е.К. Николаевой [Николаева 2016], Е.И. Селиверстовой [Селиверстова 2017], в области лексики – работы И.С. Лутовиновой [Лутовинова 2005], О.А. Дормидонтовой [Дормидонтова 2011] и др. Различным аспектам отражения «пищевого кода» в языке посвящены работы Е.А. Юриной [Юрина 2013; Юрина, Балдова 2017]. Среди исследователей, уделяющих внимание изучению данного аспекта в китайском языке, упомянем И.В. Ахмадуллину [Ахмадуллина 2012], Ян Юй и А.И. Головня [Юй, Головня 2014] и др.

В разных культурах существуют свои особенности, связанные с едой, свое отношение к еде и продуктам питания, свои обряды, ритуалы, традиции.

Говоря об азиатской культуре и конкретно о Тайване, отметим, что еда занимает, пожалуй, ведущее место в мироощущении людей, оттесняя на вторые роли традиционно лидирующие в других (в частности, европейской и американской) культурах политику, бизнес, экономику. Важность еды уже на обиходно-бытовом разговорном уровне подчеркивается расхожим приветствием 你(您)吃飯了嗎? (досл. *Вы уже поели?*), вполне заменяющим привычное «Как дела?». В то же время сам процесс еды для тайваньцев настолько естественен, что в китайском языке просто нет коммуникативной ситуации и аналога привычного для европейцев выражения «Приятного аппетита!». Примечательно, что и сам глагол «есть» (吃飯) включает в себя компонент-наименование самого популярного и недорогого блюда – риса (飯), при этом 飯 – это именно уже приготовленный, вареный рис (рис как крупа обозначается иероглифом 大米, а рис как сельскохозяйственная культура – иероглифом 稻子).

В то же время существует множество ритуалов и примет, связанных с едой, одной из которых, например, является запрет втыкать палочки в еду, так как это символизирует смерть.

Еще одну особенность данного региона представляет географическое положение и природные условия: в Тайване произрастает большое количество «потенциально съедобных» культур, которые используются в приготовлении различных блюд или непосредственно употребляются в пищу (классический пример – рис), а сам остров омывает океан, также дающий разнообразные «ингредиенты» на «обеденный стол».

Вспоминая мысль В.Н. Телия о том, что фразеология – это «зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [Телия 1996: 9], отметим, что в «китайско-тайваньском» «кулинарно-фразеологическом зеркале» отражается особое азиатское философское видение мира, в чем-то сходное с европейским. Это сходство можно проиллюстрировать, например, такой параллелью, косвенно связанной с едой: 種瓜得瓜 種豆得豆 (*Посеешь тыкву – получишь тыкву. Посеешь бобы – получишь бобы*), что вполне соответствует рус. *Что посеешь, то и пожнешь*.

Как известно, вода – источник и «гарант» жизни на Земле, поэтому практически во всех культурах и цивилизациях отношение к ней, к ее источникам весьма уважительное, что иллюстрируется китайским выражением 飲水思源 (*Когда пьешь воду, думай об источнике*), смысл которого – в жизни нужно помнить добро и быть благодарным. В русском языке в

аналогичном контексте можно вспомнить, например, поговорку *Не плюй в колодец, пригодится воды напиться* (как предостережение от необдуманного, недальновидного поведения по отношению к кому-либо). В этом же значении существует и еще одно расхожее выражение: 食果子, 拜樹頭 (*Едя плоды, думай о дереве*).

Параллели с русским можно найти и в выражении 摸蛤和兼洗褲 (*Ловя мактры (моллюсков), моешь брюки*). Смысл данного выражения – добиться двух целей одновременно, что очевидно перекликается с фразеологизмом *Убить двух зайцев [одним выстрелом]*.

Другое русское выражение, также связанное с образом зайцев – *За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь*, – вполне можно считать эквивалентом китайскому 魚與熊掌不可兼得 (*Нельзя иметь и рыбу, и медвежью лапу*), смысл которого в том, что всегда нужно выбирать что-то одно, нельзя быть жадным. Отметим, что лапа медведя в китайской кулинарии считается одним из дорогих деликатесов.

С только что упомянутым русским выражением частично перекликается и китайское 偷雞不着蝕把米 (*Неудачно украл курицу и ещё потерял горсть риса*), смысл которого: чтобы поймать курицу, надо подманить ее рисом, но в результате получилось так, что и курицу не поймал, и рис был съеден курицей, т. е. и цели не добился, и потерял то, чем изначально владел. Если же пытаться найти «кулинарный эквивалент» этому выражению, то в русском можно вспомнить выражение *бутерброд всегда падает маслом вниз*, имеющее хоть и отдаленную, но столь же выразительную метафорическую основу и яркую эмотивную образность.

Явное сходство в значении и образности имеет китайское выражение 吃不到葡萄說葡萄酸 (*Виноград достать не можешь и говоришь, что он кислый*) и ставшая крылатой строка из басни И.А. Крылова «Лисица и виноград», сюжет которой восходит к Эзопу: *Видит око, да зуб неймёт*. Китайское выражение описывает ситуацию, когда у человека нет возможности достать или получить что-то, что ему очень хочется, и поэтому он говорит что-то плохое об этой вещи (сравни со значением русского выражения: о том, что находится совсем рядом, кажется достижимым, но в действительности недоступно).

Смысловую переключку также можно найти в выражениях *Первый блин комом* и 倒吃甘蔗 (*Есть сахарный тростник за кончик*), при этом смысл китайского оборота и его значение можно объяснить так: та часть, которая ближе к корню сахарного тростника, более сладкая, а его кончик – более горький. Это метафорически означает, когда человек чем-то занимается, сначала работа дается ему с трудом, но потом она постепенно становится легкой, и всё начинает получаться. Таким образом, китайский фразеологизм несколько шире по значению. Вероятно, для «полноты значения» к «первому блину» можно добавить еще одну русскую поговорку – *Терпение и труд всё перетрут* или выражение *Лиха беда начала*.

Невольную переключку с русской поговоркой *Поспешишь – людей насмешишь* можно обнаружить, сравнивая ее с китайским выражением 囫圇吞棗 (досл. *Проглотить финик целиком*), т. е. с косточкой, не разбирая вкуса. Смысл китайского выражения – человек часто начинает действовать поспешно, не обдумывая, не анализируя свои поступки и действия, не думая о последствиях. Это выражение особенно часто используют, когда говорят о процессе обучения, учебе, например в таком контексте: *Когда учишься, не надо 囫圇吞棗 (проглатывать финик целиком) – чтобы понять, хорошо усвоить материал, нужно изучать его постепенно, внимательно, не спеша*. Можно отметить и такие значения этого выражения: ‘принять что-л. без разбора, без анализа; залпом, одним махом, проглотить (напр., книгу); принимать [решение] огульно’. *Проглотить финик целиком* – можно сказать и в ситуации, когда кто-то механически копирует действия других, не вдаваясь в анализ того, что и зачем он делает.

Ши да каша – пища наша, – говорят русские. Действительно, каша – достаточно популярная не только у русских, но и вообще у славян еда. Нельзя сказать, чтобы каша была популярным блюдом на Тайване, да и такого разнообразия каш, как в славянских странах, здесь не встретишь: тайваньцы едят в основном рисовую кашу. В то же время в качестве фразеологического «ингредиента» каша встречается и в китайской идиоматике, например в таком выражении: 僧多粥少 (*Монахов много, каши мало*). Смысл выражения легко понятен, например, в контексте такой современной тайваньской реалии: очень много девушек хотят работать стюардессами, но количество мест ограничено. Отметим также, что это выражение достаточно популярно в языке СМИ, равно как и близкое к нему рус. *На всех пирога не хватит*.

Практически во всех славянских языках каша в качестве основы метафорической модели фразеологизма может иметь негативное значение, например рус. *Заварить кашу*, *Расхлебывать кашу*, аналогичные чеш. *Dostat se do kaše*, а также, например, серб. *Jesti vruću kašu* – ‘попасть в неловкую ситуацию’, *Biti u istoj kaši* – ‘оказаться вдвоем в одной неприятной истории’, а *Hladiti kašu* – ‘искать выход из трудной ситуации’. Чешское выражение *Foukat někomu do kaše* означает ‘вмешиваться в чьи-л. дела’. Аналогичное выражение есть и в польском языке: *Dmuchać w kaszę*, а также *Nie dać sobie w kaszę dmuchać* (досл. *не давать кому-л. дуть в кашу*) – ‘не позволять кому-л. вмешиваться в свои дела’. В случае с китайским выражением 一粒老鼠屎 壞了一鍋粥 (досл. *Одна крупинка мышиного помёта испортила котелок каши*) каша сама стала «жертвой»: отрицательное значение подчеркивается тем, что вкусно приготовленную кашу испортила мелкая, но неисправимая вещь. Общий смысл выражения: один плохой человек или одно плохое дело может испортить всё, перечеркнуть всё хорошее. В русском сознании рождаются сразу две ассоциации: *Ложка дёгтя в бочке мёда* и *Одно плохое яблоко может испортить целую кучу*.

Любопытно по своей метафорической основе популярное выражение 生米煮成熟飯 (*Из сырого риса уже сварена каша*), смысл которого: сделанного не воротить, нельзя изменить результат. Например, в китайских фильмах нередко из уст героини можно услышать слова: 我懷孕了, 生米已經煮成熟飯 你要娶我! (*Я беременна. Из сырого риса уже сварена каша. Тебе нужно на мне жениться!*). В качестве шуточной параллели можно привести «антицитату» со схожим шутливо-ироничным значением: *Фари невозможно прокрутить назад.*

Хорошо известно, что на общее значение фразеологизма оказывает влияние семантика ключевого слова. Важный «ингредиент» при приготовлении различных блюд во многих национальных кухнях мира – уксус, как известно, сам по себе обладает специфическим неприятным вкусом, из-за чего в идиоматике придает выражениям негативную коннотацию. В славянских языках это наиболее очевидно, в частности, в устойчивых сравнениях, например рус. *Кислый как уксус* или чеш. *Kyselý jako ocet*, пол. *Kwaśny jak ocet*. Отрицательное значение уксус имеет, например, и в русских приметах, в частности в сонниках: *Уксус пить – печаль, тяжелая работа, раздражение, болезнь*. Китайское же выражение 吃醋 (*пить уксус; примечательно, что дословно это звучит как «есть уксус»*) означает, что человек кого-то ревнует (т. е. *быть ревнивым*). Например, если парень разговаривает с другой красивой девушкой, то его девушка в это время будет «пить уксус» (她吃醋了), т. е. сердиться, ревновать. В подобной ситуации нередко можно услышать синонимичное по значению выражение 拈酸吃醋 (*Хвататься за уксус*). В этом же семантическом поле есть и выражение 酸海生醋 (*В кислом море рождается уксус*) в значении ‘мучить ревностью кого-л.’.

Говоря об уксусе в китайской фразеологии, приведем еще пару популярных в языке СМИ и языке повседневно общения выражений: 添油加醋 (*Добавлять масло и уксус*), т. е. приукрашивать факты, прибавлять для красного словца, искажать действительность, преувеличивать) и выражение 拿糖作醋 (*Выдавать сахар за уксус*), которое означает ‘строить из себя не такого, какой ты есть на самом деле; ломаться, приbedняться; важничать’.

Вообще, оценочные фразеологизмы, дающие характеристику человеку, его характеру и содержащие в своей основе кулинарную метафору, в китайском языке достаточно распространены и популярны. Близким по значению к только что упомянутым будет выражение, относящееся к семантическому полю «Обман»: 掛羊頭賣狗肉 (*Вывешивать [на вывеске] баранью голову, а продавать собачье мясо*). То есть человек внешне делает что-то хорошее, на первый взгляд вызывающее уважение, но на самом деле он обманывает, занимается подтасовками, надувательством. Показателен, например, такой контекст: *Эта аптека 掛羊頭賣狗肉 (вывесила баранью голову, а продаёт собачатину). Там продают запрещённые лекар-*

ства. Данное выражение достаточно популярно и распространено в языке повседневной коммуникации. Оно используется и в обиходном языке, и в языке предпринимательства и бизнеса (например, о компаниях, которые не только занимаются торговлей заведомо некачественным товаром, но и подделками под торговые марки известных производителей). Применительно к рекламному бизнесу выражение служит обозначением недобросовестной рекламы.

С семантическим полем «Обман» связано и тайваньское выражение 目矚糊糊利子肉 (Глаза залепились мякотью корбикул; корбикулы – вид моллюсков), т. е. человека ввели в заблуждение, поэтому он не может хорошо видеть и понять, что происходит на самом деле. Например, хорошая девушка вышла замуж за плохого человека. С тех пор ее жизнь становится всё хуже и хуже. Её подруги советуют ей подать на развод и говорят: 哩系目矚糊糊利子肉乎? (Твои глаза залепились мякотью корбикул?). В украинском языке широко распространено выражение *Бачили очі, що купували*, которое употребляется в схожей ситуации (семейные проблемы между женой и мужем), но в несколько отличном значении и функции: это, скорее, намек на то, что «жалующийся» сам виноват в сложившейся ситуации, так как он заранее знал, на что идет.

Специфическим тайваньским выражением, характеризующим человека, является фраза 西瓜偎大邊 (Арбуз прислоняется к большой стороне), которое используется применительно к людям, которые стремятся к блеску и льнут к силе и власти.

Смысл еще одного распространенного на Тайване выражения: 黑罐子裝醬油 (Наполненный соевым соусом чёрный горшок) – состоит в том, что данный человек на первый взгляд кажется обычным, ни на что не способным, но в действительности оказалось всё наоборот: этот человек очень способный. Например, человек всегда молчал, был в тени, но однажды возникла серьезная проблема, никто не мог ее решить, а этот человек с ней справился.

Позитивная оценка человека заключена и в популярном выражении 刀子口, 豆腐心 (Острый язык, а сердце как тофу; тофу – традиционное блюдо в Китае и Тайване: мягкий соевый сыр, который обычно едят горячим или чуть подогретым), смысл которого в том, что такой человек очень ироничный, он любит сказать что-нибудь острое, не всегда приятное, отпустить какую-нибудь колкость, но на самом деле сердце у него доброе и нежное. Он говорит так только потому, что хочет вдохновить других, это чуткий и отзывчивый по своей природе человек.

О человеке, хвалящем самого себя, свои способности, обычно говорят: 老王賣瓜, 自賣自誇 (Старый Ван продаёт тыквы и сам [их] хвалит). В русском языке этому выражению также можно найти «кулинарную» пословичную параллель: *Гречневая каша сама себя хвалит*.

А вот для обозначения излишне скромного человека служит выражение: 啞巴吃黃蓮 苦在心裏 (*Немой ест коптис [а горечь оставляет в душе]*; коптис китайский (горечавка) – целебная трава, имеет очень горький вкус). Образный смысл выражения: немому горько, но сказать об этом он не может, т. е. значение данного выражения можно сформулировать так: ‘страдать про себя; страшное горе, о котором некому поведать, невыразимое страдание’. Например, человека незаслуженно обвиняют в чём-л., он говорит, что это не его вина, но никто ему не верит.

Человека, с которым можно не только поговорить и поесть, но и выпить, можно назвать 酒肉朋友 (досл. *Друг по вину и мясу / Друг, чтоб выпить и поесть*). При этом от русского слова *собутыльник* или, например, чешского фразеологизма *Bratr z mokré čtvrti* (где *mokrá čtvrť* – пивнушка) это выражение несколько отличается по смыслу: такой друг появляется лишь тогда, когда у вас есть что-то интересное и вкусное, а когда вам нужна помощь, он первым «спрячется в кусты». В славянских же языках общий смысл подобных выражений заключает в себе значение ‘любитель совместной выпивки’.

Затронув алкогольную тематику, приведем такое выражение: 醉翁之意不在酒 (*Истинные помыслы старого бражника обращены не к вину*). Значение можно определить так: ‘преследовать совершенно иные цели; говоря и делая одно, метить совсем в другое’. Например, такой контекст: *Этот человек – волонтер в больнице. Он так часто ходит туда не потому, что он добрый человек, а потому, что в больнице много симпатичных медсестер*.

В азиатской кухне огромной популярностью пользуются морепродукты (что обусловлено географическими и климатическими факторами). «Тема морепродуктов» оставила свой глубокий след и в китайской фразеологии. Образность и значение китайского выражения 無魚 蝦也好 (досл. *За неимением рыбы, иметь креветку – тоже хорошо*) моментально порождает ассоциацию с весьма частотным русским фразеологизмом, имеющим практически то же значение. Если учесть, что креветка живет в теплых морях, а для России (и шире – в восточно- и западнославянских странах) традиционно более актуальны реки и озера, то в русском языке своеобразным аналогом, «эквивалентом» для *креветки* будет *рак*. Китайское выражение, таким образом, и по внутренней форме, и по смыслу полностью соотносится с рус. *На безрыбье и рак рыба*, укр. *На безриб'ї (на безвідді) і рак риба*, пол. *Na bezrybiu i rak ryba*. Общий смысл этих выражений: ‘За неимением лучшего, приходится довольствоваться малым; будь доволен тем, что уже имеешь. Это лучше, чем ничего не иметь’. Например, в такой ситуации: – *Эта девушка тебе не очень нравится. Почему ты всё равно встречаешься с ней?* – *Потому что 無魚 蝦也好 (на безрыбье и рак рыба)*. Можно также вспомнить и близкое по значению выражение *Лучше синица в руке, чем журавль в небе*.

Рыба, безусловно, – главный продукт питания, связанный с водой (морской, речной), при этом во фразеологии метафорические модели с компонентом *рыба*, как правило, имеют негативную коннотацию. Приведем несколько примеров. Так, ироничной и даже уничижительной окраской обладает выражение 鹹魚翻身 (*Солёная рыба повернулась на другой бок / встрепенулась*). Выражение означает внезапный поворот судьбы к лучшему, общее значение – вновь возродиться к жизни; так можно сказать и о человеке, которого раньше часто игнорировали или считали неважным, но ему вдруг повезло, и он приобрел некоторый авторитет, например один некогда знаменитый певец снова стал очень известным благодаря тому, что исполнил заглавную музыкальную тему к ставшему популярным фильму.

«Негативность» коннотации слова *рыба* часто связана с ее неприятным запахом. Так, популярное в Тайване выражение 鮑魚之肆 (*Магазин, продающий солёную рыбу*) построено как раз на этой ассоциации: солёная рыба очень плохо пахнет. В разговорном языке так называют место, где собираются «плохие люди», преступники.

Торговый ряд, где торгуют сушеной рыбой, называемый по-китайски 枯魚之肆, в переносном, образном значении обозначает место гибели от нужды и нищеты.

Выражения 上山求魚 (*Лезть в гору за рыбой*) и 緣木求魚 (*Лезть на дерево за рыбой*) используются в ситуациях, когда мы вынуждены делать заведомо бесполезное дело, а также обозначают напрасный труд, нелепое дело, т. е., говоря по-русски, *Переливать из пустого в порожнее*, или попросту *Сизифов труд*, т. е. не только бессмысленный, но и мучительный труд.

Примечательно встречающееся на Тайване выражение 砧板上的魚 (*Рыба на кухонной доске*) – о человеке, который находится в тяжелом положении и ничего не может изменить. Вполне вероятно, что оно появилось на основе аналогичного японского выражения 俎上の魚 (*Рыба на кухонной доске*) – так в Японии образно говорят об обреченном на неудачу человеке. Факт появления данного выражения на китайском языке именно на Тайване, вероятно, объясняется тем, что до середины XX в. Тайвань находился под управлением Японии (и ее культурным влиянием).

Другой популярный морепродукт – кальмар – стал основой выражения 炒魷魚 (*Жарить кальмара*), что значит ‘уволить; увольнение’: “我被炒魷魚了” – досл. *Мне поджарили кальмара*, т. е. ‘Меня уволили с работы’.

Затронув тему «жареного», приведем и другое «фразеологическое жареное блюдо». Весьма образное выражение 竹筍炒肉絲 (*Жареные побеги бамбука с кусочками мяса*), распространенное на Тайване, имеет специфическое значение – вид наказания детей: когда ребенок ведет себя плохо, взрослые берут плеть бамбука и бьют его по «мягкому месту», на котором после этого остаются следы, похожие на кусочки мяса. Например, учитель в школе сказал ребенку: 我請你吃竹筍炒肉絲 (досл. *Я угощу тебя жа-*

реными побегами бамбука с кусочками мяса), – это значит, что учитель хочет наказать провинившегося ученика.

Одним из символов Азии является лотос. Приведем одно достаточно распространенное выражение, которое, как нам кажется, наглядно демонстрирует своеобразие и философско-эстетический «фразеологический взгляд» китайской (и шире – азиатской) культуры: 藕斷絲連 (*Корневище лотоса переломлено, но шелковые волокна тянутся*). Общее значение – ‘еще не все связи порваны’, а смысл можно проиллюстрировать, например, так: хотя два человека формально уже расстались, но их любовь не прошла окончательно, поэтому они по-прежнему выглядят как пара влюбленных.

Традиционными символами и распространенными «продуктами питания» в китайской культуре являются тыква и слива. Примечательно китайское выражение 瓜田李下 (*На тыквенном поле, под сливой*). Значение выражения – ‘внушающая подозрение ситуация’, его смысл таков: на тыквенном поле не рекомендуется садиться на корточки, а под сливой нельзя поправлять шапку, чтобы ни у кого не возникло подозрений, что ты, наклонившись, хочешь украсть тыкву, или наоборот, подняв руки вверх под сливой, хочешь украсть плоды, о чем гласит следующее, более развернутое выражение: 瓜田不納履 李下不整冠 (*На [чужой] бахче не поправляют обувь, под [чужой] сливой не поправляют шапку*), т. е. не надо навлекать на себя напрасных подозрений, следует оградить себя от лишних подозрений.

Как в китайской кулинарии, так и во фразеологии популярным «ингредиентом» является яйцо. Вот лишь несколько идиоматических выражений, в основе метафорической модели которых обнаруживается компонент *яйцо*: 以卵擊石 (*Бить камень яйцом / Разбивать яйцом камень*). Смысл данного выражения таков: в обоих случаях яйцо конечно же разобьется. Это значит, что человек переоценил свои способности и взял на себя слишком тяжелую работу. Так можно сказать, например, в такой ситуации: *У армии противника сто тысяч человек, а у нас только десять тысяч. Не говоря уже о том, что у нас нет стратегии. Мы просто 以卵擊石* (бьем камень яйцом / разбиваем яйцом камень). Таким образом, значение выражения можно определить как ‘безнадежное дело, тщетные попытки’ и сопоставить с рус. *Плетью обуха не перешибешь*.

Другое выражение – 殺雞取卵 (*Убить курицу, чтобы получить яйцо*), смысл которого в следующем: человек стремится к выгоде и не думает о будущем. Таким образом, значение выражения можно определить так: ‘жертвовать всем ради сиюминутной выгоды’. Близким, но не вполне тождественным представляется русское выражение *Резать курицу, несущую золотые яйца*, означающее ‘уничтожать хороший источник доходов, благосостояния’.

Следующее выражение – 雞骨裡挑骨頭 (досл. *Искать косточки в курином яйце*), употребляемое в ситуации, когда один человек придирается к другому. Его можно соотнести с рус. *Всякое лыко в строку*. Значение ки-

тайского выражения можно определить как ‘выискивать недостатки; придирааться; задирааться; искать повод для ссоры’.

В завершение приведем еще несколько интересных по своей внутренней форме, содержанию и экспрессии китайских выражений. Так, своей образностью и «языковым колоритом» любопытно выражение 肉包子打狗 (*Бить собаку пирожком с мясом*), суть которого заключается в том, что наказание поощрением никогда не действует (вкусный пирожок – сомнительный «инструмент для наказания»). Об этом же сказано и в аналогичном выражении 有去無回 (*Кидаться в собаку пирожком с мясом*). Механизм создания образа следующий: пирожок бросили, собака его съела, а результата, которого хотели добиться, нет. Это значит, что пирожок был потрачен напрасно. Таким образом, общее значение обоих выражений – ‘бесплезная растрата, неэффективные меры, бессмысленные действия’, например: *Деньги, которые он взял у меня – это всё равно что 肉包子打狗 (бить собаку пирожком с мясом), он никогда их не вернёт!*

Яркое по образности и экспрессии выражение 朱門酒肉臭 路有凍死骨 (*У богатых ворот запах мяса и вин, на дорогах же кости замерзших*) отражает актуальную во все времена и на всех континентах проблему социального неравенства людей. Так и смысл данного выражения – показать социальное деление на богатых и бедных. В этой же связи можно вспомнить и русскую поговорку *Тарас ест пряники горазд, а Филат и каше рад*.

Завершая небольшой обзор некоторых наиболее популярных устойчивых выражений с «кулинарным» компонентом, приведем еще одно, которое хоть и косвенно связано с продуктами питания, но отражает азиатскую специфику и реалии: 揠苗助長 (*Тянуть ростки, помогая расти / Подтягивать руками всходы [желая ускорить их рост]*). В его образе лежит желание человека, чтобы ростки росли быстрее, поэтому он тянет их вверх, но это оказывает на них вредное влияние. Общее значение выражения – ‘проявлять чрезмерное усердие, губить дело своим нетерпением’. Выражение может быть использовано, например, в такой ситуации: *Твоему ребёнку только два года, а ты уже заставляешь его учиться читать и писать!* Дело в том, что родители в Тайване часто достаточно жестко воспитывают своих детей и хотят, чтобы они получили как можно более высокое и качественное образование. Того же от детей требуют и учителя в школах и университетах.

В заключение, как своеобразную «вишенку на торте», приведем специфическое и весьма распространенное на Тайване выражение, рожденное местными СМИ. Образная основа данного выражения еще раз доказывает, что в интернациональной и межкультурной метафорике много общего. В частности, метафорический образ некоторых вкусных, сладких ягод часто используется в идиоматике. Один из наиболее распространенных образов – клубника. Выражение 草莓族 (*Клубничное поколение*) появилось именно в Тайване и означало поколение молодежи, родившееся в 1980–

1990-е гг. Данная метафора заключает в себе два исходных сравнения, в основе которых находятся: 1) условия развития: молодежь, которая вырастала в чересчур комфортных, «тепличных» условиях, лучших, чем самая прихотливая клубника; 2) внешний вид: настоящая клубника красиво и аппетитно выглядит, имеет приятный аромат и вкус, ее цена на рынке обычно достаточно высока. Так и представители «клубничного поколения» стремятся отлично выглядеть, модно и современно одеваться, но в то же самое время, хотя они как правило хорошо образованы, зачастую оказываются абсолютно неприспособленными к суровым жизненным условиям, у них отсутствует стрессоустойчивость, они легко ранимы, не могут выдержать конкуренции, жизненных трудностей и разочарований. Вот как описала представителей этого поколения одна тайваньская студентка: «Я думаю, это означает быть излишне эмоциональным, склонным на всё жаловаться и неспособным справляться со стрессами и большим объёмом работы». Выражение используется как правило в ироническом, негативном ключе, применительно к молодежи, у которой нет сильной воли, которая боится неудачи.

Итак, подводя итоги, отметим, что несмотря на совершенно разные кулинарные вкусы и пристрастия, и в более широком смысле – как правило отличающийся, а зачастую кардинально противоположный европейскому (в том числе славянскому) философский взгляд на мир тайваньцев как представителей китайской культуры, цивилизации, – во фразеологической картине мира, наряду с существенными отличиями, можно найти очевидные параллели как в системе образов, так и в выражаемых коннотативных значениях.

Можно также констатировать, что «пищевой» (или «кулинарно-гастрономический») код занимает далеко не последнее место в метафорической системе образов фразеологических единиц (подробнее об этом см.: [Березович 2007; Ковшова 2012; Николаева 2016]), в данном случае – в китайском и славянских языках, и отражает многие ценностные и философские установки их носителей.

Список литературы

- Ахмадуллина И.В.* Фразеосемантическое пространство привычных выражений китайского языка, содержащих лексический компонент 吃 (есть) // Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В.Г. Белинского. Гуманитарные науки. 2012. № 27. С. 194–198.
- Березович Е.Л.* Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М.: Индрик 2007. 600 с.
- Дормидонтова О.А.* Гастрономическая метафора как средство концептуализации мира (на материале русского и французского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2011. 23 с.
- Ковшова М.Л.* Лигвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. 2-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 456 с.

- Лутовинова И.С. Слово о пище русской. СПб.: Авалон: Азбука-классика, 2005. 288 с.
- Николаева Е.К. Пищевые образы в устойчивых сравнениях // Устойчивые сравнения в системе фразеологии / отв. ред. В.М. Мокиенко. СПб.: Грайфсвальд, 2016. С. 152–158.
- Селиверстова Е.И. Молоко и мед: жизнь и судьба героев Марины Степновой сквозь призму съедобного // Язык, культура, этнос: сборник научных статей. Вып. 12. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2017. С. 334–344.
- Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
- Юрина Е.А. Вкусные метафоры: пищевая традиция в зеркале языковых образов. Кокшетау, 2013. 234 с.
- Юрина Е.А., Балдова А.В. Пищевая метафора в процессах концептуализации, категоризации и вербализации представлений о мире // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 48. С. 98–115. DOI: 10.17223/19986645/48/7.
- Ян Юй, Головня А.И. Репрезентация концепта еда в китайской и русской культурах // Карповские научные чтения: сборник научных статей. Вып. 8: в 2 ч. / редкол.: А.И. Головня (отв. ред.) [и др.]. Минск: Белорусский Дом печати, 2014. Ч. 2. С. 154–162.

References

- Akhmadullina, I.V. (2012), Phraseosemantic field of the Chinese guanyongyu containing the lexical component 吃 (to eat). *Izvestia Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni V.G. Belinskogo. Humanities*, No. 27, pp. 194-198. (in Russian)
- Berezovich, E.L. (2007), *Yazyk i traditsionnaya kul'tura: etnolingvisticheskie issledovaniya [Language and Traditional Culture: Ethnolinguistic Studies]*, Moscow, Indrik Publ., 600 p. (in Russian)
- Dormidontova, O.A. (2011), *Gastronomicheskaya metafora kak sredstvo kontseptualizatsii mira (na materiale russkogo i frantsuzskogo yazykov) [Gastronomic metaphor as a tool of conceptualizing the world (on the material of Russian and French languages)]*, Author's abstract, Tambov, 23 p. (in Russian)
- Kovshova, M.L. (2012), *Lingvokul'turologicheskii metod vo frazeologii: Kody kul'tury [The linguoculturological method in phraseology: Codes of culture]*, Moscow, LIBROKOM Publ., 456 p. (in Russian)
- Lutovinova, I.S. (2005), *Slovo o pishche russkoi [A word about Russian food]*, St. Petersburg, Avalon Publ., Azbula-klassika Publ., 288 p. (in Russian)
- Nikolaeva, E.K. (2016), Pishchevye obrazy v ustoychivyykh sravneniyakh [Food images in set comparisons]. Mokienko, V.M. (Ed.) *Ustoichivye sravneniya v sisteme frazeologii [Set comparisons in the system of phraseology]*, St. Petersburg, Graifsva'l'd Publ., pp. 152-158. (in Russian)
- Seliverstova, E.I. (2017), Milk and honey: life and destiny of heroes of Marina Stepnova through the prism of edible things. *Yazyk, kul'tura, etnos [Language, culture,*

- ethnos*], Collection of scientific articles, Iss. 12, St. Petersburg, St. Petersburg State University of Economics Publ., pp. 334-344. (in Russian)
- Teliya, V.N. (1996), *Russkaya frazeologiya: Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvo-kul'turologicheskii aspekty* [*Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects*], Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 288 p. (in Russian)
- Yurina, E.A. (2013), *Vkusnye metafory: pishchevaya traditsiya v zerkale yazykovykh obrazov* [*Delicious metaphors: food traditions in the mirror of language images*], Kokshetau, 234 p. (in Russian)
- Yurina, E.A., Baldova, A.V. (2017), Food metaphor in conceptualization, categorization and verbalization of representations about the world. *Tomsk State University Journal of Philology*, No. 48, pp. 98-115. DOI: 10.17223/19986645/48/7. (in Russian)
- Yan, Yui, Golovnya, A.I. (2014), Reprezentatsiya kontsepta 'eda' v kitaiskoi i russkoi kul'turakh [Representation of the concept of food in Chinese and Russian cultures]. Golovnya, A.I. et al. (Eds.) *Karpovskie nauchnye chteniya* [*Karpov's Scientific Readings*], Collection of scientific articles, Iss. 8, in 2 parts, Minsk, Belorusskii Dom pechati Publ., Pt. 2, pp.154-162. (in Russian)

TAIWANESE PHILOSOPHY OF LIFE IN THE "CULINARY-PHRASEOLOGICAL" MIRROR (WITH IDIOMATIC PARALLELS IN SLAVIC LANGUAGES)

A.V. Savchenko

National Chengchi University (Taipei, Taiwan)

Abstract: The most common and relevant for the language of the media and everyday communication Chinese idioms (including specific Taiwanese), which contain lexical units related to the lexical-semantic group “food products” are considered in this article against the backdrop of idiomatic parallels in Slavic languages. This group of phraseological units in the Chinese language is rather numerous and can be explained by the historically formed cult of food and traditions and rituals associated with food, as well as traditionally respectful attitude to food, increased attention to the process of eating. In the field of research interest there are phraseological units that have a similarity in meaning or a close metaphorical basis, as well as phraseological units reflecting the national specifics, especially local (Taiwanese, and more widely - Chinese) culture. Some parallels are revealed in metaphorical models, the system of images and meanings of similar phraseological units in Chinese and Slavic languages, despite the difference in cultures (and, more broadly, civilizations). The presented material confirms the hypothesis that metaphors, idioms related to food are one of the basic codes of both European (in this case - Slavic) and Asian (Taiwanese, Chinese) cultures due to their importance in the development and life of a person.

Key words: Chinese idioms, phraseology, idiom, proverbs and sayings, cultural code, culinary metaphor, Taiwanese culture.

For citation:

Savchenko, A.V. (2018), Taiwanese philosophy of life in the “culinary-phraseological” mirror (with idiomatic parallels in Slavic languages). *Communication Studies*, No. 2 (16), pp. 182-196. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.2.182-196. (in Russian)

About the author:

Savchenko Alexander Viktorovich, Dr., Assistant Professor of the Department of Slavic Languages & Literatures

Corresponding author:

Postal address: 64, Sec. 2, ZhiNan Rd., Wenshan District, Taipei City, 11605, Taiwan

E-mail: savchenko75@mail.ru

Received: November 20, 2017

**ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В АСПЕКТЕ КУЛЬТУРНОЙ СЕМАНТИКИ
И ВЕРБАЛИЗАЦИИ АВТОРСКОГО ЗАМЫСЛА
(НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТИ М. БУЛГАКОВА «СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ»
И ЕЕ ПЕРЕВОДА НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК)**

Е.И. Селиверстова¹, Ди Чжан²

*Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)*

Аннотация: Имена собственные, выполняющие в художественном тексте важные идейно-художественные функции, раскрывающие авторское мировидение и участвующие в показе принадлежащей определенной эпохе действительности, рассматриваются с точки зрения их значимости и смыслообразующей функции на примере имен главных персонажей повести М. Булгакова «Собачье сердце» – *Преображенского, Швондера и Шарикова*, а также отдельных урбанонимов – названий улиц и учреждений, имеющих выраженную этномаркированную окраску и выполняющих ассоциативно-символическую функцию. Выявление роли имен собственных осуществляется на фоне их соответствий в тексте перевода на китайский язык, показывается, как в переводе повести на другой язык функции имен собственных не всегда очевидны для читателя, а авторские намерения размываются. Так, если собственные имена персонажей повести служат для читателя источником информации об отношении автора к своим героям, то наиболее распространенный при передаче на китайский язык русских собственных имен перевод с помощью транскрипции оказывается приемлемым лишь в тех случаях, когда он уже освещен традицией, если речь идет о фамилиях известных политических деятелей (*Маркс, Каутский*), или же касательно фамилий персонажей, не имеющих в тексте особой смысловой нагруженности (*Полозов, Вяземская*), тогда как при переводе фамилии профессора *Преображенского* утрачивается семантика ‘преображение, улучшение мира и человека’ и аллюзия к православному празднику Преображения Господня. Аналогично лишаются в переводе отведенной автором коннотативно-символической функции и наименования городских реалий, содержащие не всегда прозрачную для представителей иной культуры культурно-фонтовую информацию (например, *Пречистенка*, отсылающая к рождению Мессии (*пречистенская звезда*)), что позволяет констатировать значительные смысловые потери.

Ключевые слова: имя собственное, функции, М. Булгаков, авторское намерение, имплицитный смысл, перевод.

Для цитирования:

Селиверстова Е.И., Чжан Ди. Имена собственные в аспекте культурной семантики и вербализации авторского замысла (на примере повести М. Булгакова «Собачье сердце» и ее перевода на китайский язык) // Коммуникативные исследования. 2018. № 2 (16). С. 197–210. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.2.197-210.

Сведения об авторах:

¹ **Селиверстова Елена Ивановна**, доктор филологических наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой русского языка для гуманитарных и естественных факультетов

² **Чжан Ди**, аспирант

Контактная информация:

Почтовый адрес: 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

¹ E-mail: selena754@inbox.ru

² E-mail: wozaizhe.000@163.com

Дата поступления статьи: 22.01.2018

Действие, разворачивающееся в художественном произведении, всегда представлено во временной и пространственной координатах, определяемых М.М. Бахтиным как «хронотоп» [Бахтин 1975: 234]. Пространство и время – это формы существования материи, обеспечивающие непрерывность в последовательной смене временных и пространственных фактов, показанных в произведении. По мнению И.Р. Гальперина, оставаясь непрерывным, цельным, «континуум в текстовом воспроизведении одновременно разбивается на отдельные эпизоды» [Гальперин 2007: 53], что определяется авторским намерением. В художественном показе мира пространство и время «оказываются сопряженными с самыми различными языковыми формами и средствами создания художественного образа» [Кандрашкина 2011: 1217].

В том, чтобы очертить время и место действия, создать впечатление достоверности происходящего, в повести М. Булгакова «Собачье сердце» участвуют разные пласты лексики. Слова – наименования реалий обладают лингвокультурологической ценностью и составляют целую систему.

Реалии – это предметы, явления, понятия, характерные для истории, уклада, быта, культуры определенного народа [Комлев 2006: 563]. С лингвистической точки зрения, в качестве реалий рассматриваются слова и обороты, которые обозначают эти предметы, явления, понятия и т. д. – слова-реалии [Мосиенко 2005: 156].

Реалии характеризуют жизнь и культуру определенного народа и обычно отсутствуют у других народов. В.В. Красных отмечает их известность «всем представителям национально-лингво-культурного сообщества» и «актуальность в когнитивном (познавательном и эмоциональ-

ном) плане, обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется» в речи представителей этого сообщества [Красных 1998: 51]. При переводе подобные слова и выражения создают известные трудности, что говорит об их «непереводимости» [Алексеева 2014; Овсянникова 2006: 79] или относительной переводимости [Григорьева 2017: 44].

Переводу реалий в лингвистике уделяется особое внимание, поскольку не всё переводимо в одинаковой степени – в языке немало единиц с ярко выраженной национально-культурной семантикой, что требует знания обоих языков и возможности «соотнесения» отражаемых в них объективных фактов [Федоров 2002: 24].

Вопрос об отражении внеязыковой действительности, представленной реалиями, – один из самых трудных, по мнению О.Г. Остапенко, но очень важных в теории перевода: «В нем сплетается целый ряд разнородных элементов таких, как переводческий аспект страноведения, культура переводчика и широта его лингвокультурологических знаний. Кроме этого необходимо учитывать фоновые знания читателя перевода по сравнению с привычными восприятиями и психологией читателя подлинника» [Остапенко 2013].

При неточной передаче некоторых разрядов языковых единиц оригинала читатель перевода может получить искаженное представление об авторском тексте, если реалии в художественном тексте введены автором намеренно [Фененко 2009: 121]. Всё это осложняет задачу переводчика, который должен «максимально точно передать смысл, значение и колорит, стоящие за реалией» [Пестова 2012: 60]. В качестве одного из требований китайские теоретики перевода упоминают, помимо правильности и полноты охвата текста, еще и сохранение его красоты [Ван Циафэй 2006].

В повести «Собачье сердце» реалии представлены наименованиями денежных единиц, единиц длины и веса, наименованиями профессий и социального статуса людей, именами собственными и т. д.

Онимы, или собственные имена, – «слова или словосочетания, которые служат для именованья, называния объекта, его выделения среди других объектов, его индивидуализации и идентификации» [Эмирова 2008: 326]. Эта категория слов, составляющая, по данным В.С. Виноградова, самую большую группу, включает **урбанонимы** – наименования улиц (*Сокольники, Неглинный* и т. д.), наименования учреждений и организаций (*Главлрыба, Москвошвея* и др.) и, наконец, **антропонимы** (*Преображенский, Шариков, Швондер* и др.) [Виноградов 2001: 104–111]. Одним из направлений исследования собственных имен является изучение их переноса «в сферу иных предметных соотнесений» [Евсюкова 2017: 3], когда антропонимы становятся базой для образования омонимов.

Собственные имена, обладая художественной и культурно-исторической ценностью, составляют специфический разряд единиц. М.В. Горбаневский, считая имена средством создания художественного образа в

произведении, подчеркивает их способность нести яркую смысловую нагрузку и обладать скрытым ассоциативным фоном, иметь особый звуковой облик. Имена и названия могут «отражать историческую эпоху и обладать социальной характеристикой» [Горбаневский 1988: 5]. О принадлежности имен собственных национальному культурному пространству пишет И.Г. Милевич, считая их имеющими историческую, культурную и национальную специфику и причисляя к «прецедентным именам» [Милевич 2012: 29].

Онимы являются носителями сведений о традициях и способах именования в целом в языке, хотя, по свидетельству Е.С. Плешкова, между исследователями до сих пор нет единства во взглядах на проблему семантической содержательности онимов [Плешков 2017: 72].

В художественном тексте онимы играют особую роль: по словам Ю.А. Карпенко, литературную ономастику «можно определить как субъективное отражение объективного, как осуществляемую писателем “игру” общезыковыми ономастическими нормами» [Карпенко 1984: 3]. Собственные имена позволяют «привязывать действительность, изображенную в произведении художественной литературы, к объективно существующему пространственно-временному континууму» [Белозерова 2008: 15]. Е.Ф. Косиченко, отмечая, что авторское произведение «представляет собой продукт творческой активности автора и одновременно несет отпечаток социокультурных условий его жизни», а «глубина понимания авторского замысла зависит от способности читателя учитывать оба фактора в процессе интерпретации», подчеркивает важность обращения исследователей к роли онимов в художественном тексте – именно в условиях антропоцентрического подхода к языку [Косиченко 2013: 94].

В контексте нашего анализа важным представляется высказывание С. Влахова и С. Флорина о роли в художественном произведении «говорящих» имен, имеющих яркое коннотативное значение и нуждающихся в особом внимании при переводе. Отмечая возникающие при передаче на другой язык трудности, ученые называют такие способы перевода, как транскрипция, перевод с заменой (введение неологизмов), приблизительный перевод [Влахов, Флорин 1980: 79]. Китайские исследователи включают в способы передачи также совмещенный способ (например, сочетание транскрипции и калькирования) [Ван Бинцинъ 2007: 25] и комментарий [Ван Лили 2007: 60]. Обратимся к роли имен собственных в повести «Собачье сердце» и охарактеризуем степень адекватности их передачи на китайский язык.

Имена собственные в повести можно разделить на несколько рядов по принципу их важности в художественном контексте и степени проявления в них национального своеобразия.

Часть собственных имен лишена, на первый взгляд, важной лингвострановедческой информации. Так, представляя профессору Преображенскому членов правления калабуховского дома, Швондер называет только

фамилии – *Вяземская, Пеструхин, Жаровкин*, не упоминая имен и отчеств, что в целом противоречит правилам общения – в частности, правилам представления в официально-деловой ситуации, поскольку исключает возможность уважительного обращения к малознакомым людям, т. е. Булгаков заранее исключает такую возможность для отдельных персонажей.

Интересны наименования самим профессором своих соседей по дому, хорошо ему знакомых, фамилии которых сочетаются у него с указанием на их социальный статус и – косвенно – на средства к существованию, что немаловажно в контексте показываемой эпохи: *буржуй Саблин* и *сахарозаводчик Полозов*. Номинация субъектов в 3-м лице представляется, с точки зрения норм русского языка, более корректной, чем просто указание на человека по фамилии, поскольку, как пишет Н.И. Формановская, обращение только по фамилию используется в бытовой среде и имеет «сниженный оттенок» [Формановская 2002: 67].

Важную функцию в повести выполняют имен идеологов и деятелей революционного движения – Ф. Энгельса, Каутского и др. Так, имя Карла Маркса – философа, экономиста, идеолога коммунистического движения – используется в речи профессора с иронией, адресованной новой власти: *Разве Карл Маркс запрещает держать на лестнице ковры? Разве где-нибудь у Карла Маркса сказано, что 2-й подъезд калабуховского дома на Пречистенке следует забить досками и ходить кругом через черный двор?* Названные имена переданы на китайский язык **транскрипцией**, т. е. с максимальным приближением к оригинальной фонетической форме. Здесь этот перевод можно считать адекватным, поскольку в китайской переводческой традиции уже имеются освященные многолетней традицией варианты перевода.

Аналогичным образом переданы на китайский язык и имена представителей домоуправления – *Пеструхина, Жаровкина, Вяземской* и *Швондера*. Но если первые три имени не вызывают особых ассоциаций в русском языковом сознании и, следовательно, их перевод не принципиален для адресата, то фамилия *Швондер* представляется более значимой. При отсутствии очевидной внутренней формы она, тем не менее, вызывает определенные ассоциации: фамилия созвучна другой «шипящей» фамилии – *Шарикова*, которым Швондер взялся руководить. По созвучию это имя увязывается и со словами *шваль* ('Негодная вещь. Негодный, ничтожный человек'), *швах* (1. 'Несведущ, очень слаб в каком-л. отношении'. 2. 'Плохо, скверно') [МАС 4: 352]. Однако и в этом случае фамилия передана на китайский язык без сохранения каких-либо аллюзий – у читателей перевода эти фамилии не вызывают никаких ассоциаций.

Транскрипция является традиционным приемом перевода имен собственных с русского на китайский [Сунь Симо 2015: 46]. В повести М. Булгакова таким способом переданы все имена, фамилии и отчества, а также большая часть названий государственных организаций и учреждений.

Перевод с помощью транскрипции фамилии *Преображенского*, с ее яркой внутренней формой, следует признать крайне неудачным: *преобразжать* – 'придать иной образ, вид, совершенно изменить кого-, что-л.' [МАС 3: 545]. *Преобразжать* – значит изменять мир творчески, улучшать. Кроме того, фамилия профессора, как пишет Н.Ю. Конышева, отсылает нас к русскому православному празднику Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа [Конышева 2015: 176]. Так что неслучайно профессор, живущий к тому же на Пречистенке, получил у Шарика статус некоего божества. Невольно возникает связь между фамилией профессора и его почти божественным назначением демиурга, творящего нового человека. Для китайского читателя вся эта информация утрачена.

Наконец, фамилия *Шарикова*. *Шарик* – кличка дворовой собаки. В тесте Булгакова обыгрывается его внутренняя форма: *шар*, *шарик* – «круглый»: *Шарик она назвала его... Какой он, к черту, «Шарик»? Шарик – это значит круглый, упитанный, глупый, овсянку жрёт.*

Контраст семантики мотивирующего признака и реального вида и состояния собаки – тощей, измученной борьбой за выживание, и размышления пса по поводу этого несоответствия заставили переводчика дать в китайском тексте пояснение о связи фамилии с шаром.

«Специфика этноса, его культурные и исторические традиции прямо или косвенно находят отражение в топонимах» [Перфильева, Новоспасская, Да 2017: 191]. У М. Булгакова названия улиц, зданий, учреждений и подобного показывают особенности эпохи, участвуют в формировании картины Москвы 1920-х гг. и во многом окрашены авторской иронией (ср. название *Столовая нормального питания служащих Центрального совета народного хозяйства*). Некоторые из них имеют особую функцию.

Остановимся подробнее на том, какая роль отводится писателем *калабуховскому* дому профессора, что находится на углу улицы *Пречистенки* и *Обухова* переулка. *Пречистенку* в 1921 г. переименовали в честь русского революционера-анархиста П.А. Кропоткина [Вострышев 2010: 458]. События, представленные в повести, происходят в 1924 г.; сама же повесть написана в 1925 г., когда улица уже была переименована в Кропоткинскую. Следовательно, автор намеренно не использует новое название улицы, не принимая, вероятно, одно из нежелательных явлений «новой» жизни.

Однако название этой улицы, как нам представляется, приобретает в повести особое звучание. Урбаноним *Пречистенка* получил свое название в честь иконы Смоленской Божьей Матери Пречистой. *Пречистая*, *пречистый* – это эпитет, относящихся к Богородице; «очень чистый» [Даль 1881: 503] и значит – 'святой'.

Путь Шарика к профессору домой пролегал, как показывает автор, почти исключительно по Пречистенке: *По всей Пречистенке сияли фонари. Бок болел нестерпимо, но Шарик временами забывал о нем, поглощенный одной мыслью – как бы не утратить в сутолоке чудесного видения в шубе и чем-нибудь выразить ему любовь и преданность. И раз семь на протя-*

жени **Пречистенки** до Обухова переулка он ее выразил. И хотя дом фактически стоял в Обуховом переулке, М. Булгаков «ведет» Шарика именно по Пречистенке, почти не упоминая реального почтового адреса.

Пречистенка для Шарика – дорога, дающая надежду на жизнь в раю. Его жизнь в качестве домашнего пса очень отличается от жизни уличной собаки: пройти мимо швейцара в шикарный дом, где можно лежать на ковре в тепле и покое, где кормят колбасой и «окровавленным ростбифом», где можно беспрепятственно наведаться в кухню, а там еда, и приятный запах, и т. д. Все эти детали новой жизни подкрепляют представление о рае: *Оценив ошейник по достоинству, пёс сделал первый визит в то главное отделение рая, куда до сих пор вход ему был категорически воспрещён, – именно в царство поварихи Дарьи Петровны.*

Неслучайными кажутся и упоминания о рае и воскресении в связи с операцией, показываемой Булгаковым как некий переход к иному состоянию – физическому и духовному: *Прощай, Москва! Не видать мне больше Чичкина и пролетариев и краковской колбасы. Иду в рай за собачье долго-терпение. <...> Когда он воскрес, у него легонько кружилась голова и чуть-чуть тошнило в животе. Умерший воскресает для жизни в раю.*

Да и сам господин, первоначально явившийся собаке «чудесным видением», и дальше вызывает у нее ассоциации с чудесным, божественным. Если сначала пес считал его «очень хорошим человеком», то позже он признал в нем «волшебника, мага и кудесника из собачьей сказки» и наградил самым высоким званием: *Во время этих обедов Филипп Филиппович окончательно получил звание божества, – которому пес исправно и с удовольствием служил. Шарик профессору представляется не иначе, как божеством: «К берегам священным Нила», – тихонько напевало божество, закусывая губы и вспоминая золотую внутренность Большого театра.*

Освещая период с появления Шарика в квартире профессора и до его превращения в человека, автор пишет об атмосфере в доме с использованием определения *пречистенская*:

Вечером потухала каменная пасть, в окне кухни над белой половиной занавесочкой стояла густая и важная пречистенская ночь с одинокой звездой;

Вечерами пречистенская звезда скрывалась за тяжкими шторами и, если в Большом театре не было «Аиды» и не было заседания Всероссийского хирургического общества, божество помещалось в кабинете в глубоком кресле;

Глаза его [Шарика] теперь не менее двух раз в день наливались благодарными слезами по адресу пречистенского мудреца [хозяина дома].

Определение распространяется и на квартиру профессора и образ жизни ее обитателей до появления жильца в лице Шарикова: *Пожимая плечами, кривя губы и хмыкая, Филипп Филиппович пожирал его глазами, как будто в белом нетонущем комке хотел разглядеть причину удивительных событий, перевернувших вверх дном жизнь в пречистенской квартире.*

Урбаноним *Пречистенская* становится, таким образом, символом благополучной жизни, сытой и спокойной, соответствующей представлениям пса о рае, а профессор Преображенский – божеством: *Пёс встал на задние лапы и сотворил перед Филиппом Филипповичем какой-то намаз.*

Нельзя не отметить и символическую роль звезды – аллюзии к библейскому сюжету, где она возвещает рождение Мессии. Здесь, однако, речь может идти о Мессии «нового образца», поскольку образ Шарикова ассоциируется и с образом Бога-сына [Гаспаров 1994: 96], если считать Преображенского Богом-отцом, и с образом оборотня [Савина 2005].

После обращения Шарика в человека атмосфера в доме иная: покой, благополучие, взаиморасположение обитателей сменяется беспокойством, раздражительностью, конфликтами. С Шариковым как человеком связаны неприятности, исключаяющие «райскую жизнь» – это скорее ее антипод. Показывая события этого периода жизни Шарика-Шарикова, автор вместо слов *Пречистенка, пречистенский* использует слова *Обухов, обуховский*:

*Нужно заметить, что в эти шесть дней хирург ухитрился восемь раз поссориться со своим воспитанником. И атмосфера в **обуховских** комнатах была душная;*

*И только что было произнесено слово «милиция», как благоговейную тишину **Обухова** переуллка прорезал лай грузовика и окна в доме дрогнули. Затем прозвучал уверенный звонок, и Полиграф Полиграфович вошёл с необычайным достоинством.*

«Обуховский период» заканчивается визитом следователя с ордером на обыск в квартире профессора и арест в связи с пропажей заведующего подотделом очистки Шарикова:

*Ночь в ночь через десять дней после сражения в смотровой в квартире профессора Преображенского, что в **Обуховском переулке**, ударил резкий звонок. <...>*

– Уголовная милиция и следователь. Благоволите открыть.

Уходом следователя, Швондера и других из квартиры профессора заканчивается период существования героя в человеческом облике, восстанавливается покой и благополучие. «Пречистенская ночь» вступает в свои права, а хозяин дома снова становится «божеством»: *Серые гармони и труб играли. Шторы скрыли густую **пречистенскую** ночь с ее одинокой звездой. Высшее существо, важный песий благодетель сидел в кресле, а пёс Шарик, привалившись, лежал на ковре у кожаного дивана.*

Урбаноним *Пречистенка* переведен на китайский язык транскрипцией – 普列奇斯坚卡, как и его производные, т. е. значение и ассоциации, вызываемые словами *Пречистая, Пречистенка, пречистенский*, утрачиваются, и отнюдь не случайный у М. Булгакова урбаноним, выполняющий как денотативную, так и коннотативно-символическую функцию, лишается в переводе отведенной для него автором функции, что позволяет говорить о значительных потерях.

Таким образом, мы вправе отметить проявление в повести «Собачье сердце» этномаркированных особенностей культуры, отражаемых собственными именами – антропонимами и урбанонимами. Они не только позволяют связать картину, показываемую М. Булгаковым, с реально существовавшей во времени и пространстве действительностью. Они характеризуются в повести глубинной семантикой и порождают широкий спектр ассоциаций. Неслучайно фамилии *Шариков*, *Швондер* и *Преображенский* стали практически нарицательными, о чем свидетельствуют, в частности, материалы Национального корпуса русского языка.

Использование урбанонима *Пречистенка* и его производных, хотя отчасти и объясняется причинами биографического свойства (на Пречистенке проживал дядя писателя, доктор Н.М. Покровский), входит в тексте М. Булгакова в ряд средств, представляющих библейские реминисценции и возникающие на их основе имплицитные смысловые ассоциации.

Однако если в переводе некоторые онимы, не имеющие лингвокультурной нагруженности в языке оригинала, могут быть без особых потерь для смысла произведения переданы транскрипцией или описательным способом, экспликацией (А. Паршин), то использование транскрипции при передаче единиц с ярко выраженной национально-культурной семантикой нельзя считать адекватным переводом. Здесь требуется не только хорошее знание обоих языков, но и представление об используемых в творчестве писателя мотивах и культурных ценностях носителей русского языка, понимание имплицитных смыслов, закодированных в отдельных словах, и художественных задач автора.

Список литературы

- Алексеева М.Л.* Научные дискуссии начала XXI столетия: проблема непереводаемости в компаративистике // Педагогическое образование в России. 2014. № 6. С. 9–13.
- Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
- Белозерова Е.А.* Функционирование имен собственных в художественном тексте и дискурсе: на материале современной британской литературы: дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 208 с.
- Ван Бинцинъ.* Теория культурного перевода. Тяньцзинь: Изд-во Нанькайс. ун-та, 2007. 313 с. (На кит. яз.).
- Ван Лили.* Разница между русской и китайской культурами и прием перевода: дис. ... канд. филол. наук. Ляонин, 2007. 90 с. (На кит. яз.).
- Ван Циафэй.* Современная теория перевода. Пекин: Изд-во исследований и образования в области иностранного языка, 2006. 238 с. (На кит. яз.).
- Виноградов В.С.* Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Изд-во ин-та общ. сред. образования РАО, 2001. 224 с.
- Влахов С., Флорин С.* Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. 341 с.

- Вострышев М.И.* Москва: все улицы, площади, бульвары, переулки. М.: Алгоритм: Эксмо, 2010. 712 с.
- Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2007. 144 с.
- Гаспаров Б.М.* Литературные лейтмотивы: очерки русской литературы XX века. М.: Наука, 1994. 304 с.
- Горбаневский М.В.* Ономастика в художественной литературе: филологические этюды. М.: Изд-во Ун-та дружбы народов, 1988. 187 с.
- Григорьева Г.Е.* Культурная и лингвистическая непереводаемость прозы В.М. Шукшина // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия 3. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Вып. 1. С. 43–55.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Тип. М.О. Вольфа, 1881. Т. 3. 584 с.
- Евсюкова Т.В.* Проблема омонимии имен собственных и имен нарицательных в речевых наименованиях // Научный журнал КубГАУ. 2017. № 132. С. 1–14. URL: <http://ej.kubagro.ru/2017/08/pdf/70.pdf>. DOI: 10/21515/1990-4665-132-070.
- Кандрашкина О.О.* Категории пространства, времени и хронотопа в художественном произведении и языковые средства их выражения // Известия Самарского научного центра РАН. 2011. Т. 13, № 2 (5). С. 1217–1221.
- Карпенко Ю.А.* Специфика ономастики // Русская ономастика: сборник научных трудов / отв. ред. Ю.А. Карпенко. Одесса, 1984. С. 3–16.
- Комлев Н.Г.* Словарь иностранных слов. М.: ЭКСМО, 2006. 669 с.
- Коньшева Н.Ю.* Ономастика в повестях М. Булгакова «Собачье Сердце» и «Роковые яйца» // Уральский филологический вестник. 2015. № 5. С. 174–181
- Косиченко Е.Ф.* Особенности функционирования культурно значимых антропонимов в художественном тексте // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2013. № 678. С. 94–103.
- Красных В.В.* Виртуальная реальность или реальная виртуальность? Человек. Сознание. Коммуникация. М.: Диалог-МГУ, 1998. 352 с.
- МАС* – Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык: Полиграфресурсы, 1999. Т. 3: П–Р. 750 с.; Т. 4: С–Я. 796 с.
- Милевич И.Г.* Перевод названий художественных фильмов: коммуникативные тактики // Перевод и сопоставительная лингвистика. 2012. № 8. С. 29–32.
- Мосиенко Л.В.* Лингвокультурологическая проблема классификации реалий // Вестник Оренбургского государственного университета. 2005. № 1. С. 155–161.
- Овсянникова Е.В.* Единицы непереводаемости // VIII Международная юбилейная научная конференция по переводоведению «Федоровские чтения» (Санкт-Петербург, 19–21 октября 2006 г.): тезисы докладов. СПб.: Филол. фак., 2006. С. 79–80.
- Остапенко О.Г.* Лингвокультурологические особенности перевода реалий // Вестник Московского государственного областного гуманитарного института. Серия: Филология. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 1. URL: [http://ggtu.ru/smi/vestnik/Vestnik Филология 1 \(2013\).pdf](http://ggtu.ru/smi/vestnik/Vestnik_Fилология_1_(2013).pdf).
- Перфильева Н.В., Новоспаская Н.В., Да С.Ф.* Информационный компонент топонимов Гвинеи-Бисау и Кабо-Верде // Вопросы теории и практики журналистики. 2017. № 2. С. 189–203. DOI: 10.17150/2308-6203.2017.6(2).189-203.

- Пестова М.С. Анализ переводческих ошибок при переводе реалий // Перевод и сопоставительная лингвистика. 2012. № 1. С. 60–63.
- Плешков Е.С. Значение имени собственного как лингвистическая проблема // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2017. Т. 14, № 3. С. 71–75. DOI: 10.14529/ling170312.
- Савина Е.А. Мистические мотивы в прозе М.А. Булгакова: «Собачье Сердце»: дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 168 с.
- Сунь Симо. Прием перевода безэквивалентной лексики на китайский язык: дис. ... канд. филол. наук. Хэнань, 2015. 64 с. (На кит. яз.).
- Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). СПб.: Филол. фак. СПбГУ; М.: Филология Три, 2002. 416 с.
- Фененко Н.А. Две стратегии перевода реалии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 1. С. 121–128.
- Формановская Н.И. Русский речевой этикет: нормативный социокультурный контекст. М.: Русский язык, 2002. 160 с.
- Эмирова А.М. Избранные научные работы: К 75-летию со дня рождения и 52-летию научной, педагогической и общественной деятельности. Симферополь: Крымучпедгиз, 2008. 366 с.

References

- Alekseyeva, M.L. (2014), Scientific discussions at the beginning of the XXI century: the problem of untranslatability in comparative studies. *Pedagogical Education in Russia*, No. 6, pp. 9-13. (in Russian)
- Bakhtin, M.M. (1975), *Voprosy literatury i estetiki* [*Questions of literature and aesthetics*], Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 504 p. (in Russian)
- Belozerova, E.A. (2008), *Funktsionirovanie imen sobstvennykh v khudozhestvennom tekste i diskurse: na materiale sovremennoi britanskoi literatury* [*Functioning of proper names in the artistic text and discourse: on the basis of modern British literature*], Dissertation, Moscow, 208 p. (in Russian)
- Dal', V.I. (1981), *Explanatory dictionary of the Great Russian language*, in 4 volumes, Moscow, M.O. Vol'f Publ., Vol. 3, 584 p. (in Russian)
- Emirova, A.M. (2008), *Selected scientific works*, To the 75th anniversary of the birth and the 52nd anniversary of the scientific, pedagogic and public activities, Simferopol, Krymuchpedgiz Publ., 366 p. (in Russian)
- Evgen'eva, A.P. (1999), *Dictionary of the Russian language*, in 4 volumes, Moscow, Russkii yazyk Publ., Poligrafresursy Publ., Vol. 3, 750 p.; Vol. 4, 796 p. (in Russian)
- Evsyukova, T.V. (2017), The problem of homonymy of proper nouns and common nouns in individual speech nominations. *Scientific Journal of KubSAU*, No. 132, pp. 1-14, available at: <http://ej.kubagro.ru/2017/08/pdf/70.pdf>. DOI: 10/21515/1990-4665-132-070. (in Russian)
- Fedorov, A.V. (2002), *Osnovy obshchei teorii perevoda (lingvisticheskie problemy)* [*Fundamentals of the general theory of translation (linguistic problems)*], St. Petersburg, Faculty of Philology of St. Petersburg State University Publ., Moscow, Filologiya Tri Publ., 416 p. (in Russian)

- Fenenko, N.A. (2009), Two strategies of translating realia. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*, No. 1, pp. 121-128. (in Russian)
- Formanovskaya, N.I. (2002), *Russkii rechevoi etiket: normativnyi sotsiokul'turnyi kontekst* [Russian speech etiquette: the normative socio-cultural context], Moscow, Russkii yazyk Publ., 160 p. (in Russian)
- Gal'perin, I.R. (2007), *Tekst kak obyekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research], Moscow, KomKniga Publ., 144 p. (in Russian)
- Gasparov, B.M. (1994), *Literaturnye leitmotivy* [Literary leitmotifs], Essays on Russian literature of the 20th century, Moscow, Nauka Publ., 304 p. (in Russian)
- Gorbanevskii, M.V. (1988), *Onomastika v khudozhestvennoi literature* [Onomastics in fiction], Philological studies, Moscow, Peoples' Friendship University Publ., 187 p. (in Russian)
- Grigorieva, G.E. (2017), Cultural and linguistic untranslatability of Vassily Shukshin's prose. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya 3. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, Iss. 1, pp. 43-55. (in Russian)
- Kandrashkina, O.O. (2011), Categories of "time", "space" and "chronotop" in literature and language means of their expression. *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, Vol. 13, No. 2 (5), pp. 1217-1221. (in Russian)
- Karpenko, Yu.A. (1984), Spetsifika onomastiki [Specific features of onomastics]. Karpenko, Yu.A. (Ed.) *Russkaya onomastika* [Russian onomastics], Collection of scientific works, Odesa, pp. 3-16. (in Russian)
- Komlev, N.G. (2006), *Dictionary of foreign words*, Moscow, EKSMO Publ., 669 p. (in Russian)
- Konysheva, N. (2015), Onomapoetics in M. Bulgakov's novels *Heart of a Dog* and *The Fatal Eggs*. *Ural Journal of Philology*, No. 5, pp. 174-181. (in Russian)
- Kosichenko, E.F. (2013), Functional aspects of cultural names in fictional texts. *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, Iss. 678, pp. 94-103. (in Russian)
- Krasnykh, V.V. (1998), *Virtual'naya realnost' ili real'naya virtual'nost? Chelovek. Soznanie. Kommunikatsiya* [Virtual reality or real virtuality? Human. Consciousness. Communication], Moscow, Dialog-MGU Publ., 352 p. (in Russian)
- Milevich, I.G. (2012), Translation of feature films titles: communicative tactics. *Perevod i sopostavitel'naya lingvistika* [Translation and comparative linguistics], No. 8, pp. 29-32. (in Russian)
- Mosienko, L.V. (2005), Lingvokul'turologicheskaya problema klassifikatsii realii [Linguistic and cultural problem of classification of realities]. *Vestnik of the Orenburg State University*, No. 1, pp. 155-161. (in Russian)
- Ostapenko, O.G. (2013), Linguistic and cultural peculiarities translation of realities. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo gumanitarnogo instituta. Seriya: Filologiya. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, Vol. 1, available at: [http://ggtu.ru/smi/vestnik/%D0%92%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA%20%D0%A4%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F%201%20\(2013\).pdf](http://ggtu.ru/smi/vestnik/%D0%92%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA%20%D0%A4%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F%201%20(2013).pdf). (in Russian)
- Ovsiyannikova, E.V. (2006), Edinitsy neperevodimosti [Units of untranslatability]. *8th International anniversary scientific conference on translation studies "Fedorov's*

- readings*”, St. Petersburg, October 19-21, 2006, theses of reports, St. Petersburg, Faculty of Philology Publ., pp. 79-80. (in Russian)
- Perfilieva, N.V., Novospasskaya, N.V., Da, S.F. (2017), The Information Component of Toponyms of Guinea-Bissau and Cape Verde. *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, No. 2, pp. 189-203. DOI: 10.17150/2308-6203.2017.6(2).189-203. (in Russian)
- Pestova, M.S. (2012), Error analysis in realia translation. *Perevod i sopostavitelnaya lingvistika* [Translation and comparative linguistics], No. 1, pp. 60-63. (in Russian)
- Pleshkov, E.S. (2017), The meaning of proper names as a linguistic problem. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*, Vol. 14, No. 3, pp. 71-75. DOI: 10.14529/ling170312. (in Russian)
- Savina, E.A. (2005), *Misticheskie motivy v proze M.A. Bulgakova: “Sobach'e Serdtse”* [Mystical motives in Bulgakov's prose: “Heart of a Dog”], Dissertation, Moscow, 2005, 168 p. (in Russian)
- Sun, Ximo. (2008), *Translation of the non-equivalent vocabulary into Chinese*, PhD Thesis, Henan, 64 p. (in Chinese)
- Vinogradov, V.S. (2001), *Vvedenie v perevodovedenie (obshchie i leksicheskie voprosy)* [Introduction to translation studies (general and lexical questions)], Moscow, Institute of General Secondary Education of the Russian Academy of Education Publ., 224 p. (in Russian)
- Vlakhov, S., Florin, S. (1980), *Neperevodimoe v perevode* [Untranslatable in translation], Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 341 p. (in Russian)
- Vostryshhev, M.I. (2010), *Moskva: vse ulitsy, ploshchadi, bul'vary, pereulki* [Moscow: all the streets, squares, boulevards, and alleys], Moscow, Algoritm Publ., Eksmo Publ., 712 p. (in Russian)
- Wang, Bingqin (2007), *Cultural Translation Studies*, Tianjin, Nankai University Press, 313 p. (in Chinese)
- Wang, Jiafei (2006), *Contemporary Translation Studies*, Beijing, Foreign Language Teaching and Research Press, 238 p. (in Chinese)
- Wang, Lili (2007), *Cultural Differences in Russian-Chinese Mutual Translation and Translation Methods*, Liaoning, 90 p. (in Chinese)

**PROPER NOUNS IN THE ASPECT OF CULTURAL SEMANTICS
AND VERBALIZATION OF THE AUTHOR'S INTENTION
(ON THE STORY OF M. BULGAKOV'S “HEART OF A DOG”
AND ITS TRANSLATION INTO CHINESE)**

E.I. Seliverstova¹, Di Zhang²

St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

Abstract: Names have an artistic and cultural-historical value: they carry out important artistic and ideological functions in the artistic text, reveal author's worldview, participate in the display of reality belonging to a certain epoch. In the article, the names of the main characters of the story – *Preobrazhensky*, *Shvonder* and *Sharikov* – are considered from the point of view of their significance and sense-forming function, and also individual urbanonyms are analyzed, in particular,

street names and city institutions that have a bright national and cultural coloring and perform an associative-symbolic function. The proper names of the characters of the story serve as a source of information for the reader about the author's relationship to his heroes. This, in particular, concerns the names of Preobrazhensky, indicating the essence and purpose of his experimental work, and Sharik / Sharikov, which, as a dog's nickname, associates with a well-fed domestic dog, and in combination with the form of treatment "gentleman" becomes a way of expressing irony. Translation by transcription as the most common in the transfer of Russian names to Chinese is acceptable in those cases when it is already either covered by tradition, if it is a question of the previously translated names of prominent political figures (*Marx, Kautsky*). This also applies to the names of characters who do not have a special meaning in the text (*Polozov, Vyazemskaya*). Translation by the transcription method of the professor's name is extremely inadequate: the semantics of "transformation, improvement of the world and man" and allusion to the Orthodox holiday of Transfiguration of the Lord are lost. On the other hand, the names of city realities also contain cultural and background information, which is not always transparent to representatives of another culture – for example, connected with the image of the *Prechistenskaya star*, which symbolizes the birth of the Messiah. In translation, this urbanonymus is deprived of the connotative-symbolic function assigned to him by the author, which allows us to state significant meaningful losses. Identifying the role of proper names is carried out against the background of their correspondences in the text of the translation into Chinese, which makes it possible to see that in translating a story into another language, the functions of proper names are not always obvious to the reader, and sometimes the author's intentions are blurred.

Key words: proper nouns, functions, Mikhail Bulgakov, author's intention, implicit meaning, translation.

For citation:

Seliverstova, E.I., Zhang, Di (2018), Proper nouns in the aspect of cultural semantics and verbalization of the author's intention (on the story of M. Bulgakov's "Heart of a Dog" and its translation into Chinese). *Communication Studies*, No. 2 (16), pp. 197-210. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.2.197-210. (in Russian)

About the authors:

¹ **Seliverstova Elena Ivanovna**, Prof., Associate Professor, Acting Head of the Russian Language Department for Faculties of Humanities and Natural Sciences

² **Zhang Di**, postgraduate student

Corresponding authors:

Postal address: 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

¹ E-mail: selena754@inbox.ru

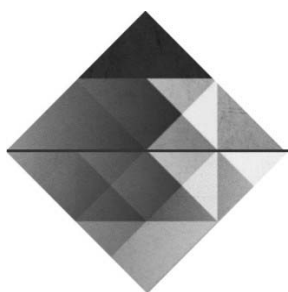
² E-mail: wozaizhe.000@163.com

Received: January 22, 2018

Раздел V

РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

Part V

REVIEWS. CHRONICLE

УДК 811.161.1

DOI 10.25513/2413-6182.2018.2.213-217

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ В.В. ДЕМЕНТЬЕВА
«РЕЧЕЖАНРОВЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ ЦЕННОСТИ
В НОВЫХ И НОВЕЙШИХ СФЕРАХ РУССКОЙ РЕЧИ»
(Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2016. 396 с.)**

В.М. Алпатов

Институт языкознания Российской академии наук (Москва, Россия)

Аннотация: Главными достоинствами рецензируемой монографии обозначены анализ и систематизация коммуникативных единиц (от речевых актов и стратегий до развернутых текстов), с помощью которых выявляются ключевые понятия русской культуры. На материале русского языка выделяется категория личности; выявляется противопоставление личностного (персонального) и неличностного (социального, официального, ритуального) в русской культуре, включая культуру общения. Подчеркивается актуальность монографии, связь проблем, решаемых в ней, с широко обсуждаемыми и не решенными до конца в современной науке вопросами: исследования коммуникации, в том числе лингвистика текста, теория речевых актов, прагматика, дискурсивный анализ, изучение так называемых языковых картин мира. Недостатки книги связываются с более общими недостатками, присущими многим современным работам по речевым жанрам, картине мира – «забеганием вперед», стремлением перепрыгнуть через необходимые этапы анализа.

Ключевые слова: дискурс-анализ, прагматика, коммуникация, лингвистика текста, теория речевых актов, теория речевых жанров.

Для цитирования:

Алпатов В.М. Рецензия на монографию В.В. Дементьева «Речежанровые коммуникативные ценности в новых и новейших сферах русской речи» (Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2016. 396 с.) // Коммуникативные исследования. 2018. № 2 (16). С. 213–217. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.2.213-217.

Сведения об авторе:

Алпатов Владимир Михайлович, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий отделом языков Восточной и Юго-Восточной Азии, руководитель Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям

Контактная информация:

Почтовый адрес: 125009, Россия, Москва, Большой Кисловский пер., 1/1

E-mail: v-alpatov@ivran.ru

Дата поступления статьи: 24.01.2018

Монография продолжает серию публикаций В.В. Дементьева, посвященных коммуникативному анализу русской речи, в частности развивает идеи, высказывавшиеся в книге «Коммуникативные ценности русской культуры: категория персональности в лексике и прагматике» (М.: Глобал Ком, 2013. 338 с. (Studia philologica)). Однако в данной монографии эти идеи уточняются и конкретизируются с привлечением значительного материала, связанного с русской культурой начиная с А.С. Пушкина и кончая современностью.

Данная книга – одна из многих публикаций, отражающих современный этап развития лингвистики, который характеризуется переходом от изучения языка «в себе и для себя» к исследованию языкового функционирования, прежде всего важнейшей его части – коммуникации. Как писал еще более тридцати лет назад А.Е. Кибрик, «всё, что имеет отношение к существованию и функционированию языка, входит в компетенцию лингвистики... То, что считается “не лингвистикой” на одном этапе, включается в нее на следующем».

В российской лингвистике последних десятилетий на первый план выдвигаются задачи исследования коммуникации, в том числе лингвистика текста, теория речевых актов, прагматика, дискурсивный анализ. Большое место стало занимать изучение так называемых языковых картин мира, основанное на идеях В. фон Гумбольдта, Э. Сепира и Б. Уорфа. Ставится задача изучения национальных картин мира, свойственных носителям тех или иных языков.

В русле таких подходов развиваются и исследования В.В. Дементьева, который ставит перед собой задачу выявить с помощью изучения коммуникативных стратегий ключевые понятия русской культуры. Как и в предыдущей книге, на материале русского языка выделяется категория персональности; выявляется противопоставление личностного (персонального) и неличностного (социального, официального, ритуального) в русской культуре, включая культуру общения.

Автор монографии стремится, используя речевой материал, найти отражение в нем нравственных категорий русской культуры. Эта проблема долго находилась вне круга лингвистической проблематики. Ф. де Сосюр говорил: «Язык дает сравнительно мало точных и достоверных данных о нравах и институтах народа, который пользуется этим языком». Он же отрицал «мнение, что язык отражает психологический склад народа». Теперь В.В. Дементьев и ряд других лингвистов пытаются доказать обратное. В частности, в данной книге автор ищет подтверждение распространенному у нас в последние десятилетия тезису о том, что русской картинне мира свойственно «отрицание социального», всё личностное оценива-

ется русским языковым сознанием положительно, а всё неличностное – отрицательно.

Связь коммуникации с нравственностью в России и русские коммуникативные ценности изучаются в монографии на разнообразном материале. Исследуется коммуникативная этика классиков русской литературы. В то же время автор обращается и к «низким» жанрам: современным политической и публицистической коммуникации, гламурным журналам, форумам в Интернете и пр.; активно используется совершенно свежий материал разнообразной литературы последних лет. В.В. Дементьев также продолжает проводившееся им в ряде публикаций исследование на материале русского языка тех или иных речевых жанров, начатое в 1950-х гг. в пионерских работах М.М. Бахтина. В частности, изучаются важный для русской речевой культуры жанр разговора по душам и, наоборот, нехарактерный для нее до недавнего времени (но теперь занимающий всё более заметное место) жанр светской беседы. Многие наблюдения, содержащиеся в монографии, весьма интересны и содержательны.

В то же время принятый В.В. Дементьевым подход связан с серьезными проблемами. По сравнению с 1960–1970-ми гг., когда в СССР очень сильным было стремление к формализации и математизации, сейчас в России наметилась противоположная крайность: лингвистика в России начинает напоминать далекие от какой-либо строгости гуманитарные дисциплины. Сам автор данной монографии писал в книге 2013 г.: «В современной коммуникативистике, начиная с первых лет ее развития... столь распространены именно *коммуникативные постулаты*, которые, в отличие от *теорем*, не нуждаются в разработанных непротиворечивых и общих для всех направлений... системах теоретических положений и соответствующей терминологии, а требуют лишь наличия общего “здорового смысла” да известного опыта собственно коммуникации». Но отказ от «непротиворечивых и общих для всех систем теоретических положений» (безусловно связанный с большей, чем в фонологии или морфологии, сложностью объекта), ведет к субъективизму и не способствует формированию каких-либо методов. Например, так называемая гипотеза Э. Сепира – Б. Уорфа может подтверждаться многими примерами, но можно указывать и на другие примеры, ее не поддерживающие. А критерии отбора не выработаны, и неясно, как их получить. Пока (это относится не только к В.В. Дементьеву, но едва ли не ко всем исследователям картин мира и языковой культуры) мы имеем определенное, как мне представляется, «забегание вперед», стремление перепрыгнуть через необходимые этапы анализа. Но, безусловно, «забегание вперед» – естественное явление в истории науки о языке.

И еще вопрос. Означает ли необратимое расширение границ лингвистики то, что она должна поглотить чуть ли не всю гуманитарную проблематику? Мне представляется важным разграничение того, что русские

переводчики В. фон Гумбольдта удачно назвали «мировоззрением» и «мировидением». Ср. также разграничение «идеологии в языке» и «идеологии с помощью языка» у В.И. Абаева. Всё же изучение мировоззрений («идеологии с помощью языка») – задача скорее не лингвистики, а других гуманитарных наук, и не может быть, например, единого русского мировоззрения (в отличие от мировидения). Интереснее для лингвиста изучение того, по выражению В. фон Гумбольдта, круга, который описывает тот или иной язык вокруг его носителей. В данной монографии содержится много интересного в отношении русского мировидения, но иногда, особенно в разделах о писателях, оно строго не отграничивается от мировоззрения.

Еще один сложный вопрос – различие объективной реальности и стереотипного представления о ней. Кажется, например, что очень содержательный раздел о разговоре по душам мог бы выиграть, если бы был разделен на две части: как определяется разговор по душам разными авторами – от составителей словарей до публицистов – и какие черты он имеет объективно. В монографии содержится и то и другое, но это две разные проблемы.

Но всё вышесказанное – это размышления по большому счету, оценивающие целое перспективное и уже дающее результаты направление современной лингвистики. У него есть свои «болезни роста», но его развитие закономерно, а в рамках данного направления работы В.В. Дементьева, несомненно, выделяются.

К монографии можно предъявить ряд более частных претензий. Говоря о «канцелярите», безусловно, очень заметном в русском дискурсе разных эпох, автор слишком прямолинейно связывает его с так называемым «тоталитарным дискурсом». Само последнее понятие часто, в том числе у нас, предполагает, что в «нормальных» странах вроде США и Великобритании (или даже царской России) ничего подобного нет и не было. Однако в ряде западных работ показано, что, например, английский дискурс «тэтчеризма» в основном обладает теми же признаками.

В связи с этим нельзя согласиться с дающимися в монографии оценками работ наших выдающихся ученых 1920-х гг. Е.Д. Поливанова и А.М. Селищева. Они оба не считали обилие канцеляризмов в русском литературном языке того времени чем-то положительным: Селищев, называвший себя «летописцем», писал об этом подчеркнуто отстраненно, а Поливанов осуждал это явление не меньше, чем впоследствии К. Чуковский (при разном отношении к советской власти). И оба не считали данное явление чем-то абсолютно новым, появившимся только после революции.

В книге есть повторения, например в разделе о политической коммуникации.

В целом же книга В.В. Дементьева интересна и содержательна, в ней много новых наблюдений и выводов.

**THE REVIEW OF THE V.V. DEMENTYEV'S MONOGRAPH
"SPEECH GENRE COMMUNICATIVE VALUES IN THE NEW
AND NEWEST SPHERES OF RUSSIAN SPEECH"
(Saratov, Saratov State University Publ., 2016, 396 p.)**

V.M. Alpatov

Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Abstract: The main advantages of the reviewed monograph, according to the author of the review, are the analysis and systematization of communicative units (from speech acts and strategies to developed texts), that help to reveal the key concepts of Russian culture. Based on the material of the Russian language, the category of personality has been revealed. The opposition of personal and impersonal (social, official, ritual) in Russian culture, including the culture of communication, has been analyzed. The author of the review emphasizes the relevance of the monograph, the connection of the problems, solved in it, with the issues that are widely discussed and not fully resolved in modern science: communication studies, including linguistics of the text, the theory of speech acts, pragmatics, discursive analysis, and the study of the so-called linguistic pictures of the world. The author attributes the shortcomings of the book to the more general shortcomings inherent, in his view, of many contemporary works on speech genres and the picture of the world – “running ahead”, the desire to jump over the necessary stages of analysis.

Key words: discursive analysis, pragmatics, communication, linguistics of the text, the theory of speech acts, the theory of speech genres.

For citation:

Alpatov, V.M. (2017), The review of the V.V. Dementyev's monograph "Speech genre communicative values in the new and newest spheres of Russian speech" (Saratov, Saratov State University Publ., 2016, 396 p.). *Communication Studies*, No. 2 (16), pp. 213-217. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.2.213-217. (in Russian)

About the author:

Alpatov Vladimir Mikhailovich, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Languages of East and South-East Asia, Head of the Research Center on National-Linguistic Relations

Corresponding author:

Postal address: 1/1, Bol'shoi Kislovskii per., Moscow, 125009, Russia

E-mail: v-alpatov@ivran.ru

Received: January 24, 2018

УДК 811.161.1'36+81(476)(092)
DOI 10.25513/2413-6182.2018.2.218-223

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ
Б.Ю. НОРМАНА «ЖИЗНЬ СЛОВОФОРМЫ»
(М.: Флинта: Наука, 2016. 216 с.)**

Т.Р. Рамза

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

Аннотация: Рецензируемое издание представляет собой нетипичное учебное пособие по грамматике, выстроенное на оригинальной авторской концепции и проиллюстрированное эффектными примерами из русской художественной литературы. Рассматривая грамматический строй русского языка через призму «поведения» в речевой практике (различных контекстах) падежных и предложно-падежных форм существительных, автор приходит к выводу, что неожиданные «поступки» словоформы в тексте (дискурсе) интересны и значимы для лингвиста, поскольку раскрывают потенциал языковой системы и часто предсказывают направление ее дальнейшего развития.

Ключевые слова: автор, учебное пособие, словоформа, падежная форма, контекст.

Для цитирования:

Рамза Т.Р. Рецензия на книгу Б.Ю. Нормана «Жизнь словоформы» (М.: Флинта: Наука, 2016. 216 с.) // Коммуникативные исследования. 2018. № 2 (16). С. 218–223. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.2.218-223.

Сведения об авторе:

Рамза Татьяна Ростиславовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры современного белорусского языка

Контактная информация:

Почтовый адрес: 220030, Беларусь, Минск, ул. Карла Маркса, 31

E-mail: ramza@bsu.by

Дата поступления статьи: 26.12.2017

Книга Б.Ю. Нормана «Жизнь словоформы», вышедшая в Москве в 2016 г., представляет жанр учебного пособия, но по содержанию и тем неожиданным поворотам и ракурсам, в которых перед читателем предстает словоформа в ее естественном функционировании в дискурсе (различных речевых контекстах), издание можно было бы отнести к приклю-

ченческому жанру. Автору удивительным образом удается удерживать внимание читателя от первой до последней страницы именно благодаря оригинальному взгляду на грамматический строй русского языка: как на подачу научно-теоретической информации и соответствующих ей примеров, так и на интерпретацию фактического материала. Причем автор профессионально использует прием «обманутого ожидания»: читатель, опираясь на изложенное выше, уже готов однозначно ответить на имплицитно или эксплицитно поставленный вопрос, но автор «подбрасывает» конкретный контекст, и... читатель в смятении... Тогда, торжествуя, автор ведет его своим путем, о котором читатель даже не подозревал... Такое позволить себе в учебном пособии может только Мастер.

На мой взгляд, именно неординарным образом написанные пособия дают самый мощный толчок к активизации у студентов не только интереса к учебе, но и, прежде всего, к нетривиальности мышления и поиску, поиску новых путей, решений и идей – в принципе, к тому, что является определяющим для будущего исследователя. Рецензируемая книга – это лишь одна из многочисленных публикаций автора, где научные лингвистические знания подаются нестандартно, увлекательно, доступно, интересно, глубоко и аргументированно. Любой заинтересованный читатель (даже без филологического образования), несомненно, прочитает книгу целиком, взяв из нее свой багаж информации.

Содержание пособия выстроено таким образом, чтобы далеко не простая сущность словоформы была раскрыта в единстве ее различных сторон: морфологической (как единицы словоизменительной парадигмы), синтаксической (как элемента структуры высказывания), лексической (как представителя конкретного слова в определенном контексте), дискурсивной (как языкового знака, форма которого зависима от ряда лингвистических и внелингвистических факторов). Девять представленных тем (автор избежал разбивки содержания на главы или разделы, а обошелся нумерацией и названием) базируются на реальном материале из русской художественной прозы и поэзии и охватывают ключевые термины и понятия, которые как раз и помогают разобраться в своеобразном «поведении» словоформы в речевых контекстах; к ним относятся: *словоформа, лексическое и грамматическое значения, словоизменение, предлог, падежная форма, парадигма, изосемия, лексикализация, словосочетание, высказывание, синтаксическая функция, управление* и др. Основному содержанию предшествует авторское предисловие, а заключение обобщает изложенное.

Отдельно хочется сказать о списке научной литературы, цитируемой автором, общее число которой составляет 146 позиций. Такое количество изданий, к которым апеллирует или на которые ссылается автор, свидетельствует не только о его глубокой аналитической работе, но, по моему мнению, служит отличным примером для студентов и преподавателей в

аспекте того, как выстраивать свою концепцию и держаться ее, учитывая при этом разные (нередко абсолютно противоположные) точки зрения на одну и ту же проблему, как убеждать в своей позиции, корректно и аргументированно опровергая и/или дополняя мнения других, как развивать идеи предшественников и современников, экспериментируя с оригинальным фактическим материалом, и, наконец, как создавать свое, не забывая упомянуть созданное до тебя. Такое учебное пособие служит не только для развития ума, но и для воспитания научной этики у студентов.

Введением в «жизнь и приключения словоформы» является первая тема «Словоформа – представитель лексемы в тексте», в которой указывается новичкам и напоминает посвященным, кто дал жизнь термину *словоформа* (взамен «грамматическая форма слова») – А.И. Смирницкий (1957) и что это понятие «фокусирует в себе целый ряд проблем современной грамматики и лексикологии» (с. 7). И поскольку объять необъятное в одном пособии невозможно, автор предлагает рассмотреть в следующих темах несколько теоретических вопросов, связанных с выражением лексического и грамматического значений словоформы и с противоречивостью данного феномена. Фактическим материалом были избраны именные формы существительных.

Функционированию и интерпретации падежных и предложно-падежных форм существительных посвящены темы «Словоформа среди себе подобных», «Предлог и падежная форма», «Полнота / неполнота словоизменительной парадигмы», «Лексическая база словоформы» и др. Автор отмечает, что привычная «иерархия» русских падежей (от именительного до предложного) не соответствует их реальному распределению в различных письменных и устных текстах, поскольку языковое (грамматическое) равенство любой из падежных форм словоизменительной парадигмы нарушается ее коммуникативной востребованностью в речи, т. е. частотой употребления. (Именно поэтому при изучении русского языка как иностранного после знакомства с именительным падежом существительного изучается прежде всего винительный.) Кроме того, от конкретного контекста, как аргументирует автор, зависит семантическая «чистота» падежной формы. «Это значит, что одни словоформы отчетливо выражают свою грамматическую семантику, в то время как для других характерна та или иная степень нейтрализации или совмещения грамматических значений» (с. 25). И приводит нетривиальные примеры использования в поэтических текстах диффузного, «семантически размытого» творительного падежа (напр., *Взвейтесь кострами, синие ночи...*), который, как оказывается, очень любят поэты «за его “всеядность”, за безграничную семантику» (с. 28).

Падежную форму с предлогом в русском языке автор рассматривает как единую словоформу, «своего рода конфикс, или круговой аффикс» (с. 32), следуя Е. Куриловичу, характеризовавшему предлог и падежную

флексию в составе такой единицы, как «субморфемы». И вместе с тем на убедительных примерах показывает, что всё-таки «предлог – семантически более “сильная” составная часть конфикса» (с. 42), так как в определенных контекстах он может быть самодостаточным (*выяснить всё «от» и «до»*), обслуживать ряд связанных сочинительной связью однородных членов (*по субботам и воскресеньям*), «выравнивать» разные синтаксические конструкции, так называемые зевгма (*Таёт во рту, а не в жару*), «обесценивать» падежную флексию (*Воздушный парад над Тушино*), быть относительно свободным в выборе падежных окончаний (*под землёй / под землёю и Поставь этот стул в угол / в углу*). Такое семантическое доминирование предлога в составе предложно-падежной формы, а также надлежащая теоретическая база исследователя могут привести к искажению языковых фактов – на что и обращает внимание автор. Комментируя псевдонаучные выводы белорусской исследовательницы относительно сравнения глагольного управления с предлогами в русском и белорусском языках, автор высказывает мнение, что объектом сопоставительно-синтаксических штудий должны быть «не поиск общих и имманентных значений предлогов, независимых от управляющей лексемы и не связанных с управляемой падежной формой, а изучение особенностей функциональной нагрузки отдельных падежных и предложно-падежных форм» (с. 53), с чем трудно не согласиться.

В темах «Словоформа как выразитель синтаксической функции», «Автономная словоформа», «Словоформа в составе словосочетания и высказывания» и других более подробно говорится о степени свободы словоформы. Будучи морфологической единицей, словоформа, по меткому замечанию автора, «слуга двух господ: лексемы, репрезентантом которой она является, и синтаксической функции, которой слово наделено в тексте» (с. 56). Исходя из функционального признака словоформы в рамках высказывания, автор ориентирует читателя на новаторские концепции ученых, останавливаясь на самых значительных именах, связанных с появлением и распространением новых понятий вместо традиционного «член предложения», а именно: *синтаксическая позиция* (Т.П. Ломтев), *синтаксема* (Г.А. Золотова), *актанты* и *сирконстанты* (Л. Теньер), а также *изосемичные / неизосемичные конструкции*. Проведя читателя за руку (практически в буквальном смысле) через лабиринты контекстного поэтического и/или прозаического использования словоформ (в различных синтаксических функциях), автор делится впечатлением: «При огромном богатстве и разнообразии падежных и предложно-падежных форм в русском языке, сфера действия каждой из них ограничена целым рядом условий» (с. 126): лексико-семантических, стилистических, грамматических и др., – которые он детально объясняет и разбирает на конкретных примерах.

Автономное функционирование падежной или предложно-падежной форм в речи обусловлено тем, что «участвуя в структуре разнообраз-

ных высказываний, словоформа аккумулирует в себе свою часть опыта отношений человека с окружающим миром» (с. 148). Одним из ярких подтверждений тому могут быть *бэджи*, явившие собой, по мнению автора, новый жанр номинативных предложений. Бэдж «комбинирует в себе несколько функций: это идентификация личности (“этикеточная” роль), информация о месте человека в общественной структуре, рекламная и защитная роль (в ряде случаев бэдж играет роль пропуска или своего рода оберега), а также интимизация общения и др.» (с. 145). К сепаратизации словоформы, как указывает автор, приводит и усиливающаяся в русском языке тенденция к аналитизму, проявляющаяся «прежде всего в замене многих беспредложных конструкций предложными (*опыт по созданию, требования об охране*)» (с. 154), но ей же противостоит противоположная тенденция слияния двух форм – так называемый «агглютинативный» именной комплекс типа *тети Наташин Вовка*.

Что касается положения словоформы в составе предложения, то автор отмечает здесь две общие закономерности: действие противонаправленных тенденций – центростремительную, консолидирующую внутренние связи предложения, и центробежную, ведущую к ослаблению общей структуры, к ее «рассыпчатости» (с. 163). При этом особое внимание уделяется частным правилам: как структура высказывания может влиять на выбор конкретной словоформы, т. е. на речевых примерах редупликации, эллипсиса, ассимиляции и диссимиляции соседних грамматических форм обсуждаются несовпадения (противопоставления) фактов языка и речи. Разнообразный контекстный материал, глубоко проинтерпретированный автором, позволяет ему сделать вывод, «что речевая среда в чем-то соперничает с языковой системой, «поправляет» ее в соответствии с требованиями текущего момента» (с. 177). Этот вывод (как, впрочем, и всё содержание книги) должен, по-моему, быть своего рода сигналом для читателя: правила, прописанные в учебниках, – это только одна сторона медали, где всё достаточно жестко конвенционализировано, но будущему специалисту не стоит уповать только на нее.

**REVIEW OF THE B.Yu. NORMAN'S BOOK
“THE LIFE OF WORD FORM”
(Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2016, 216 p.)**

T.R. Ramza

Belarusian State University (Minsk, Belarus)

Abstract: The peer-reviewed publication is not a typical textbook on grammar, based on the original author's concept and illustrated with spectacular examples from Russian fiction. The present article studies grammatical structure of the Russian language from the perspective of “behavior” in the speech practice (different

contexts) of the case forms and prepositional-nominal forms of nouns. The author comes to the conclusion that the unexpected “actions” of the word form in the text (discourse) are interesting and significant for linguists, as they reveal the potential of the language system and often predict the direction of its further development.

Key words: author, textbook, word form, case form, context.

For citation:

Ramza, T.R. (2017), Review of the B.Yu. Norman’s book “The life of word form” (Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2016, 216 p.). *Communication Studies*, No. 2 (16), pp. 218-223. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.2.218-223. (in Russian)

About the author:

Ramza Tatiana Rostislavovna, Prof., Associate Professor, Professor of the Department of Modern Belarusian Language

Corresponding author:

Postal address: 31, Karla Marksa ul., Minsk, 220030, Belarus

E-mail: ramza@bsu.by

Received: December 26, 2017

УДК 811.161.1'271
DOI 10.25513/2413-6182.2018.2.224-227

**ЗАСЕДАНИЕ ОРФОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ РАН:
ХРОНИКА И ОСНОВНЫЕ РЕШЕНИЯ
(27 января 2018 г., Новосибирск, Россия)**

М.С. Картышева

*Институт русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук
(Москва, Россия)*

Аннотация: Представлена информация о заседании Орфографической комиссии РАН 27 января 2018 г. в Новосибирске, прошедшем в рамках VI международной научно-практической конференции Тотального диктанта «Динамические процессы в современном русском языке» (25–27 января 2018 г.), где были представлены три доклада. В результате обсуждения материалов выступлений члены Орфографической комиссии РАН утвердили основные положения подготовки нового свода правил правописания, решили уточнить два правила пунктуации («Знаки препинания в предложениях с однородными членами» и «Знаки препинания в бессоюзном предложении»). Также члены Орфографической комиссии подтвердили необходимость создания отдельного терминологического словаря, в котором будут даны определения всем понятиям, употребленным в новом своде.

Ключевые слова: орфография, принципы орфографии, современная норма, Орфографическая комиссия, правила правописания.

Для цитирования:

Картышева М.С. Заседание Орфографической комиссии РАН: хроника и основные решения (27 января 2018 г., Новосибирск, Россия) // Коммуникативные исследования. 2018. № 2 (16). С. 224–227. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.2.224-227.

Сведения об авторе:

Картышева Мария Сергеевна, младший научный сотрудник

Контактная информация:

Почтовый адрес: 119019, Россия, Москва, ул. Волхонка, 18/2

E-mail: mariyakartysheva@gmail.com

Дата поступления статьи: 15.03.2018

На заседании 27 января в Новосибирске Орфографическая комиссия заслушала три доклада и на их основе приняла ряд решений.

Первым выступил председатель Орфографической комиссии РАН Алексей Дмитриевич Шмелев с докладом «Логическая структура правил правописания: подводные камни». А.Д. Шмелев отметил, что, говоря о правилах, следует различать два момента: «как правильно писать» и «как это описать в правилах». На вопрос, как правильно писать слово, что является нормой, должна ответить Орфографическая комиссия, которая опирается на мнение грамотного большинства, а как это описать, как отразить норму, утвержденную Орфографической комиссией, – задача авторского коллектива, работающего над сводом правил. Авторы правил не должны формулировать жесткого правила, если существующая норма расплывчата. Написанные правила впоследствии должны быть утверждены Орфографической комиссией.

Работая над сводом правил, необходимо учитывать, что правило не должно отсылать к энциклопедическим словарям, к паспортам и к другим источникам. Например, в Полном академическом справочнике «Правила русской орфографии и пунктуации» под ред. В.В. Лопатина (М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009) содержится следующее указание: «Написание конкретных собственных имен этой группы уточняется по энциклопедическому словарю», – но трудно сказать, какое издание энциклопедического словаря является авторитетным для авторов справочника, так как оно не названо.

В применении к написанию слов важно различать общие обязательные правила, нарушение которых воспринимается как ошибка, и рекомендации Орфографической комиссии для тех случаев, когда ее члены не могут прийти к согласию относительно того, что является нормой. Так, можно считать грубой ошибкой написание *кто бы то не был*, а написания **наощупь* или **сходу* нет, хотя в орфографических словарях, изданных после 1956 г., рекомендуется писать эти слова отдельно: *на ощупь* и *с ходу*. При этом граница между строгим правилом и рекомендацией субъективна и определяется членами Орфографической комиссии. В 2018 г. в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН началась работа над проектом свода орфографических правил, в котором всё вышеописанное будет учтено.

Второй доклад был посвящен одному пунктуационному правилу. Н.Б. Кошкарева, член Орфографической комиссии, проанализировала параграф 129 Полного академического справочника «Правила русской орфографии и пунктуации» под ред. В.В. Лопатина. В этом параграфе описываются условия употребления двоеточия в бессоюзном предложении. В примечании 2 к этому параграфу допускается употребление тире вместо двоеточия в бессоюзном предложении (особенно в художественной литературе и в публицистике). Данное примечание полностью отменяет правило употребления двоеточия, описанное в параграфе. Экспертный со-

вет Тотального диктанта, зная об этом примечании, признал, что в подобных бессоюзных предложениях можно употреблять как двоеточие, так и тире. Впоследствии Н.Б. Кошкарева проанализировала примеры, которые были предложены в примечании к этому правилу, и обнаружила, что в части таких примеров пропущено модусное звено, которое и обозначено с помощью тире. Другие предложения являются контекстуально неполными: например, в предложении «Изредка в небе светилось голубоватое пятно – за тучами пробивалась луна, но тотчас гасла – с заунывным свистом на нее неслась темнота» (К. Паустовский. Дым отечества) пропущено «это означает, что».

В результате обсуждения доклада Н.Б. Кошкаревой члены Орфографической комиссии постановили пересмотреть примечание 2 к параграфу 129 и сделать его отдельным пунктом правила. Председатель Орфографической комиссии РАН А.Д. Шмелев отметил, что все пунктуационные правила нуждаются в серьезной переработке и что также необходимо сформулировать теоретические и логические их основания, так как правила пунктуации устроены иначе, чем правила орфографии: в пунктуации существуют правила, в которых допускаются разные факультативные знаки.

Последним выступил член Орфографической комиссии В.М. Пахомов с докладом «Пунктуация при однородных членах: простое сложное правило». В справочниках предложено правило расстановки знаков в предложениях с однородными членами, однако точной информации, что такое однородные члены предложения, нет. В школьных учебниках определение однородных членов предложения есть, однако запоминается не всё определение, а только его часть: однородные члены предложения отвечают на один и тот же вопрос. Например, в предложениях «Он решал задачу и наконец ее решил», «Она до сих пор стоит в столице Бурятии и стала одним из ее символов» сказуемые отвечают на разные вопросы, поэтому пишущий делает вывод, что сказуемые не являются однородными и следует поставить запятую перед *и*. Члены Орфографической комиссии в результате обсуждения материалов этого доклада постановили необходимость создания терминологического справочника, в котором бы были даны определения тем понятиям, которые используются в своде правил. Кроме того, составляя свод правил, авторский коллектив должен предложить к этому правилу, и не только к нему, примеры, учитывающие все возможные случаи.

Следующее заседание Орфографической комиссии состоится 20 мая 2018 г. в Санкт-Петербурге.

**MEETING OF THE SPELLING COMMISSION OF THE RAS:
THE CHRONICLE AND MAIN DECISIONS
(January 27, 2018, Novosibirsk, Russia)**

M.S. Kartysheva

*Vinogradov Institute of Russian Language of Russian Academy of Science
(Moscow, Russia)*

Abstract: The article presents the information about the meeting of the Spelling Commission of the RAS on January 27, 2018 in Novosibirsk. The meeting was held within the 6th international scientific and practical conference of the Total Dictation “Dynamic processes in the modern Russian language” (January 25-27, 2018). Three reports were presented and discussed. As the result of the discussion, the Spelling Commission members of the RAS agreed upon the preparation of main items of the new spelling rules code. It was suggested to specify two rules of punctuation (“Punctuation marks in sentences with homogeneous elements” and “Punctuation marks in conjunctionless sentences”). Moreover, the members of the Commission confirmed the need to create a terminology dictionary, where all the concepts used in the new code will be stated.

Key words: orthography, principles of orthography, the modern norm, the Spelling Commission, spelling rules.

For citation:

Kartysheva, M.S. (2018), Meeting of the Spelling Commission of the RAS: the chronicle and main decisions (January 27, 2018, Novosibirsk, Russia). *Communication Studies*, No. 2 (16), pp. 224-227. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.2.224-227. (in Russian)

About the author:

Kartysheva Maria Sergeevna, junior research fellow

Corresponding author:

Postal address: 18/2, Volkhonka ul., Moscow, 119019, Russia

E-mail: mariyakartysheva@gmail.com

Received: March 15, 2018

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

INFORMATION FOR AUTHORS

Правила представления авторами рукописей

Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех специалистов, интересующихся коммуникативными исследованиями и смежными проблемами. Публикация материалов осуществляется на русском и английском языках.

Журнал выходит четыре раза в год. Ежегодно срок подачи статей для первого номера – **до 1 февраля**; для второго – **1 апреля**; для третьего – **1 августа**; для четвертого – **до 1 октября**.

Письмо-заявка кроме самой статьи включает **отдельный файл** со сведениями об авторе.

Для публикации статья должна соответствовать требованиям РИНЦ, Web of Science и Scopus, т. е. помимо основного текста содержать следующие сведения, представленные на **русском и английском** языках:

1. УДК.
2. Название статьи (прописными буквами); инициалы и фамилию автора (-ов); аннотацию (резюме) (10–15 строк, отражающих основное содержание статьи); ключевые слова (5–8 слов через запятую) – на русском языке. Обращаем внимание авторов на то, что объем аннотации к статье в международном журнале обычно составляет около **700–1500 знаков с пробелами**. Аннотация должна быть составлена самостоятельно, а не повторять фрагменты статьи.
3. Информацию п. 2 в той же последовательности – на английском языке (ФИО автора (ов) – в транслитерации).
4. Полный текст статьи на русском или английском языке.
5. Список литературы на русском языке. Нумерация в списке литературы идет по алфавиту, в случае нескольких ссылок на одного автора – по хронологии. В список литературы включаются только те источники, на которые есть ссылки в тексте статьи.
6. Список литературы в латинице (References): транслитерация имени автора; год публикации (в круглых скобках); выделенные курсивом транслитерация названия источника и – в квадратных скобках – его перевод; если речь идет о публикации внутри сборника или журнала, то прежде по аналогичному принципу указывается название материала, на который дается ссылка, – без выделения курсивом и отделенное от названия источника точкой; английский вариант названия места издания и транслитерация названия издающей организации, с указанием publ. (если речь идет о книжной публикации). Прочие данные (сведения о редакторе или составителе, сведения об издании, номер выпуска, объем) приводятся в переводе на английский язык с использованием принятых сокращений.

В случае, если выходные сведения источника уже содержали перевод необходимых элементов записи (как правило, если речь идет о журнальных публикациях или переводной литературе), равно в случае «типовых» названий (например, «собрание сочинений» или «толковый словарь»), в описании источника достаточно привести лишь перевод, без сопровождения его транслитерацией, но в конце описания дав в круглых скобках указание на язык источника (in Russian).

7. Список источников речевых иллюстраций, если автор считает необходимым его представление. Оформляется отдельно по представленным выше правилам под заголовком «Источники», на латинице – «Sources».

8. Данные об авторах: фамилия, имя, отчество полностью; ученая степень; ученое звание; должность с указанием организации; юридический адрес организации (не домашний); электронная почта автора (-ов).

9. Информацию п. 8 на английском языке в той же последовательности: фамилия, имя, отчество автора (-ов); ученая степень; ученое звание; должность; название организации; юридический адрес организации; электронная почта.

Требования к оформлению

Гарнитура – Times New Roman. Кегль основного текста – 14 pt, списков литературы, аннотации и ключевых слов – 12 pt. Везде используется абзац 1,0 см и одинарный интервал. Все поля – по 2 см. Объем предлагаемого материала не должен превышать **30 000 знаков** с учетом пробелов, включая примечания и литературу.

Ссылка в тексте на цитируемые работы оформляется в виде [Иванов 2008: 25].

Речевые иллюстрации набираются курсивом без заключения в кавычки, выделения делаются жирным шрифтом.

Ссылка на источник фактического материала оформляется в круглых скобках следующими способами:

(Л. Улицкая. Священный мусор),
(Огонек. 2013. № 1),
(НТВ. Сегодня. 7.08.2013),
(<http://file-rf.ru/analytics/54.3.03.2013>).

В случае использования примеров из НКРЯ допускается приводить описание источника согласно принятой в корпусе форме.

Сноски желательно минимизировать. В случае необходимости следует давать их в сквозной нумерации в конце страницы.

Сокращения, условные обозначения и цитаты оформляются в соответствии с общепринятыми стандартами (ГОСТ Р 7.0.5–2008).

Обращаем внимание авторов на то, что в Международном журнале часть информации представляется **на английском языке** (заглавия статей, аннотации, ключевые слова, названия организаций, к которым приписан автор, обозначения выходных данных). Ответственность за качество перевода возлагается на автора. Другая часть, которая не переводится на английский язык (фамилии авторов, русскоязычные названия пер-

воисточников в списках литературы, собственные названия организаций и издательств), представляемых в оригинале в кириллице, должна быть представлена в романском (латинском) алфавите в одной из принятых систем транслитерации.

Данное требование является обязательным в журналах, реферируемых в международных системах научного цитирования Web of Science и Scopus.

Образец оформления списка литературы

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Книга: Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.

Статья в журнале: Кибрик А.А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания. 1994. № 5. С. 126–139.

Часть книги: Серль Дж. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1986. С. 195–222.

Материалы конференции: Кабакова Ю.А. Убеждение как сложный комплексный речевой акт // Теория и практика германских и романских языков: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Ульяновск, 2000. С. 96–98.

Электронный ресурс: Гусейнов Г.Ч. Заметки к антропологии русского Интернета // НЛО. 2000. № 43. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/43/main8.html> (дата обращения: 01.06.2015).

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского: официальный сайт. URL: <http://www.omsu.ru> (дата обращения: 24.06.2015).

REFERENCES

Книга: Benveniste, E. (1974), *Obshchaya lingvistika* [*The General Linguistics*], Moscow, Progress Publ., 448 p.

Статья в журнале: Kibrik, A.A. (1994), *Kognitivnye issledovaniya po diskursu* [Cognitive research on discourse]. *Voprosy yazykoznaneya* [*Linguistics Questions*], No. 5, pp. 223-235.

Часть книги: Searle, J. (1986), *Kosvennye rechevye акты* [Indirect speech acts]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [*New in foreign linguistics*], Moscow, Iss. XVII, pp. 195-222.

Материалы конференции: Kabakova, Yu.A. (2000), *Ubezhdenie kak slozhnyi kompleksnyi rechevoi акт* [Persuasion as a complex integrated speech act]. *Teoriya i praktika germanskikh i romanskikh yazykov* [*Theory and practice of German and Romance Languages*], Materials of All-Russian Scientific and Practical Conference, Ulyanovsk, pp. 96-98.

Электронный ресурс: Guseinov, G.Ch. (2000), *Zametki k antropologii russkogo Interneta* [Notes to the Anthropology of the Russian Internet]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], No. 43, available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/43/main8.html> (accessed date: June 1, 2015).

Dostoevsky Omsk State University, available at: <http://www.omsu.ru> (accessed date: June 24, 2015).

Просим учесть, что материалы, не соответствующие тематике журнала или оформленные не в соответствии с перечисленными требованиями, к рассмотрению не принимаются.

Каждая поступившая в редакцию журнала статья рецензируется двумя анонимными рецензентами из числа российских и зарубежных ученых, компетентных в проблематике статьи. Файл с текстом статьи передается рецензентам тоже анонимно, т. е. без имени автора статьи и данных о нем. Рецензент должен оценить соответствие статьи проблематике журнала, актуальность и оригинальность работы, анализ материала и язык, написать краткое обоснование / рекомендации. Замечания, содержащиеся в рецензиях (если есть), пересылаются автору статьи (без указания имени рецензента). Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензента.

Контакты

644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а. ОмГУ им. Ф.М. Достоевского

Факультет филологии и медиакоммуникаций. Тел.: +7 (3812) 229-815

Кафедра прикладной и теоретической лингвистики. Тел.: +7 (3812) 670-620

Гл. редактор Иссерс Оксана Сергеевна

Отв. секретарь Терских Марина Викторовна (terskihm@mail.ru)